

АЛЕКСАНДР ДУВОНОСОВ

3

БОГАТЫРЬ

И ЗВЕЗДА СВАРОГА

Ну меня и помотало...

Думал, что буду творить подвиги на службе у князя, а всё опять получилось шиворот навыворот.

Да и пошло оно это богатырство куда подальше!

По итогу вышло так, что искал медь, а нашёл золото.

Теперь у меня новый дом, чудесная невеста, так ещё и занимаюсь любимым делом.

Не жизнь, а сказка!

Была..., пока не заблудился в метели и не наткнулся на одну богами забытую пещеру.

Пролог

Их вышло трое...

Двигались уверенно и неторопливо. Старались не выделяться среди толпы, медленно плывущей в сторону Малых городских ворот.

Коренные жители Сталь-града всегда славились своим высоким ростом, а эта троица была как раз далеко не из низких. Идеальное прикрытие.

К тому же, они старательно подготовились, чтобы ничуть не отличаться от обычного местного мужичья.

Даже предысторию постарались продумать до мелочей, на случай неудобных вопросов.

Старший — купец. Двое других, волочащих за собой увесистый сундук — его охрана.

По крайней мере так они представились городской страже, а тугой мешочек золотых, незаметно вложенный в руку начальника постовых, отлично подкрепил их легенду.

Старшему не раз доводилось незаметно проникать в Сталь-град самыми разными путями.

В этих вылазках ему удалось усвоить все местные порядки и обычаи. Так что он уже смело мог называться здесь «своим».

Старший успел убедиться на собственной шкуре, что лишнюю шумиху в этом городе поднимать не следовало...

И всё равно, каждый раз проходя мимо городской стражи, он крепко сжимал острый клинок, спрятанный под дорожным плащом.

Как не крути, а в чужом краю можно ожидать чего угодно...

Железные горы.

Величественный хребет, что берёт начало в Ледяном море на севере и заканчивается где-то далеко за пределами обитаемых земель юга.

Главный кладёзь всех драгоценных и не очень металлов, а также восточная граница владений Русичей Сварги.

Такова была воля Славомира, что продолжали чтить и спустя тысячу зим после его кончины.

Неспроста же он, последний из Сварожичей, целое столетие вырезал в горе непреступную крепость — Крайгород, что люди после его смерти прозвали — Сталь-градом.

Дальше, на восток, Русичам Сварги дорога была закрыта.

Старший всей душой ненавидел Сталь-град...

Вечная вонь, жара и копоть от бесконечно растапливаемых печей и горнов.

Вечно стоящая сырость от каменных домов и тучный смрад ржавчины от валяющегося

по всем углам железа.

Вечно угрюмые, по уши замаранные в саже кузнецы и подмастерья.

Вечно докучающие блудницы, от вида которых хотелось развернуться и бежать из города без оглядки.

Таким он видел истинное лицо этого великого города Сварги, но дело есть дело... Можно и потерпеть.

Солнце только начало садиться, а тот, ради кого они проделали такой длинный путь, ждал их только после появления первых звёзд.

Старший не был здесь с тех самых пор, как началась война, что сильно повлияла на настроение и облик Сталь-града.

Он чувствовал это в проходящих мимо людях и в нависшем в воздухе запахе тревоги.

Ох, если бы снующие туда-сюда стражники знали, кто сейчас стоял перед ними, туго закутавшись в дорожный плащ, то тут же спустили всех собак и подняли на уши гарнизон.

И даже на этот маловероятный случай у Старшего имелся план.

Остатки его отряда уже подготовили путь к отступлению за стенами.

Так же, недалеко от городских ворот умело притаились прокрававшиеся следом за трицей лазутчики.

При любой непредвиденной ситуации ворота будут для троицы открыты.

Они стояли посреди широкой площади, чьё некогда идеально ровное каменное плато, за тысячи зим оказалось продавлено до ям тысячами ног и телег.

— Может прошмыгнём внутрь и вскрыем Сребробороду глотку? — прохрипел один из охранников, кивая в сторону массивных каменных дверей княжеских палат Сталь-града. — И всё на том. Раз... и всей войне конец.

— Ага. — недовольно фыркнул в ответ второй, почёсывая неряшливую бороду. — И тут же останемся без работы. По мне, так только закончится вся кутерьма, то наш славный княже снова распахает нас по казематам... Пускай уж лучше подольше повоюют.

Старший разговор не поддержал, а охрана, чувствуя его нарастающее недовольство, решила дальше не продолжать.

Если бы ему дали волю, то Ольда Среброборода уже бы давно доедали черви, но у его властителей были относительно старого князя совершенно другие планы.

Неожиданно, продирающий до костей холод пробежал по телу Старшего, и он невольно поднял голову.

В одном из верхних окон палат слабо виднелся размытый силуэт. Даже острому взгляду Старшего не удалось разглядеть лица его владельца, зато он отчетливо видел два огненно-зелёных зрачка, буквально сверлящих его насквозь.

Само собой вывернуло руки и страшно заломило промеж лопаток.

Старший вытянулся и закричал от боли.

Он прекрасно знал, кому принадлежали эти глаза и больше всего на свете не желал искать ссоры с этим человеком. Если его вообще можно было так назвать...

Боль резко отступила, и Старший тут же поспешил низко поклониться незримой фигуре.

Пусть ещё раз убедится, что троица беспрекословно обязуется соблюдать все его правила.

Не поднимая головы, Старший указал охране следовать за ним, и они поспешили удалиться как можно дальше от палат.

Пожалуй, не следовало больше так открыто расхаживать по городу.

Они свернули в бедные закоулки нижнего города и разместились в самой непримечательной харчевне.

Для надёжности и собственного спокойствия Старший использовал сундук в качестве стула и отправил одного из охранников за выпивкой.

Харчевня «У кикиморы» место крайне отвратное на вид, но пиво здесь варилось отменное.

Чего нельзя было сказать о здешних завсегдатаях.

Старшего эти исполосованные шрамами оборванцы и мордovorоты совсем не волновали, ведь только ему стоило переступить порог и скинуть капюшон, как шум внутри резко стих.

О, да! Местные сразу признали его.

«Князь мёртвой луны» — такое прозвище получил Старший среди черни и бандитов Сталь-града. И, благодаря своей дурной славе, связываться с ним явно никто не хотел, даже если бы он пришёл с ног до головы увешанный золотом.

Старший опёрся спиной на стену и с радостью приложился к кружке пива.

— Начальник, разреши вопрос? — с явной осторожностью обратился к нему один из охранников.

Старший мгновение сверлил его недовольным взглядом, после чего одобрительно кивнул.

— Что это за мастер такой «особенный», что ради него приходится рисковать своей шкурой и лезть напрямик в пасть к волкодаву?

Старший протяжно, недовольно выдохнул:

— Слишком много вопросов... — проворчал он. — Меньше знаете — дольше живёте.

— Это Харалуг, я прав? — едва слышно пробурчал второй охранник, за что удостоился настороженного взгляда от Старшего.

— Это ещё что за диво-дивное такое? — недоверчиво фыркнул первый. — Никогда не слышал этого имени.

— Потому что это местная былина. Страшная сказка, что кузнецы рассказывают детишкам по ночам. Уж я-то знаю... Сам из здешних. Вырос у северного перешейка, ходил под Моды из «Стальной оравы», пока не повязали.

— И кто он такой, этот твой Харалуг?

— Первый кузнец Сварги, что учился ремеслу у Сварога, бок об руку со Славомиром. В время Великой Ассы, Харалуг в тайне воспользовался Небесной кузней и предал учителя. Отдал глаз в обмен на запретные знания и выковал для Чернобога доспех, что был способен выдержать мощь молота Сварога. В отместку, Славомир схоронил Харалуга в земле и водрузил на него сверху Железные горы, чтобы никто и никогда не смог отыскать подлеца.

— Пф-ф! — презрительно зашлёпал губами первый. — Ну и что тут страшного?

— Местные верят, что озлобленный дух Харалуга раз в круг продирается сквозь трещины в камне и рыскает по Сталь-граду в поисках жопоруких подмастерьев. Ну таких, что ни гвоздь выковать не может, ни подкову... — жопоруких. А собранными душами он потом топит свой проклятый горн Забвения.

— Ой, ну и брехня...!

— Брехня не брехня, но сопляки взаправду бесследно исчезают. Не веришь? Тогда давай, назови меня треплом, и я тебе на деле за базар отвечу! Тут же схлопочешь по своей

кривой роже!

«Трепитеесь, трепитеесь...» — Старший исподлобья зыркал на затеявших жаркий спор охранников. — «Скоро вам будет совсем не до болтовни...»

Он до дна осушил кружку, встал из-за стола и направился к выходу.

Охранники резко замолкли, недоумевающе переглянулись, впопыхах влили в себя остатки пойла, схватили сундук и поспешили за Старшим.

На улице окончательно стемнело, от чего и без того мрачный Сталь-град стал нагонять ещё больше тоски и уныния.

Только не на Старшего.

Он торопливо петлял по тёмным закоулкам, не желая привлекать к себе излишнего внимания и стараясь терпеливо пропускать мимо отряды воев, патрулирующих городские улицы.

Спустя несколько извилистых лестниц и пару высеченных в горе переходов они достигли нужного места.

Старший осторожно выглянул из-за угла очередного прохода и, убедившись в отсутствии людей снаружи, вышел на длинную улицу.

— Встаньте на стрёме и будьте готовы пустить клинки в дело. — настороженно прорычал он и направился к гладкому участку отвесной скалы, расположенному между двумя заброшенным на вид мастерскими.

Он медленно провёл ладонью по идеально гладкому камню, недовольно выдохнул и запустил руку под плащ.

Достал небольшой стеклянный пузырёк, лёгким движением большого пальца откупорил пробку и вылил его содержимое на ладонь.

Странная, блестящая, будто серебро, чёрная жидкость буквально прилипла к его ладони.

Старший прислонил руку к стене и некоторое время усердно размазывал жидкость, выводя причудливые линии и круги.

— Соберитесь. — скомандовал он охране, когда закончил. — У нас будет мало времени.

Только охранники встали за его спиной, как жидкость на стене неожиданно воспламенилась, вырисовывая в темноте знак Чёрного солнца.

— Застень израдца да не всполошет паробька. (Тень изменника да не испугает прислужника.) — произнёс старший и часть стены опустилась под землю, открыв проход внутрь скалы.

Старший едва заметно ухмыльнулся и бесстрашно вошёл в темноту.

— Это дело дурно пахнет... — едва слышно сказал на ухо один охранник другому и только они вошли следом, как тут же стена за их спинами вернулась на место, а знак Чёрного солнца исчез, будто его и не было.

Тяжелая, торопливая поступь шагов гулко разносилась по длинным, вымощенным камнями и мокрыми от сырости коридорам.

Старший пробирался сквозь крошечную темноту с завидной уверенностью, будто он знал это место, как свои пять пальцев.

Его спутники же изо всех сил старались от него не отставать, то и дело спотыкаясь о грубые, неотесанные выбоины в полу.

Три поворота, пять покатых спусков вниз, и Старший наконец остановился.

Он глубоко набрал воздух в грудь и положил ладонь на громоздкую дверь впереди.

Металлический холод неприятно обжёт кожу.

Вот и всё, они на месте.

Старший, громко кашлянул, нащупал на двери отбойник в форме Черного солнца и трижды ударил в него.

С той стороны двери послышался звук неторопливо приближавшихся шагов. С громким лязгом затворка отворилась и из окошка хлынул поток тусклого света.

Почти сразу же, оттуда показался и единственный сапфировый глаз обитателя пещеры:

— Вы кто такие? Аз вас не звал! Чухайте нахрен! — дерзко прохрипел одноглазый.

— Аз — навь, нэсть иже новь явь! — злобно прорычал Старший в ответ.

— А-а-а, энто ты, последыш... Боле, здесь эти слова ничего не значат! — закашлялся одноглазый. — Ныне, здесь молвит только золото!

— Всё с собой, Харалуг. — Старший кивнул и двое за его спиной трянули увесистым сундуком, в котором звонко зазвенели монеты.

При упоминании имени древнего кузнеца один из охранников громко поперхнулся, вызвав этим недовольное рычание Старшего.

— Ну вот, сразу бы с этого и начинал. — одноглазый расплылся в мерзкой улыбке полной золотых зубов, отворил засов и впустил незнакомцев внутрь. — А то — «аз навь»... Тьфу! Наделал же сраный Тавр Бусич хренотени, теперича шастают тут всякие... Никакого от вас покою и умиротворению нету!

Внутри вошедших встретил полумрак просторной кузни, посреди которой возвышался исполинских размеров горн.

Охранники взволнованно переглянулись, но всё же вошли вслед за Старшим.

Другого выбора у них попросту небыло...

— Что ж, милсдарь Кривжа, какого рода изделие интересуется? — одноглазый Харалуг с нескрываемым любопытством осматривал пришедших. — Мечи, топоры, доспехи, пики? Нет, нет... Тебе нужно нечто особенное. Позволь предложить что-то из серебра, октоэдрита, небесной руды или вот, из новенького, — адамант?

— Нужен доспех, — прорычал Кривжа, всё ещё плотно закутанный в плащ с накидкой на голове. — И чтобы никакого серебра!

— Ох-ох, аз уж и запомнил, оде ты у нас "особенный"...! — Харалуг с важным видом опустился на железный трон, сплавленный из сотен топоров, секир, клинков и щитов. — Ну-ка, давай, покажись целиком, не стесняйся!

Кривжа расстегнул застежку накидки и нетерпеливо сбросил ткань на пол.

Харалуг щёлкнул пальцами, огонь горна залил кузню ярким светом, и на противоположной ему стене распрямилась черная тень волколака.

— Хм-м... Оже ж, дорогуша, энто выйдет для тебя очень и очень недёшево! — улыбаясь во весь золотой рот, засверкал сапфировым глазом кузнец.

Взволнованные происходящим, охранники опустили перед Харалугом сундук и отворили крышку.

Ярко засверкали золотые монеты из Троицкого посада, Сталь-града, Слав-города и Солнечных земель.

— Досадно... Аз уж было обнадёжился... — обиженно качал головой Харалуг. — Маловато для адамантовой брони. На стальную, вот, ещё потянет... Хотя, сын Волха, ты знаешь, оже именно аз ещё принимаю в уплату.

Фиолетово-синий глаз Харалуга коварно сверкнул и Кривжа тяжело выдохнул.

Он бросил через плечо печальный и одновременно разъярённый взгляд на своих

спутников.

В одно мгновение Кривжа сделал свой выбор.

К своему огромному сожалению, охранники сразу поняли, что он значил. Они отлично знали повадки командира...

Кривжа набросился на них, будто кошка на беззащитных мышат и алая кровь потекла по каменному полу.

Он сделал всё быстро, так, что они даже не успели ничего почувствовать.

— Вот так прыть! — радостно захлопал в ладоши Харалуг. — Как щас помню, Волх так же кидался на всех подряд! Ну и зверюга был, аз тебе скажу... Оже ж, теперь давай, поспеши, пока горяченькие! Слышишь? Горн Забвения голоден!

Очаг горна буквально трепетал от ожидания, пока Кривжа волочил за ноги изуверски растерзанные тела своих спутников.

Он небрежно бросил в огонь одного и следом за ним второго.

Рыжие языки огня налились кровью, после чего горн загудел и пламя окрасилось в огненно-пурпурный цвет.

— Ну вот, — Харалуг, кряхтя, спрыгнул с трона и снял со стены матовый чугунный молот с выбитым чёрным солнцем на бойке. — Цена уплачена сполна. Можно творить красоту!

Глава 1: «Гроза болот, полей и огородов...»

Резкий порыв ветра качнул высокую ель и с её верхушки осыпался огромный пласт снега, накрыв охотников, что волей случая проходили внизу.

— Почему со мной всегда так...? — недовольно пробурчал Яромир, отряхиваясь от неожиданно свалившегося сверху сугроба. — Эйда, ты как?!

Ответа не последовало.

Яромир взволновано огляделся и увидел рыжую верхушку лисьей шапки Эйды, едва торчащую из-под снежного завала.

Глаза Яромира округлились от испуга, ведь за сына кузнеца Аяра он отвечал головой.

Быстро, на сколько позволял рыхлый снег, Яромир подскочил к куче, глубоко запустил в неё руки и выдернул Эйду наружу.

— Тьфу! Кхе-кхе! — закашлялся Эйда, наспех отирая замерзшее лицо от налипшего снега. — Ух..., я уж думал кирдык!

— Пока я с тобой, кирдык отменяется! — Яромир заботливо стряхнул кучу снега со спины и плеч товарища. — Ты как? Всё цело? Ходуны не потерял?

— Может хватит со мной сюсюкаться?! — Эйда нервно отмахнулся от помощи Яромира. — Я уже давно не мальчик! И ты мне не мамка и, тем более, не отец.

— Вот ему-то это и скажешь, если вернёмся! — фыркнул Яромир и проверил, крепко-ли привязана к поясу веревка от волокуши с добычей. — Детина вымахала здоровая, а всё равно за тобой глаз да глаз нужен!

— Сам уж как-нибудь разберусь..., поглядывай лучше за тушей! Жалко будет столько мяса волкам подарить! Если вообще сможем дотащить его до деревни...!

— Как будто тебе её волочить?! Себя лучше донеси, всё мне забот меньше...! — Яромир прикрыл варежкой глаза от неприятно бьющего по лицу снега и попытался разглядеть дорогу впереди.

Но картина оставалась прежней. Метель замела все возможные следы и Яромир

признался себе, что они окончательно заблудились.

— Не удивлюсь, что Морена специально нагнала метель, чтобы проучить тебя! Ты же ну просто до ужаса, какой вредный! — Эйда поравнялся с Яромиром и легко толкнул его в плечо. — В жизнь не видел, чтоб посреди просинца так задувало, будто сама Сварга нашей смерти хочет...

— Ерунду мелишь... — раздраженно бросил через плечо Яромир. — Нужно где-то эту пургу пересидеть, а то как раз только к цветню оттаем. Готов шагать дальше?

Эйда безвыходно пожал плечами, и они продолжили путь, вперёд, через непроглядный снегопад.

Чем дальше и дольше они продвигались, тем сильнее усиливался ветер и тем больше снег бил по лицу и залеплял глаза.

— Всё, эх-эх, Яромир! — сквозь отдышку прокричал Эйда, завалившись на очередном сугробе. — Нет моих, эх-эх, сил больше!

Яромир лишь бросил на него раздраженный взгляд и тяжело, понимающе вздохнул:

— Ты чего удумал?! — он по-товарищески протянул Эйде руку. — Остановимся — тут же заметёт! Давай, полезай на волокушу! Попробую найти укрытие, пока ещё ноги держат!

Метель окончательно перепутала все возможные ориентиры и Яромир понимал, что двигался в полную неизвестность.

Волочить за собой огромную тушу лося по колено в снегу оказалось той ещё морокой и в конце концов силы стали покидать и Яромира.

Он остановился, перевёл дыхание, как среди белоснежной пелены пурги промелькнуло черное пятно, к которому Яромир тут же и устремился.

Внутри загорелся слабый огонёк надежды.

Как оказалось — не зря.

Он остановился перед входом в небольшую пещеру и прислушался.

— Как думаешь, есть там кто? — захлебываясь от завывающего, порывистого ветра, прокричал Эйда.

— Сейчас узнаем! — Яромир медленно вытянул из заспинных ножен серебряный клинок и осторожно двинулся внутрь. — Эйда, держи лук наготове!

Маленький вход скрывал за собой широкую пещеру с высоким сводом, уходящим далеко в темноту.

По царившей внутри тишине Яромир сделал вывод, что пещера была совершенно необитаема, но его никак не хотело отпустить нехорошее предчувствие.

С самого порога оно неприятно заскреблось между лопаток и появилось стойкое желание поскорее убраться из этого места.

И, как бы сильно он не хотел уйти подальше от этого места, но стоило признаться самому себе, что другого выхода у них не было.

Яромир потянул за веревку и внутрь въехал зажмурившийся от страха Эйда, изо всех сил натягивающий тетиву лука.

Неожиданно рога лося уперлись в проём, от чего Эйда подскочил на месте и резко бросил тетиву.

Яромир едва успел наклонить голову, как стрела полоснула его по щеке, оставив за собой длинную полоску крови, и врезалась в стену где-то в глубине пещеры.

— Совсем дурак?! — сквозь зубы прошипел Яромир. — Смерти моей хочешь?!

— Ёжишки воробушки! Оно само... — Эйда виновато склонил голову и поспешил

спрятать лук за спину.

— Оно само! — ехидно передразнил его Яромир и вновь разочарованно помотал головой. — Что ж за друзья мне достаются...? Сведёте меня когда-нибудь в Забвение! Слазь давай, разведём костёр, горе охотник... А то ты так щёлкаешь зубами, что всю нечисть по округе перебудуешь.

На этот раз Эйда спорить не стал. Лишь прижался спиной к стене и поплотнее закутался в полушубок, оставив возню с костром на Яромира.

За свои двадцать три зимы, Яромир невероятно хорошо овладел огнём и, валявшийся на полу пещеры трут, быстро помог разобраться с разведением огня.

Яромир осторожно отрезал от туши большой ломоть, насадил его на конец клинка, разместился возле костра, и пещера быстро наполнилась приятным запахом жареной оленины.

— Сколько уже прошло с того, как ты вернулся? — стуча зубами от холода, пробурчал Эйда. — Полтора круга?

— Почти два..., - сухо ответил Яромир. — Нет, даже два с половиной круга. А что?

— Надо же, будто вчера... Знаешь, вообще, с твоего приезда чертовщина всякая творится начала.

— Я бы сказал, что наоборот закончилась. — насмешливо поправил его Яромир.

— Скажешь тоже... Помнишь ведь Гриву? Любопытно, что он сгинул так же неизвестно, как и твой старик-отшельник... Странно ведь это всё. Да и деревенские старики шепчут всякое. Я слышал и не раз... Будто грядёт что-то очень недоброе. Зато теперь у нас вон какой лесничий! Гроза болот, полей и огородов...

Яромир довольно ухмыльнулся.

— А мне можно к вам? — голос Эйды неуверенно дрогнул.

— Куда? — Яромир удивлённо вздёрнул брови. — В ловчие что-ли? Ну уж нет! Спасибо, ты уже показал мне свою мастроту в обращении с луком...

— Ну, подумаешь, труханул, с кем не бывает?! А я освоюсь, вот увидишь! Остальных же ты как-то научил...

— Сравнил гузно с пальцем. Мужики на зверя с детства ходили. Для них выслеживать дичь, ставить силки и орудовать ножами — дело привычное. Я их лишь мало-мальски на нечисть поднатаскал и вот, чем тебе не новая «Покойная бригада» ...

— «Покойная» кто?

— Да, точно... — Яромир протяжно, печально выдохнул и протянул Эйде кусок готового мяса. — В Слав-городе подо мной такой десяток ходил... Хотя, какой там десяток? Пятерка. Зато какие молодцы были! Уж не думаю, что брат и воевода Руевит доверят Потапу в остроге хозяйничать. Тем более кого-то учить! Но да ладно... Да и вообще, по что тебе сдалось лазить по лесам? Вон, дед твой был кузнецом, отец — всем кузнецам кузнец, вот и ты занимайся тем, что тебе на роду начертано! Проку больше выйдет.

— Так манят же приключения. — Эйда благодарно кивнул и сразу откусил большой кусок. — Хочется от жизни чего-нибудь такого-эдакого! И девки вон как на вас смотрят! Завидно... Ты же сам такой же был в моё возрасте?! Не потому-ли ты сбежал в свой этот Слав-город?

— Много-ли ты знаешь... — недовольно нахмурился Яромир. — Поверь, тысячу раз по итогу пожалел об этом! Так что лучше уж сиди дома и куй для девок всякие цацки и побрякушки. Поверь, от этого они тоже за тобой будут целыми табунами скакать...

— Яромир, — нетерпеливо заерзал на месте Эйда. — а много по округе нечисти всякой шастает?

— Ох-х... Будет мне сегодня спокойствие или нет?! — взмолился Яромир, подбрасывая в костёр охапку палок. — Поначалу хватало: лешие, боруты, кикиморы, черти — без отца и Гривы совсем сволочуга чёрная распоясалась. Теперь же, что в Темнолесье, что на Туманных топях — тишина да покой. Заметил, что зайцы вернулись и лисы, утки, и даже вон — лоси? Всё благодаря нам.

— Получается, что вы себя так совсем без работы скоро оставите.

— Покуда на Большой земле война идёт — не оставим. Раз, два на неделе, да натыкаемся то на трупоедов, то на гулей. Хоть и редко, но даже упыри заходят. Войска со всех сторон гонят огнём погань с полей бранных, вот они в наши края и ломаются. Будто тут мёдом намазано...

— Гули, упыри... Это всё разве не одно и то же?

— Похожи, конечно, но нет. — усмехнулся Яромир. — Все они падальщики, жрут, в основном, всё, что умерщвлено. Хотя, и на живых наброситься тоже не погнушаться, коли не посчастливится оказаться с ними рядом. Трупоеды — безглазые и мелкие, всегда нападают большими стаями. Гуль крупнее, прячется в основном в земле, вдоль дорог. Похож на совсем высушенного человека с бледно-розовой кожей. Самые же лютые — упыри. Один такой кровосос по силе превосходит двух, а то и трёх мужиков. Быстрые, проворные, жестокие и больно до свежей кровушки охочие... Такими я самолично занимаюсь, а мужикам настрого запретил упырям на глаза показываться. Для них встреча с кровососом — явная погибель. Жалко мне их.

— Себя-то не жалко?

— А чего себя жалеть? На мне же всё, как на собаке. Хоть где-то от этой сраной крови толк есть.

— И что там упыри?

— Большая редкость они в наших краях. За всё время только пару встречал, но и тех с лихвой хватило. Чего уж стоит чёрт Слав-городский, с той скотиной вообще еле совладали... Есть, конечно, ещё вурдалаки, альпы, бабаи, бруколаки, касны, костوماхи, ырки и прочая нежить. И это только мертвечина. Всех тварей, что ещё по миру водятся, замучаешься перечислять... Да и, полагаю, что большинство из них я сроду не знаю. Тем более, как с ними бороться...

— Всё-таки хорошо, что ты остался! — Эйда выпучил глаза от удивления. — С тобой и дома жизнь стала как-то лучше, что-ли...

— Наговоришь.

— Нет, ну а что? Ты не только нас оберегаешь, так за тобой и купцы вернулись! Отец всё ещё сетует, что они не такие богатые, как раньше, но у нас уже скупили почти всё, что накопилось, пока водяной на топях охальничпл. А сам отец теперь буквально дрыхнет на золоте!

— Мне больше любопытно, что за вести они приносят с Большой земли. Что-то совсем дурное творится в Слав-городе и меня это сильно беспокоит... Почему брат отправил на сечу с Ольдом самого Руевита? Да, он великий витязь, почти без потерь взял Троицкий посад и отодвинул войска Среброголова с окольных земель, но кто теперь смотрит за гридницей Слав-города и охраняет князя?

— Я на днях подслушал, как один из проезжих сетовал отцу, что в Слав-городе совсем

туго с делами купчими. Новый воевода, — Кривжа, — ввёл купеческую подать и обязал каждого торгаша отдавать треть имущества на поддержание нужд княжеского войска. Тех, кто отказывался либо вздергивали на торговой площади, либо они бесследно исчезали. Эй, ты чего, сейчас же сгорит!

— Воевода Кривжа... — Яромир оторвался от размышлений и поспешно выдернул из костра обугленный кусок мяса. — Плохо, очень-очень плохо... Хотя, знаешь, да гори оно все огнём! Чтобы там у них не происходило — это больше не моя забота. Пусть что хотят, то и делают, лишь бы нас не касалось. И так воздух вокруг только-только миром запах...

— Кстати, о мире: как у вас это... со знахаркой?

— Больно ты любопытный, Эйда. Был у меня добрый друже, Гришка, как и ты — такой же говорливый. Так то, что он вечно молол языком что ни попадя до добра его и не довело.

— Отлупили? — хихикнул Эйда.

— Язык отрезали. — мрачно и сурово Яромир поставил Эйду на место. — Под самый корень. Интересно, смог-ли Изва вывести его из лагеря и жив ли он до сих пор...?

— И всё равно, посмотришь на вас с Ядвигой и душа сразу поёт, как будто вас друг для друга Лада специально вылепила. Аль она на людях только такая добрая, а дома из тебя кровь пьёт и верёвки вьёт?

— Как это говорится-то... Мы с ней душа, так сказать, в душу: не бранимся, не спорим, не ругаемся. Вся посуда цела. Тишь да гладь. Я занят своим, она своим. Друг друга никто не пилит, сор из избы не выносит, да и нет его вовсе, сора-то... Когда дел по округе нет, то мы на хозяйстве. Скотина, как-то, сама за собой убираться ещё не научилась. В общем, жизнь идёт своим чередом...

— А правду поговаривают, что она за колдунство ведаёт?

— Чушь.

— Тогда, как она самому безнадёжному человеку помогает на ноги встать, когда даже бородатые лекари и костоправы лишь руками разводят?

— Что попроще спроси... У неё к ворожбе особый подход, как и у меня к охоте, а дальше уже не важно, что да как, главное людям от этого прок есть. Что-то вы не жаловались, когда, в конце серпня, повитухи Алесе ни толики надёжи не дали, что живой она после родов останется, а Ядвига взяла, да и помогла. Причём и дитё здоровёхонько, и мать на своих ногах пришла. Была-ли тогда какая-то разница что да как? Как-то никто после этого лишних вопросов задавать не стал... Вот-вот, и я о том.

— Любит она тебя, Яромир. Отец ведь ей за Алесю и подвеску яхонтовую, и серьги алмазные предлагал, так она ни в какую! Нос от всех цапок воротила! Помню, что взяла с Ерёмы браслет золотой, а отца упросила тебе клинок серебряный выковать.

— Знала, что для дела он нужен... Конечно же я ей за это благодарен! Отец-то твой страсть, какой злопамятный оказался. Так и не простил мне тот клинок, что я на болотах посеял. До сих пор нос воротит и разговаривает сквозь зубы. Говорит, так будет, покуда не выплачу долг пятикратно... Пятикратно, представь! Чистой воды грабеж!

— Мельхиоровый клинок, ручная гравировка, резная рукоять из янтарной северной берёзы... — Эйда громко зевнул и вновь закутался в полушубок. — Знаешь, Яромир, это отец ещё по-божески...

— Ну точно, и ты — самый настоящий торгаш... — недовольно пробубнил Яромир, нервно шоркая лезвием испорченный ужин. — Пять, так пять! Вон, за одни только рога уже, самое малое, два десятка таких ножей можно дать!

Сбоку послышалось громкое сопение Эйды.

— Спи, спи, добрый друже. Сил набирайся. Гузном чую, что они нам ещё о-го-го как пригодятся...

Яромир осторожно очистил нагар с мяса, наспех проглотил что осталось, удобно разместился возле костра и заснул.

Глава 2: «Мы не ведали, что творим...»

На эту охоту их привёл случай.

Ещё по осени Яромир заметил в южных лесах необычайно огромные следы от лосиных копыт.

Он долго бродил по округе в надежде выследить зверя и вернуться домой с солидной добычей, но так и не сумел.

Лось будто бы водил его кругами и постоянно путал следы, от чего Яромир, уже считавший себя отменным ловчим и превосходным следопытом, приходил в бешенство.

Яромир уже махнул рукой на хитрую скотину, как в начале студня, во время загона кабана, неуловимая скотина сама вышла ему на встречу...

С того момента, как Яромир распрощался с Гривой, многое поменялось...

На это раз Яромир не стал стесняться и отобрал среди деревенских мужиков целый десяток добротных охотников.

К тому же, старшина Рознег оказался совсем не против того, чтобы деревень наконец-таки избавили от назойливой, вечно докучающей нечисти.

Пережитого опыта с «Покойной бригадой» Яромиру хватило по самые уши, потому к подготовке нынешнего отряда он подошёл с особым усердием.

Слишком тяжело он переживал потери, хоть и прекрасно понимал, что в этом деле может приключиться всякое...

К студню он успел заметно подтянуть мужиков в физической подготовке, так что теперь они уже не перекидывали языки через плечо при долгих забегах.

В их деле только на одном умении махать копьём было далеко не уехать.

Нечисть в округе уже давно не появлялась, а вот всякой разной животины — хоть отбавляй.

Потому, Яромир каждый раз брал на охоту разные пары, чтобы как можно лучше отработать слаженность. Мало-ли в какую передрыгу их опять может занести...

Первыми о кабане доложили ловчие Бор и Ёрд.

Они всегда отличались от остальных усердием и знанием, от чего Яромир и сделал их своими правой и левой руками соответственно.

Погода выдалась безветренной и сухой. В самый раз для охоты. Кабан долгое время не сможет их учуять.

И они не торопились...

— Яромир, — хриплым от постоянного курения махорки голосом окликнул идущего впереди богатыря Бор, попутно собирая непослушные длинные чёрные волосы в хвост. — А что, если нам с мужиками устроить вылазку на юг?

— На кой...? — Яромир бросил недоумевающий взгляд через плечо.

— Бор дело говорит. — поддержал товарища лысый, косоватый на левый глаз Ёрд. — Сам же видишь, что тут нам уже делать нечего.

— Вот-вот. А на юге, в степном краю, поговаривают, что водится всякая неведомая

хрень!

— Всяко ведь любопытней, чем ползать по дорогам и выколупывать из ям воняющих гулей... — надул губы Ёрд, вечно припухшие от постоянных пчелиных укусов.

— Да что смеяться-то?! — фыркнул Бор и поправил топорщащийся ворот овечьего кафтана. — И тех уже не осталось ни хрена!

— Интересные вы, конечно. — усмехнулся под нос Яромир. — Ну, давайте представим, что вот мы собрались и отправились в поход...

— До Дол-Плеяра! — перебил его Ёрд и расплылся в игривой, лукавой ухмылке. — Самое то будет! Как раз заглянем в Зал Роз...

— Ой, тебе лишь бы свой стручок куда пристроить... — возмущённо закатил глаза Бор. — Наслушаешься всякой белиберды, потом веришь, что и вареники с пирогами где-то за бугром какие-то не такие...

— И мёд там слаще, и брага крепче! — подхватил Яромир. — Как там говорил старшина: «Бабские розы..., они сам знаешь, у всех одинаковые!» К тому же у самого же жена дома. Чего тебе ещё надо?

— Да как поймашь мужскую немощь от шалаповки залётной, какой тогда с твоего стручка прок станется?! Завянет цветочек...

— И превратится в простой хвостик, которым только мух и отгонять... — едва сдерживая смех, фыркнул Яромир.

Только уже не сдержался Бор, и они вместе закатились в приступе смеха, заставив Ёрда залиться краской.

— Дранные зубоскалы... — недовольно надулся тот и ускорил шаг. — Вообще, речь не об этом. Ты же сам постоянно твердишь, Яромир, что нам кровь из ному надо опыта набираться, учиться, тренироваться. А там как-раз поле непаханое, сколько всякого водится.

— Так-то оно так... Только подумай: вот, заходим мы с привычных нам лесов и полей в предпустынные степи, а там сверху на нас набрасывается тварюга восьмипалая. Кожа — железо, яд, что серебро плавит.

— Ты чего? — округлил от удивления глаза Бор. — И такая херовина водится?

— Я так, — пожал плечами Яромир. — К примеру... Так вот: а мы снаряжены по-нашему. Теперь ответьте, скольких мы потеряем перед тем, как сумеем найти подход к такой твари?

Бор и Ёрд виновато промолчали.

— И я о том! — твёрдо заключил Яромир. — Причём это будет только одна скотина. А сколько их, таких неведомых может поджидать за каждым поворотом? Вот-вот. Это большое дело, наведываться туда, где мы ничего не знаем, и где нам явно не будут рады.

— Ну да... — согласно закивал Бор, почесывая короткую бородёнку. — Лучше уж тогда здесь, радостно прыгать за кабанчиком по пороше, чем оказаться сожранным какой-нибудь скотиной.

— И всё же, — всё ещё пытался настоять на своём Ёрд, нервно завязывая шарф на шее. — По мне, так лучше уж в бою погибнуть, чем стухнуть тут со скуки...

— То-то Перун обрадуется такому яро рвущемуся в бой воину! — наигранно поддержал его Яромир. — Тогда тебя и отправим вынюхивать что там, да как. Только домой вернёмся, выдадим тебе палку подлиннее, ходуны покрепче и бересты целый мешок, чтобы каждую дивную зверушку нам зарисовал!

— Так я не умею...

— Вот и научишься! — усмехнулся Яромир.

— Какие зверюшки, вот увидишь, как вернётся, то вся береста будет в одних голых бабах исписана! — вновь закатился смехом Бор.

— Ой, да пошли вы... — обиделся Ёрд и остановился возле кучи кабаньих испражнений. — Вон, лучше хряка своего ловите. Он уже рядом.

Помёт был ещё тёплым, и Яромир жестом приказал Бору и Ёрду подготовить копыя.

Дальше пошли молча. Теперь пугливое животное мог спугнуть совершенно любой лишний звук.

Наконец, они достигли своей цели.

Впереди, среди берёз, показалась грязная, волосатая кабанья шкура.

Яромир натянул тетиву до упора. Бор и Ёрд медленно обходили добычу по большому радиусу, готовые действовать в любой момент.

Яромир сделал глубокий вдох, выдох и уже готов был пустить стрелу, как сзади донёсся хруст снега и нечто больно боднуло его в бок.

Стрела вылетела сама собой и воткнулась в дерево возле самой морды кабана.

Животное в испуге взревело и рвануло вперёд, в то время как Яромир, от полученного удара, полетел далеко в сторону и ударился спиной о ствол дерева.

Бор и Ёрд так увлеклись кабаном, что не сразу поняли, что произошло.

Они оба погнались за жертвой, по очереди метнули копыя, но ни одно не достигло цели.

— Да твою же... — с психом выругался Бор.

— Яромир, да какого лешего это...?! — Ёрд в гневе хотел было наброситься на Яромира с упрёками, но стоило ему развернуться, как он тут же замер в исступлении.

Такому же примеру последовал и Бор.

На месте, где только что стоял Яромир, теперь возвышался величественных размеров лось, чьи рога смело доходили до двух сажений в ширину, а шкура лоснилась серебром.

Мечта любого охотника...

Яромир же с трудом откашлялся и в первые взглянул на своего обидчика.

Жажда охоты всецело охватила его, и он совсем позабыл обо всех мерах предосторожности.

Он бросился к луку, накиннул стрелу на тетиву и практически не целясь пустил её напрямиком в лося.

К его удивлению, животное ловко мотнуло головой и рогами отклонило летящий снаряд в сторону.

Лось недовольно фыркнул и шкребанул копытом часть пороши, пожухлую листву под ней и верхний слой земли, от чего все это полетело напрямиком в лицо Яромира.

От неожиданного ответа ему пришлось прикрыть лицо руками, а в это время лось издал недовольный, оглушительный рёв и поспешил скрыться среди деревьев.

Бор и Ёрд попытались преследовать удивительное животное, но это оказалось для них совершенно не под силу.

С того момента Яромиру больше не было покоя.

Он твёрдо решил, что во что бы то ни стало должен изловить неуловимого зверя.

Уже в середине просинца ему выдался такой шанс.

На протяжении нескольких суток, мужики доносили, что в округе вновь замечены следы чудо-зверя.

Яромир уже было снарядился и попрощался с Ядвигой, как, совершенно без стука, в

избу ввалился запыхавшийся Эйда и распластался по полу.

— Яромир, Яро..., эх-эх, ...мир, там, эх-эх, это, у реки твой, эх-эх, с рожищами который, ну как его...?

— Лось?! — обеспокоенно воскликнул Яромир, поднимая всё еще пытавшегося продышаться Эйду на ноги. — Где?!

— Да, да, тварюга — здоровенная такая, своими глазами видел! Сразу к тебе и понёсся! Айда, изловим скотину!

В предвкушении скорой встречи с долгожданной добычей, у Яромира внутри все зазудело:

— Слыхала, любо моя, сегодня уж точно будет к столу лосятина! — Яромир звонко хлопнул в ладоши и крепко поцеловал Ядвигу. — Теперь-то я точно его не упущу!

— Будь осторожен, мой хороший, и поторопись. — обеспокоенно прошептала Ядвига. — Чувствую, что погода испортится.

— Так там солнце вовсю светит и на небе ни облачка! — влез в разговор Эйда, за что Ядвига наградила его резким, пронзающим взглядом.

Яромир прекрасно знал, что так она смотрела только в исключительных случаях, когда к её словам следовало отнестись с особым вниманием.

— Постараюсь к ночи вернуться, — поспешил успокоить любимую Яромир.

— Ступайте уже! — Ядвига легко подтолкнула его к двери. — Уйдет твой чудо-зверь, потом же и мне век покоя от тебя не будет!

Яромир ещё раз поцеловал Ядвигу, выпихнул из избы Эйду и сам вышел следом.

— Ну, куда надо топать?

— При одном условии. — Эйда остановился и важно подбоченился.

Яромир грозно поднял бровь.

— Слушаю.

— В этот раз ты возьмешь меня с собой! У меня даже лук и стрелы есть. Даже сухостоя набрал, а то вдруг чего...

— Батька отпустил? — перебил его Яромир.

— Какой батька? Ты пойми, сил моих уже нет в этой кузне сидеть. Я, может, как ты хочу! Чего-то в жизни ещё сделать, помимо гвоздей да петель. За отца не волнуйся — браниться не будет. Да и покуда я с тобой, что может плохого случиться?

Яромир, понимая, что времени на разбирательства у них не было, тяжело вздохнул:

— Тогда ты тащишь волокушу!

— Всё, что скажешь! — воскликнул обрадовавшийся Эйда. — Айда, за мной!

Они бегом добрались до едва покрывшейся тонкой ледяной коркой речки.

— Ну, как же так?! Он стоял прямиком вот на этом месте! — от негодования засетовал Эйда и замахал руками.

— Если ты и дальше будешь так орать, то пойдёшь домой! Понял?! — грозно прикрикнул Яромир.

Эйда затих и понятливо кивнул.

— Теперь, будешь делать только то, что я тебе скажу. Видишь, его следы?

Эйда утвердительно затряс головой.

— Пойдём по ним и постарайся не отставать! И, во имя всех богов, не шуми!

Глубокие следы широких копыт уходили глубоко в лес и Яромир отправился за ними.

Эйда же, с трудом перебирая ходунами, угрюмо побрёл следом.

Только они поднялись на пригорок, как Яромир жестом остановил Эйду, присел на колени и осторожно снял лук со спины.

Впереди, в шагах пятидесяти от них, чудо-лось тяжело брёл по сугробам, то и дело глубоко проваливаясь в ещё рыхлый, свежевывпавший снег.

Сердце Яромира заколотилось. Глубокий вдох, выдох, ещё один вдох и выдох. С невероятным трудом, но ему удалось успокоить волнение и дрожь в руках.

Натянул тетиву, выровнял дыхание и отпустил стрелу.

Стальной наконечник со свистом рассёк воздух и вонзился глубоко в бок зверя.

Только одной стрелы для такого животного оказалось недостаточно.

Лось разразился злобным рёвом и ринулся на утёк.

Яромир громко выругался и пустил ещё одну стрелу вслед, но та лишь разбилась о толстый ствол сосны, за которой успел скрыться испуганный зверь.

— Погляди, как драпает, зверюга! — удивлённо воскликнул Эйда.

— Теперь не уйдёт. — Яромир со спокойным видом забросил лук за спину и отряхнул колени от снега. — Погляди, сколько крови. Стрела пробила печень и, скорее всего, лёгкое. Много времени ему не потребуется. Пойдём.

Но Яромир ошибся.

Зверь оказался таким же выносливым, на сколько и большим, поэтому преследовать его пришлось довольно долго.

Три дуба уже остались далеко позади, когда ветер начал заметно усиливаться, стремительно нагоняя тёмно-серые снежные тучи, разметая снежные хлопья и затрудняя понемногу затрудняя видимость.

— Проклятая метель. — пробурчал под нос Яромир, повыше натягивая шерстяной шарф. — Опять она оказалась права...

Эйда продолжал плестись следом и Яромир старался не спускать с него глаз.

— Мы домой-то сможем вернуться, Яромир? — с лёгким испугом Эйда постарался перекричать завывания ветра.

— Сдурел?! Назад дороги нет! — нервно огрызнулся Яромир. — Что-нибудь придумаем! Нельзя его упустить!

Эйда недовольно нахмурился и туго затянул лисью шапку.

Удача была на их стороне и уже через пол версты они нагнали обессиленного лося, глубоко увязшего в снегу.

Зверь тяжело хрипел. Стрела обломилась и из раны, с каждым выдохом, струей выплескивалась кровь.

— Ну, вот мы и встретились. — Яромир сел рядом с головой зверя. — Долго же ты от меня бегал... Не бойся, я сделаю всё быстро. Больно не будет. Пусть Велес встретит тебя на той стороне!

Он взглянул в глаза зверя и в ужас отпрянул от тела.

На него смотрел не пустой животный взгляд, а человеческий, полный мудрости, скорби, обиды и осознания неотвратимого, приближающегося конца...

Неожиданно, Яромир почувствовал глубочайшую вину и жалость к этому по истине великому созданию, но помочь ему уже никак не мог. Рана оказалась смертельной...

— Ох и молву про нас с тобой сложат! — к телу зверя подскочил Эйда, смеясь и радостно размахивая руками.

От неожиданного крика, испуганное животное рвануло головой, с силой ударив Эйду

рогами.

Сын кузнеца отлетел в сторону, плюхнулся в сугроб и недовольно, протяжно закричал. Это оказалось последним, на что зверю хватило сил и на его глазах заблестели слёзы. Яромир опустил на колени перед уже едва дышащим зверем.

— Если сможешь, прости... — виновато произнёс он, закрывая зверю глаз. — Мы не ведали, что творим...

Зверь издал последний хрип, будто говоря, чтобы Яромир уже быстрее заканчивал. Он же сделал всё, как и обещал.

Придавил шею коленом и коротким движением вонзил широкое лезвие охотничьего ножа прямо в сердце зверя.

Несколько предсмертных конвульсий и тело животного окончательно обмякло.

Яромир горестно выдохнул, отёр нож и направился вызволять Эйду, который, крича и барахтаясь, безуспешно пытался высвободить застрявший зад из сугроба.

— Ничего не сломал? — подошедший Яромир, с лёгкостью выдернул Эйду из снежного плена и поставил на ноги.

— На мне столько одежды, что и не разберешь! Ух ты, поганая зверюга, сейчас я тебе покажу!

Эйда было хотел пнуть тело лося, но Яромир успел одёрнуть его за воротник:

— Держи себя в руках. Он не заслужил!

— Нет, ну ты видал, как он меня?! Раз, рожищами своими, и я уже лечу! И чего это ты за него заступаешься? Сам же вон сколько им грезил, так теперь сквасился весь...

— Да, грезил и оказался неправ. — с мрачным видом Яромир подкатил волокушу. — Только сделанного уже не воротишь, так что давай, — собираемся и домой, пока окончательно метель не разгулялась!

Они и не догадывались, что времени у них совсем не осталось.

Водрузили тушу зверя на волокушу, Яромир привязал её к поясу верёвкой, скомандовал Эйде не отставать и они отправились в обратный путь.

Но где он был...?!

Ветер так сильно задувал, что ни следов от ног, ни пятен крови разглядеть уже оказалось невозможным.

Яромир вёл их, как он думал, обратной дорогой, когда очередной порыв ветра сильно качнул верхушку соседней ели, стряхнув с неё снежную шапку, которая свалилась прямо на головы незадачливых охотников.

Так они и оказались в неизвестной пещере, уставшие и промерзшие до костей.

Глава 3: «Не буди Лихо, пока оно тихо.»

Чутьё его ещё никогда не подводило...

Яромир проснулся от странной дрожи, пробежавшей по спине.

«Всё-таки, я был прав.» — он сел и постарался как можно быстрее протереть глаза. — «Не могло же всё оказаться так просто...»

Костёр всё ещё продолжал ярко гореть, что, почему-то, никак не успокаивало трясущееся нутро Яромира.

Он огляделся. Всё оставалось на своих местах, включая мирно сопящего возле очага Эйду.

Неожиданно, из глубины пещеры донёсся тихий, едва различимый продолговатый

свист.

В одно мгновение сердце Яромира опустилось в пятки.

«Быть не может...» — глаза Яромира в ужасе округлились, и он быстро пополз к по-детски причмокивающего во сне губами Эйде. — «Нужно уходить, нужно уходить... Нет-нет, бежать!»

Нельзя было позволить Эйде поднять лишний шум...

Только Яромир оказался возле Эйды, как сильно прижал его к полу и зажал рот.

От такого неожиданного нападения сын кузнеца задёргался, но по испуганному выражению лица Яромира понял, что сейчас он должен ему беспрекословно подчиняться.

Яромир жестом указал на уходящий в крошечную темноту свод пещеры, после чего дал Эйде знак сохранять молчать и вслушаться в пустоту.

Тихий, раздражающий свист становился всё громче и громче с каждым мгновением. Нечто настойчиво стремилось на встречу заплутавшим в метели путникам...

Эйда лишь недоумевающе нахмурился. Он окончательно перестал понимать, что здесь происходит.

— Не буди Лихо, пока оно тихо, — прошептал ему на ухо Яромир.

Осознание величины проблемы пришло мгновенно и Эйду затрясло от ужаса.

Надо же было забрести в дом самого Лиха...

«Проклятая метель.» — Яромир осторожно высунул голову наружу, где всё ещё продолжала бушевать метель. — «В бездну всё! Лучше уж в конец задубеть, чем встретиться с ним...»

Только Яромиру стоило об этом подумать, как за его спиной неожиданно громко чихнул Эйда.

Яромир обреченно схватился за голову и резко повернулся к побелевшему от страха Эйде, в то время как свист во тьме пещеры мгновенно прекратился.

— Беги! — громко скомандовал Яромир, лязгнув ножнами, обнажил меч, выхватил из костра толстую, горящую ветку и встал напротив гнетущей темноты. — Я его задержу!

Эйда что есть мочи рванул к выходу.

Следом за ним, скребя когтями по каменному своду пещеры, над головами пронеслось нечто совершенно невидимое глазу.

Яромир судорожно рыскал по памяти, в надежде вспомнить хоть что-то из рассказов старика про Лихо, но на ум так быстро ничего не приходило, кроме одного — сейчас им следовало драпать без оглядки.

Только Эйда наступил в снег, как невидимая лапа схватила его за шкурку, и с поразительной лёгкостью зашвырнуло обратно в пещеру.

Яромир плечом смягчил падение друга, и, размахивая мечом, словно веером, бросился в ту сторону, где, по его мнению, только что стояло чудовище.

Клинок свистел и рассекал пустоту, но так и не встретил на пути никакого сопротивления.

«И как прикажешь с тобой биться?!» — Яромир настороженно замер и вслушался в тишину. — Покажись, скотина!

Эйда же вжался в стену и трясущимися руками натянул тетиву лука.

Лихо напало неожиданно.

Оно вновь схватило Эйду за ногу и, игриво посвистывая, поволокло его в глубину пещеры.

Такая наглость и уверенность Лиха в собственной безнаказанности возмутили Яромира, и он решил действовать мгновенно.

Он метнул горящую палку в ту сторону, где предположительно находилась тварь, и на этот раз не промахнулся.

Чудище разразилось яростным, душераздирающим визгом, перебив им истошные вопли брыкающегося Эйды, и разжало хватку.

«Значит — не дух. Уже хоть что-то!» — Яромир крепко сжал рукоять меча, свободной рукой оттаскивая Эйду к костру. — «Как же тебя, скотину, на свет выманить?»

По стенам и потолку пещеры снова заскрежетали когти.

Звук доносился, то слева, то справа, не позволяя Яромиру предугадать дальнейший шаг древней, хитрой твари.

Спина к спине! — Яромир выхватил из-за пояса охотничий нож и протянул его Эйде, глаза которого от страха вот-вот готовы были выскочить из орбит.

В пещере вновь воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь судорожным пыхтением Эйды.

Лихо снова напало непредсказуемо...

Над головой Яромира раздался истеричный визг, и тварь тяжеленным грузом свалилась на его плечи.

Довольно увесистое чудище прижало богатыря к земле, подбросило в верх и, что есть мочи, садануло о каменный пол пещеры, как будто Яромир был для него не тяжелее вязаной игрушки.

Тут же Лихо отшвырнуло его в стену и стальной хваткой вцепилось в шею.

Ошеломленный Яромир чувствовал, как три длинных, тонких, когтистых пальца на каждой руке Лиха, с небывалой силой сдавливают его горло, не позволяя ни вырваться, ни продохнуть.

Яромир с ужасом осознал, что самому ему было уже не освободиться...

Трясущийся в страхе от происходящего Эйда с устрашающим воплем бросился на помощь.

Истошные вопли, несущегося со всех ног Эйды отвлекли Лихо.

Тварь ослабила хватку и свободной лапой наотмашь отшвырнула Эйду.

Будто пушинка на ветру, сын кузнеца пролетел через пещеру, хорошенько приложился головой о каменную стену и потерял сознание.

Выигранного Эйдой времени, Яромиру хватило времени с лихвой.

Резким движением, он сорвал костлявую на ощупь лапу Лиха с шеи, от чего на коже остались посиневшие пятна и длинные глубокие царапины от когтей. Приложил большое усилие, и ногами зашвырнул не ожидавшую сопротивления тварь обратно в глубину пещеры.

Расслабляться нельзя. Либо ты, либо тебя... Яромир на всю жизнь запомнил этот совет слепого воина Ховалы.

Покряхтел, поднялся на ноги, огляделся.

Не успел Яромир сделать и пары коротких вдохов, как Лихо снова напало. На этот раз со спины.

Если бы не толстый тулуп из медвежьей шкуры, то когти твари прошили бы его плечи насквозь, но даже так Яромир почувствовал, как они глубоко впились в мышцы.

Лихо всё сильнее и сильнее сдавливало Яромира, от чего ему вновь стало тяжело дышать.

Не придумав ничего лучше, Яромир саданул Лихо затылком и всем весом повалился на спину, во всё ещё продолжавший гореть костёр.

От прикосновения языков огня тварь подняла истошный визг, и её хватка немного ослабла.

Яромир крепко схватился за невидимые лапы Лиха, скрутился и размашисто шандарахнул его о каменный пол, обернулся вокруг себя и вышвырнул тварь на улицу.

Сам едва стоя на ногах от полученных ран, Яромир подскочил к Эйде:

«Хоть бы ты был жив?» — Яромир лихорадочно старался нащарить его пульс и с облегчением выдохнул, когда, всё-таки, нашёл. — «Если ты есть, Перун, щука, помоги! Отец мой небесный, я уже задрался...!»

Хотя, кого он обманывал, никакими молитвами здесь уже не поможешь...

Яромир на бегу подхватил меч с пола и выскочил следом за чудищем.

Тусклое солнце уже почти скрылось за горизонтом, но и этого света хватало, чтобы ещё хоть что-то можно было разглядеть сквозь непрекращающуюся метель.

Мокрый снег лип к лицу и застилал глаза, но Яромиру это оказалось только на руку.

Только сейчас тварь оклемалась и поднялась из сугроба, наконец-то позволяя разглядеть себя.

Доселе незримое Лихо от налипшего пятнами снега стало очень даже видимым.

На голову выше Яромира, с длинными худощавыми конечностями и неестественно длинными пальцами, такое же скелетоподобное тело с хаотично трясущейся головой — тварь наводила на Яромира неподдельный ужас.

Тут же на память пришёл водяной с Туманных топей. Как говорит Бор: «какой только херовины нынче не водится...»

Лихо неожиданно остановилось и яростно засвистело.

К нему пришло осознание, что из-за снега Яромир теперь может его видеть...

Недовольно фыркнуло, попыталось стряхнуть снег — бестолку.

Скрываться больше не имело смысла, и Лихо со свистом сбросило маскировку.

Сейчас Яромир оказался одним из немногих, когда-либо живших в Сварге, кому удалось увидеть истинный облик этой жуткой твари, оставаясь при этом с ещё целыми глазами...

Тело лихо покрывала короткая темно-зеленая шерсть. На уродливой, патлатой голове поблескивал единственный кроваво-красный глаз, сразу под которым не менее отвратительно искривился зубастый рот.

«Почему ты не нападаешь?» — Яромир пристально изучал каждую малейшую черту и старался уловить каждое движение существа. — «Ты не можешь!»

Тонкие, как палки, лапы Лиха глубоко тонули в снегу, от чего оно не могло уже так ловко передвигаться.

Яромир нутром чувствовал, что тварь жаждала как можно быстрее вернуться в логово.

Позволить ей этого он никак не мог.

Только здесь, в снегу, в этой заколдованной метели, у него был хоть какой-то шанс...

Лихо оступилось, увязло в очередном сугробе и Яромир тут же бросился в атаку.

Он рубил и колол, но тварь ловко уворачивалась и отбивала все его удары.

Само же Лихо опасно размахивало лапами, не позволяя Яромиру приблизиться на опасное для него расстояние.

Оно, хоть и медленно, но продолжало настойчиво оттеснять Яромира к пещере.

Яромир рванул на опережение. Острый коготь полоснул по лицу, оставив на щеке

глубокий порез.

Отскочил. Попробовал снова.

Сделал обманное движение, нырнул под лапу, отбил вторую, но получил коленом в грудь, от чего откатился на несколько шагов назад.

И вновь Яромиру на помощь пришел, уже изрядно измучивший его за сегодняшний день, снег.

Яромир откатился в сторону, смял в кулаке снежок и, прицелившись, метнул его напрямиком в красный глаз твари.

Лихо злобно засвистело и схватилось лапами за морду.

Сам удивившись своей удаче, Яромир решил не мешкать...

У него было лишь мгновение, и он им воспользовался.

Сделал затяжной прыжок и короткий выпад.

Он едва коснулся краешком лезвия глаза Лиха и этого оказалось достаточным.

Тонкая оболочка глаза лопнула, как переспелый крыжовник.

Тварь оглушительно засвистела, вцепилась в морду и на землю заструилась чёрная кровь порождений Забвения.

Лихо выло, бросалось из стороны в сторону, в надежде достать ненавистного Яромира, но испытало несколько неудач и в конце концов замерло на месте.

Яромир сделал тоже самое и старался не то, что не шевелиться — даже не дышать...

Он очень-очень медленно наклонился к ногам и бросил очередной снежок в сторону.

Только он приземлился, как Лихо, с быстротой молнии, рвануло на звук.

Даже будучи незрячей, тварь представляла собой огромную опасность.

«Что ж, пан или пропал...!»

Яромир перехватил клинок обратным хватом, изготовился и, что есть мочи, вырвался из снега.

Хрустнул снег под его ногами, и Лихо мгновенно бросилось на встречу.

В воздухе Яромир обернулся вокруг себя и гулко рухнул в сугроб.

Рядом с ним приземлилась голова Лиха, а в паре шагов впереди распласталось и тело.

— Яромир, Яромир!

Эйда, прижимая здоровенную шишку на затылке и заметно хромя на левую ногу, несся ему на встречу. Только он поравнялся с трупом Лиха, как содержимое его желудка тут же вырвалось наружу.

— Фу, ну и вонища! Как это оно здесь?! А ты как тут?! Что я пропустил-то...?!

— Эйда, будь другом, захлопни варежку... — Яромир бросил на Эйду строгий, усталый взгляд, но заметил, что того всё ещё колотит от страха. — Можешь выдохнуть. Всё кончилось.

— Как ты его... — восторженно протянул Эйда, с любопытством разглядывая патлатую голову Лиха. — Мамка в детстве рассказывала, что Лихо — боги среди чудишь и только истинным богам их под силу упокоить.

— На то они и сказки, чтоб таких наивных детишек, как ты, страшать! — Яромир отёр клинок о стремительно охлаждающееся тело Лиха. — Каждую тварь можно порешить. Стоит только найти правильный подход... Ты цел?

— Вроде... В целом, да! Только вот нога...

— Хоть голова, хоть жопа! — по спине Яромира вновь пробежал неприятный озноб. — Нужно уходить!

— Зачем?! — Эйда жалобно округлил глаза. — Лихо мертво! Можем же переждать спокойно? Тем более, на себя посмотри! Ты ведь ранен!

— Ветер стихает, метель скоро кончится... — как будто не слыша его пробубнил под нос Яромир, направляясь ко входу в пещеру. — Жди тут, сейчас вернусь!

Он поспешно скидал разбросанные вещи на волокушу, привязал тушу лося к поясу и не оглядываясь покинул злополучную пещеру.

— Залазь и держись крепко, а я нас уж как-нибудь да выведу! — скомандовал Яромир Эйде и повыше поднял воротник. — И смотри, вот это не потеряй... Оно нам надо!

Яромир протянул Эйде, уже успевшему вскарабкаться на тушу лося, голову Лиха.

С великим отвращением он её принял, наскоро замотал в тряпки волокуши, спрятал между ног и, взявшись за рога, старался голову вниз больше не опускать.

Да чего уж там говорить: дышал он тоже через раз...

Яромир рассмеялся, насколько сил хватило затянул ходуны на ногах, дал натугу, и волокуша с трудом покатила по снегу.

Они торопливо растворились в метели и уже не слышали, как за их спинами раздалось слабое рычание и не видели, как обезглавленное тело Лиха скрылось в темной глубине пещеры, оставив на снегу длинный след чёрной крови.

Глава 4: «Как и все женщины...»

Чёрное солнце.

Вестник возвращения Чернобога в Сваргу.

Оно будто бы отражало весь гнев и обиду, что так неистово рвали его изнутри и рвались наружу.

От целебного отвара Ядвиги Яромир провалился в сон и, открыв глаза, вновь увидел это преследующее его по пятам небесное явление.

Ну, кого Сварга решила показать ему на этот раз?

— Отче, отче! — в высокий белокаменный зал вбежал запыхавшийся мужчина, с аккуратно собранными очельем золотистыми волосами. — Они здесь! Нужно готовиться к сече!

— Оже это, сын? — глубокий, раскатистый, могучий голос наполняла невиданная Яромиром сила. — Страх? Неужто ты, сварожич, испугался битвы?

— Их тысячи, отче! — мужчина припал на колено возле величественного маестата, на котором восседал тот, в ком сейчас был Яромир. — Макош ведь предрекала этот день. Великая Асса пришла к нашему порогу. Ты должен повести нас в бой, отче!

«Сварог?!» — изумился про себя Яромир и где-то в глубине души загорелось ярое желание вырваться из тела и посмотреть на «отца небес» своими собственными глазами...

— Негоже, Славомир, тешить в себе тревогу. — Сварог сохранял поразительное спокойствие, отдающее безграничным величием. — Чернобог нам не враг, лишь брат, заплутавший во тьме.

— Но, отче, он привёл за собой войско! — продолжал настаивать на своём Славомир, стараясь не смотреть в суровое, мудрое лицо Сварога. — Многие из наших примкнули к нему...

— Чему быти, сын, того не миновать! — Сварог тяжело опёрся на подлокотники трона, взялся за рукоять на вид увесистого молота, стоящего возле маестата, и медленно двинулся в сторону балкона.

Славомир покорно последовал за ним.

Высокий балкон, больше походивший на смотровую площадку, располагался практически под самой вершиной Старграда.

С этой высоты взору Сварога открывались сотни вёрст вокруг. Отсюда он смог оценить и весь масштаб угрозы...

Многотысячное войско нечисти Забвения, великанов и волотов. Десятки громадных чудовищ, пышущих огнём и плюющих ядом. Боги и полубоги, что поверили в правоту Чернобога и пошли против него — «Творителя неба», против воли Рода-творца...

— Энтэ было предрешено... — с едва заметной грустью проговорил под нос Сварог. — Ты ведаешь, сын, чем сей день окончится. Оже не произойдёт, а завтра, с восходом солнца, наступит новый день и аз должен быть в тебе уверен.

— Аз справлюсь, отче! — твёрдо заверил Славомир. — Может она всё-таки ошиблась? Может нас всех ждёт совсем другой исход? Решим всё миром...

— Творец наделил Макош исключительным знанием, и ты знаешь, оже не нам перечить его воле. Помыслы брата извращены и затуманены... Аз виновен в том, оже, прогнав его, сам навлек на нас эти беды. Теперича, аз должен ответить за свою недалёковидность и заносчивость. Посему, сейчас произойдёт то, оже должно. Аз к этому готов! Желая, абы был готов и ты.

— И всё же, одумайся, отче! — вновь взмолился Славомир. — Ведь нет никакой нужды проливать кровь. Сколько должны будут сложить сегодня головы?!

— Ровно столько, сколько решил Творец. — холодно и с полной серьёзностью ответил Сварог. — Пойми, сын. Еже мы сейчас не встанем супротив орды Чернобога, то мироздание рухнет и последствия от этого станут необратимыми для всех миров. Аз чую, оже Творец смотрит на нас и всё идёт согласно его замыслу... Не нам противиться его воле... Так или иначе, Чернобог не отступится. И ты продолжишь мной начатое, Славомир...! Да будет так, да начнётся сеча!

Сварог замахнулся и с силой опустил молот на балконное ограждение.

Стены Старграда содрогнулись и наполнились оглушающим, мелодичным гулом и звоном.

Из Алатырь-камня, что покоился в вершине свода, в небо ударил столб яркого-белого света, разгоняя огненно-фиолетовые тучи вокруг города и близлежащих земель.

В навершии молота вспыхнула огнём Звезда Сварога, покрывая языками пламени и весь остальной боёк.

Сварог нахмурился и Яромир почувствовал, как невиданная сила заструилась по его жилам.

Даже могущество Перуна показалось ему в этот момент каплей в море, по сравнению с той силой, что сдерживал в себе Сварог...

На левой руке небесного творца засверкало печать из небесного алмаза и вверх по руке, чешуйка за чешуйкой, пополз невиданной красоты доспех.

Мгновение и Сварог уже был полностью готов к предстоящему бою.

Он запрыгнул на балконное ограждение и бесстрашно шагнул в пустоту.

Бесстрашие Сварога и непоколебимая уверенность в собственных силах поразили Яромира, как восхитило и ощущение полёта, что для него длилось будто целую вечность.

Сиганув с высоты целой горы, Сварог приземлился вниз, оставив под ногами глубокую вмятину в земле.

«Надо же...» — промелькнуло в сознании Яромира. — «Он даже и глазом не повёл...!»

За его спиной, под звуки боевого рога, распахнулись ворота Старграда и на поле брани выехали сотни колесниц.

В их главе, на запряженной огненными скакунами колеснице, мчался Хорс — хозяин солнца, вооруженный огромной огненной косой. По левую руку от него, не отставая, гнал своих водяных скакунов Днепр — повелитель морей, умело размахивая копьем из неизвестного Яромиру металла.

Будто сама мощь океана была заключена в искусно выкованное оружие.

Следом за ними, нескончаемым потоком вышли и остальные боги и полубоги, люди и зверолоуды, великаны и подгорные жители.

Яркая вспышка, и рядом со Сварогом из огненного вихря вышел огромных размеров лис с огненными крыльями.

— Семаргл. — с нескрываемым уважением поклонился товарищу Сварог.

— Аз чаял, оже этот день настанет гораздо-гораздо позже... — неестественным голосом ответил ему огненный лис.

Тут же, с другой стороны, с неба рухнул высокий воин, закованный в золотой кольчужный нагрудник. От его приземления земля под ногами Сварога содрогнулась, но он даже глазом не повёл.

— Наконец-то добрая сеча! — с нескрываемой радостью захрустел кулаками величественный витязь, поправляя покосившийся набекрень шлем. — Надеюсь, оже будет добро никому пощады не давать?! Так ведь, отче?

— Яровит... — раздражительно закатил глаза Семаргл. — Оже не сеча, такт обязательно кому-нибудь надо чего-нибудь да поломать...

— Откуда же тебя такого правильного вытащили-то?! — насмешливо подбоченился Яровит. — Явно матушка Зимун излишне долго с тобой сюсюкалась, мой дорогой брат!

Глаза Семаргла в ответ полыхнули огнём, что лишь ещё больше развеселило задиристого Яровита.

Неожиданно, на той стороне бранного поля, воин, которого Яромир не сумел разглядеть, вскинул клинок к небу и из него, напрямик в чёрное солнце, ударил столб чёрного света.

Извращённое светило дрогнуло, увеличилось в размерах и, из самого его сердца, выполз невероятных размеров крылатый ящер, с такой уродливой рогатой головой, что Яромира бросило в дрожь от ужаса.

Чего нельзя было сказать о Свароге.

— Оже ж, — небесный отец натянул печальную улыбку. — Вот и Скипер-змея пожаловал к столу... Теперь можно и в пляс...!

Сварог вскинул молот к небу и из бойка вырвался столб пламени, следом за которым войска с обеих сторон ринулись в бой...

— Ай, щиплет же! — Яромир проснулся от резкой боли, когда Ядвига вложила в порез смесь полыни и столетника. — Смердит ещё так...!

— Давно-ли могучий богатырь, в одиночку притащивший тучу в шесть десятков пудов, стал таким нежным? — улыбнулась Ядвига и поцеловала его в здоровую щеку.

— Но ведь можно же веточку шалфея добавить? Он бы всю вонь на себя забрал...

— Не ёрничай! Я ведь тебе не указываю, какой стороной меча нужно в чудище тыкать!

Хоть живыми вернулись...

— Я обещал, — я сделал! Правда, до сих пор не отпускает странное ощущение, что Лихо продолжает за мной следовать...

— Сделал он... — недовольно пробубнила Ядвига. — Князя леса угробил и рад.

— И так тошно, — Яромир обидчиво отвернулся. — ты ещё издеваешься...

— Если только самую малость. — Ядвига одарила его лёгкой, слегка ехидной улыбкой.

— Знал бы — воротил всё назад.

— Содеянного не воротишь. Отдадим ему должное: его мяса людям хватит на долго, но, из уважения к древнему зверю, рога Аяру мог и не отдавать! Что, если бы твоя голова так же болталась над воротами Слав-города...?

— Знаешь, если бы Аяр так люто на тебя бранился, когда я вернул Эйду домой, то ты и не только рога бы отдала...! — Яромир с наслаждением допил оставшееся в кружке ягодное вино. — Ну да, приколотил к забору, да и пёс с ними. Куда ещё их такие громадные девать? Как раз только если к князю в палаты, над маестатом водрузить, чтоб издалека было видать, какими рожищами его Марина наградила!

— Надеюсь, что твой долг перед кузнецом уплачен и мне больше не придётся скакать между вами, как вестовой вороне?

— Спрашиваешь ещё! Теперь я для Аяра самый дорогой друг на всём белом свете! Хитрая, старая лисья морда... Что торгоши за народ такой? Будет в глаза улыбаться, пока от тебя прок какой есть, а только чуть жареным запахнет, так первым камень кинет!

— Смотри, не наживи себе новых врагов...

— Если ты про старшину, то бояться нечего. — Яромир скривился, когда Ядвига перемотала одно плечо и нехотя подставил второе. — Он занимается своим делом, я — своим. И нос куда попало стараюсь не совать.

— Это ты так думаешь! Видел бы, как они переглядывались с Добромилом, когда Эйда тряс головой Лиха перед толпой.

— Ему бы в скоморохи, а не в кузнецы... — недовольно пробурчал Яромир и нахмурил брови. — Люду только дай потрепаться... Так недолго и до князя весть дойдёт, что витязь лихоборец в Темнолесье поселился. Тут же всех собак спустит!

— Может Игорь уже и не держит на тебя зла?

— Игорь-то может и не держит, а вот Кривжа... Слыхала, что брат его целым воеводой сделал?

— Сделал и сделал. Выбрось из головы. Мы за множество сотен верст от них, а у князей и воевод явно забот побольше, чем гонять какого-то ловчего по воняющим тиной болотам. Но со старшиной ты, всё-таки, держи ухо в остро. Я волнуюсь за тебя... Он далеко не глуп и понимает, что уже совсем не молод, а на его земле появилась новая сила, с голосом которой волей-неволей нужно будет считаться. Тем более, что сейчас ты у местных в почёте, как никогда. Кто знает, вдруг завернёт где-нибудь, чего-нибудь и сбрендит с концами...

Ядвига неожиданно резко затянула повязку на втором плече. От боли Яромир не сдержался и протяжно заскулил.

— И вообще, ты сам виноват! Я ведь предупреждала о метели...

— Ну точно колдунья! Знаешь, как я поступаю с прелестными колдуньями?! — Яромир подмял смеющуюся Ядвигу под себя и крепко поцеловал. — Или ты провидица, как Лада?

— Скажи ещё, что красива, как Жива? — глаза Ядвиги загорелись желанием и она игриво прикусила губу.

— Она бы тебе и в подмётки не стодилась!

— Тогда я уже предвижу, что будет с нами дальше...

Ядвига перевалила Яромира на спину, медленно сняла ночную рубаху и ответила таким же страстным поцелуем.

Съеденная на ужин лосятина, терпкое вино и вскружил им головы. Под дурманящее тление лучины, пахнувшей малиной и крыжовником, они растворились друг в друге...

Под приятное потрескивание поленьев в печи Яромир медленно водил пальцами по её нежной шее, запускал их в шелковые волосы и спускался к плечам, от чего всё её тело дрожало и покрывалось мурашками.

Сейчас он был счастлив, как никогда, но странное чувство приближающейся беды никак не отпускало его с самого возвращения.

Яромир нервно задергал ногой, чем привлёк внимание Ядвиги.

— Мой хороший, что тебя тревожит? — она повернулась к нему лицом и нежно положила ладонь на щёку. — Я сделала что-то не так?

Яромир глубоко и протяжно выдохнул.

— Как Лихо очутилось в наших краях?

— Так же, как и все остальные: заплутало или мужичье пригнало.

— Ха-х! Нет уж. Только человек может просто так взять и потеряться. Такая тварь, как Лихо, и десяток мужиков в мгновение ока пошинкует. — Яромир сел на край лежака. — Я вспомнил, что отец про них рассказывал. Лихо — создание исключительного могущества и ума и только богам удавалось обуздать их волю. Несмотря на всю силу Лихо стараются держаться подальше как от людей, так и от других чудовищ, так как надменно считают себя выше всех. Они буквально мнят себя богами среди хищников и покидают убежища лишь тогда, когда появляется кто-то, кто способен это оспорить...

Яромир неожиданно замолчал, побледнел и нервно затрепал волосы.

— Хочешь сказать, — взволнованная Ядвига подсела рядом с ним. — что оно искало тебя?

— Как ещё можно всё объяснить?! Теперь всё сходится... — Яромир заметался по комнате. — Боги давно сгинули, значит никому из них дорогу перейти я не мог. Поэтому, когда я упокоил водяного, то привлёк внимание Лихо. Оно учуяло во мне достойную добычу. Тогда-то оно пришло к отцу, туда, где мой запах был повсюду... Отец умелый воин и, чтобы уйти живым, спалил двор. Мера крутая, но другого пути у него не было. Я бы сделал тоже самое. Тварь его преследовать не стала, ведь он был ей не нужен. Грива оказался прав: не Патша убил Верею. Старый волк твердил, что чуял смерть, чужой, неизвестный ему запах. Вот оно — Лихо! Если эта тварь пришла именно за мной, то с пустыми руками она возвращаться явно не собиралась. Скорее всего, Лихо притаилось в округе, в надежде дожидаться моего возвращения. Волей случая, Верея зашла на его владение и Лихо напало. Патша же оказался в ненужном месте в ненужное время...

Яромир остановился посреди комнаты, сел на пол и снова схватился за голову:

— Я жестоко расправился с ним... — мрачно прошептал он. — Чем же тогда я лучше

него? Такой же убийца?

— Они с братом, — Ядвига села напротив и прижала его руки к губам. — насильовали, грабили и жрали людей! Он получил по заслугам!

— Ты не понимаешь... Тогда мне было на это наплевать. Они приковали меня к дереву, били и пытали, голодом морили, но знаешь, что меня подняло — люта я ненависть! Одна единственная мысль крутилась в голове по кругу, что Патша должен поплатиться за жизнь Вереи, чего бы мне это не стоило. Родной брат предал меня? Изувечили моего лучшего друга? Я не смог спасти сраного языка и того громилу, Нова, разорвали на части прямо у меня на глазах? Плевать! Мной двигала лишь месть...

— Ты так сильно её любил?

— Возможно... — Яромир замялся и потупил взгляд. — Может, просто помешался... Не могу объяснить, но почему-то она никак не хотела выходить из головы, хоть и знал я её всего ничего. Гришка таскал меня по бабам и все, как одна, — пустые, жадные до звона монет, готовые на всё, лишь бы выбраться в свет. Только в Верее я видел искреннюю нежностью и доброту. Да, самая чистая, открытая и до ужаса наивная девочка. Она заслуживала любящего мужа и спокойной жизни в окружении оравы детворы, а не этого всего...

— Как женщина, открою тебе тайну... — Ядвига осторожно поцеловала его. — Это ты, Яромир, наивный и добрый мальчик. У Вереи не хватало ни сил, ни смелости, чтобы вырваться из-под гнёта матери и в тебе, чужаке, она увидела того, кто может дать так желанную ей свободу. Добрая улыбка, наивный взгляд, дрожащий голос, хитрость и коварство — настоящая женщина... Она прекрасно знала, что с лёгкостью завладеет тобой. Так и вышло. Для неё ты был всего лишь орудием и не более... Не зная нашей природы, ты полюбил выдуманный образ. Сотворил для себя идола. В лице этой девочки ты собрал собственные желания, устои и надежды, и так ярко в них поверил, что готов был расстаться с жизнью. Скажи Патше спасибо: он разрушил твою сказку и открыл глаза на мир! Только хватит уже жить прожитым. Ты больше далеко не тот наивный мальчик! Мужчина..., мой мужчина..., в одиночку одолевший Лихо, гроза всей нечисти, потомок самого Сварога! Живи полной жизнью, мой хороший, радуйся каждому мгновению... Я же всегда буду с тобой рядом...

— Ты тоже хитра, — Яромир слегка нахмурил брови. — и ужасно коварна!

— Как и все женщины! — Ядвига мило улыбнулась и потянула Яромира обратно, на лежак, — Как и все женщины...

Глава 5: «Кто-то, что-то ещё хочет сказать?»

Ему повезло.

Хозяин бросил свежих костей, полных остатков запашистой баранины.

Он сходил с ума по их мясу, особенно по молоденькому... Правда, в детстве, когда хозяйева лупили его палками за съеденного ягненка, до него быстро дошло, что он должен их стеречь, а не жрать.

Эх, а так иногда хотелось...

Благо, за хорошую службу кормили подобающе и это его полностью устраивало.

Он довольно вилял хвостом и, причмокивая, гонял обглоданную голень по пасти.

Радовало, что сегодня было чем отвлечься от барабанящего по конуре дождя и на время забыть о больных старых костях и недостающем глазе.

Столько зим прошло, а он, выцарапанный птицей, до сих пор неприятно поднывал с наступлением непогоды.

Утешало, что пернатая скотина оказалась весьма мясистой и приятной на вкус.

Давно наступила ночь, но он все никак не мог успокоиться. Все кости должны быть обглоданы, и пока он этого не сделает, покоя ему не будет.

Неожиданно, через шум непрекращающегося ливня, со стороны пригона донёлся треск ломающейся ветки.

Хоть его шерсть уже давно покрылась густой сединой, но слух ещё никогда не подводил.

Весь двор уже давно спит, значит кто-то незваный пожаловал в его владения.

Старый волкодав нехотя вылез из конуры и осторожно, практически бесшумно пошёл вдоль стены пригона.

Дикий зверь?

Пёс глубоко втянул воздух, но сырость и ветер мешали уловить хоть какой-нибудь запах.

Зверьё уже несколько зим не навевывалось к двуногим, боялось того здоровяка, что теперь хозяйничает в лесу. Хотя, признаться, он и сам его немного побаивался...

Вот и край пригона.

Он выглянул здоровым глазом из-за угла и осмотрелся.

Та самая треснувшая ветка торчала из грязи прямо перед мордой.

По множеству размытых дождём следов невозможно было определить, кому они принадлежат: зверю или двуногому.

Без разницы... Нужно бить тревогу!

Только он набрал воздуха, чтобы предупредить двуногих, как с незрячей стороны, из-за дровяника, донеслось быстро приближающееся шлепанье по лужам.

Он даже не успел повернуть голову...

От сильнейшего удара волкодав отлетел далеко от пригона и несколько раз перекувыркнулся по земле.

Бок пронзила острая боль.

Заскулил от боли, попытался встать, но ноги скользили по грязи, и он раз за разом валился обратно в лужу.

Почувствовался запах крови. Его крови...

Кто-то навалился сверху, крепко вдавил в грязь, зарычал и запустил острые зубы в рану.

Волк? Не один волк не мог превзойти его в силе...

Он дёрнулся и почувствовал, как нападавший отступил.

Но почему, ведь он был уже в его лапах...?

Волкодав тяжело, но поднялся.

Сломанные ребра мешали вздохнуть, но, даже с каждым успешным вдохом, кровь струёй вырывалась из глубокой рваной раны.

Он бегло оглянулся.

Его окружили три облезлые дикие собаки, покрытые черно-красными язвами.

Да, он заметно превосходил их в размерах, и при других обстоятельствах какие-то там поганые псины не рискнули бы выйти против огромного волкодава, но сейчас он был ранен.

Они чувствовали это и приготовились к нападению.

Волкодав понимал, что с такой дырой в боку ему уже не выжить, но и сдаваться не собирался. Он никогда не уходил от доброй драки...

Дикие бросились одновременно и стремительно.

Тяжелой лапой волкодав отбросил одного в сторону и поймал зубами второго за шею. Собака беспомощно задёргала лапами и заскулила.

Волкодав стиснул челюсти. Черно-красные пузыри лопнули и его пасть наполнила отвратная, склизкая жижа, от которой тут же затошнило, но он не разжал зубы и довел дело до конца.

Затрещали кости и тело обмякло.

Третья собака воспользовалась моментом и вцепилась в заднюю лапу.

Пёс нервно махнул головой и бросил в ответ мертвую тушу, заставив нападавшего разжать челюсти.

Тут же набросилась первая. Она ухватила за шею, но остроты редких, сгнивших зубов не хватило, чтобы прокусить толстую шкуру волкодава.

Пёс навалился вперёд.

Сцепились, завалились в грязь, где, благодаря превосходству в весе и опыте, волкодав быстро задавил наглуую собачонку.

Силы стремительно покидали его.

Пёс тяжело хрипел. Пасть наполнил вкус собственной крови, единственный глаз скрылся за слоем грязи.

За спиной послышалось злобное рычание и последняя из собак, предчувствуя победу, прыгнула, чтобы наконец добить едва стоящего на лапах волкодава.

Нет! Он ещё не закончил!

Пёс оттолкнулся от мертвого тела, поднырнул под пролетающую над ним собаку и вцепился зубами в шею.

На сколько мог, он сдавил зубы и всем весом прижал брыкающуюся псину к стене пригона.

Последняя из диких собак дёрнулась в предсмертных конвульсиях и обмякла, только старый волкодав этого уже не почувствовал.

Дверь распахнулась и в комнату влетел взъерошенный старшина:

— Докладывайте, мать вашу через мать, и чтобы хвостом не виляли! — Рознег в сердцах швырнул на стол каракулеву шапку. — Только стоило вас оставить без присмотра и всё — вокруг сразу полнейшее гузно! Да что уж, — целое гузнице! Как так случилось, что скотина уже как неделю безостановочно мрёт, а вы двое до сих пор с этим ничего не сделали?

Яромир и Ядвига вопросительно переглянулись и потупили взгляд.

— Что молчите, богатырнички? В глаза смотрите! Если так и дальше продолжится, то зимой будем сосать лапу и закусывать соломой! Вы же у нас главные по всякой бесовщине, так постарайтесь объяснить, что тут в конце концов происходит?!

— Я думаю, что собачий мор разносится ветром...

— Срань какая, собачий мор... — истерично пробурчал Рознег и схватился за голову. — Это что ещё такое?!

— Видел на мертвой скотине язвы, похожие на запеченную кровь?

Старшина утвердительно кивнул.

— Когда животное заражается, то всего за день покрывается такими нарывами. К вечеру оно уже умирает, язвы лопаются и в разные стороны из них летят капли черной жижи,

которые тут же по округе растаскивает ветер. Потому, так быстро позаразились.

— И что прикажешь? — усы Рознега угрожающе распушились на Ядвигу. — Теперь всю скотину по погребам попрятать? Ладно овцу или козу, но корову туда уже хрен засунешь! Да и дерьмо потом выскребай... Откуда вообще взялась эта дрянь?

— Дикие собаки принесли. — Яромир налил старшине полкружки ягодной настойки. — Задрали Серогрива, с него мор и пошёл.

— Славный был волкодав... — с лёгкой печалью подметил Рознег и до дна осушил кружку. — Так у нас же этой мерзости отродясь не водилось? Они ж трусливые... Из-за хищного зверья в лес носу не кажут.

— То-то и оно, что нету больше в нашем лесу совсем никакого зверя.

— Как это — совсем никакого?! Соображаешь вообще, что мелишь?!

— Не веришь? Тогда сходи и сам убедись. Все ушли. По всей чаще ни зайчик не проскачет, ни птичка не чирикнет.

Рознег медленно протянул Яромиру кружку трясущимися руками:

— До краёв...

Яромир налил, старшина залпом опрокинул, тучно сдвинул брови и замолчал.

Некоторое время Яромир и Ядвига неловко переглядывались, после чего она все же решилась нарушить молчание:

— Всё конечно плохо, но не сказать, чтобы совсем... Некоторую скотину хворь не трогает. Кони, куры и кошки — их мор не жалует.

— Ты же всё за ворожбу знаешь! Разве не смогла найти от этой напасти никакого чудокорня, сделать заговорённую припарку из козлиной мочи или как это у вас там делается...?

Ядвига безнадежно покачала головой.

— Беда... А как с людьми?

— Жар, озноб и страшнейший понос.

— Прекрасно... Сядем в круг и дружно обосрёмся... — пробурчал Рознег и задумчиво почесал окончательно облысевший затылок. — Что с собаками?

— Большую часть изловили. Иногда, правда, то тут, то там ещё завывают, но и их скоро выследим. Дело пары дней.

— Хоть так... — Рознег встал и нервно натянул шапку. — Значит, слушайте мой наказ. С утра собираем совет. Нужно решить, как будем спасать оставшуюся скотину. Яромир, тебе — набрать ещё мужиков и повторно прочесать весь лес. Чтоб под каждый кустик, под каждый камушек заглянули! Ни одной драной псины не должно остаться в округе! Уяснил? Ядвига, ты — займёшься жопами. Проследи, чтобы в каждой хате стоял чан с дубовым наваром. Ходи по дворам ежедневно и пусть каждый при тебе выпивает по черпаку. Ежели какой кропотник откажется — тут же мне докладывай. Не хватало, чтобы ещё и люди от этой заразы помирать начали. Съездил, называется, порыбачил...

Старшина вышел, не попрощавшись, и громко захлопнул за собой дверь.

— Лучше, чем мы думали... — с облегчением выдохнула Ядвига и протянула Яромиру кружку старшины.

— Погоди, посмотрим, что будет завтра... — Яромир налил Ядвиге, а сам захлебнул прямиком из горловины.

— Я сказал — угомонились!

Старшина размашисто ударил металлическим ребром щита о жертвенный камень. Железо громко зазвенело, гул толпы стих и на капище воцарилась тишина.

— Хватит гоготать, как полоумные!

— А ты сам не ори! Напаялил овчину на макушу, пуще прежнего злее сделался! — вперёд вышел старик Веня. — Скокмо энто будет ещё продолжаться? Скотина мрёт,дохлое мясо совсем негодное!

— Ещё и заразное! Не засолишь и не засушишь! — из толпы поддерживающе выкрикнул женский голос.

— Вот, вот, о том и толкуем, старшина, что нужно что-то да делать, а то страшный голод придёт, а где голод, там и Морена подстерегает! Давеча, бык мой дорогой копыта откинул. Теперича, туша его посреди сарая валяется, токмо чего с ним делать — ума не приложу!

— И у нас, и у нас! — подхватили голоса с разных сторон.

Старшина сдвинул шапку на затылок и отёр со лба проступивший пот.

Староста Добромил тяжело поднялся со стула:

— Полно вам сокрушаться, люд добрый! Всем было велено разделить скотину, попрятать по по амбарам и законопатить щели...

— Все дырки не заткнёшь, староста!

Люди расступились и на середину капища, опираясь на длинный ветвистый посох, проковылял старый волхв в сопровождении двух учеников.

— Вот вы, люди, — ехидно прохрипел волхв. — живёте по миру, наплюёте на обычаи, не чтите духов, проклинаете богов... Ответьте, давно ли красные углы в ваших домах принимали для них дары? Давно ли окропляли жертвенной кровью это священное место? Боги гневаются... Духи гневаются... За то и страдаете! Невежи, ханжи и скупцы!

Волхв исподлобья оглядел толпу. Каждый, на кого падал его тяжелый взгляд, виновато склонял голову и отводил глаза в сторону.

— Хочешь сказать, — Рознег недовольно разгладил усы. — что, если мы сейчас с ног до головы вымажемся в кровище, заколем пару тройку овец и будем всю ночь скакать вокруг костра — мор тут же остановится?

— Чепуха! — рассмеялся Добромил. — дикие, древние суеверия здесь не помогут.

— Глупцы! — волхв ударил посохом о камень! — Мор — только начало! Боги устали терпеть и милостиво ждать вашей веры! Разве не видите — их любовь иссякла?! И, даже несмотря на это, вы продолжаете испытывать их терпение...! Да, да, я говорю про тебя грязнокровый! Не твои-ли родичи изгнали богов? Не по твоим-ли жилам течет их дурная кровь?

Волхв указал длинным, ссохшимся, крючковатым пальцем на Яромира.

— Смотрите, люди, вот — причина всех ваших бед! Проклятый богами, он — разгневал отца Велеса, безжалостно осквернил дух хозяина леса! За это отец жизни и забрал у нас своих детей! Мор — это только начало...! В шелесте листвы, в журчании воды я услышал их голоса! Впервые за великое множество зим боги говорили со мной и все, как один, шептали лишь одно — смерть! Взамен на наши жизни они требуют преподнести им подобающую жертву...!

Волхв зловеще зыркнул на Яромира, от чего по спине последнего пробежал холодный озноб.

«Что-то с этим стариком не чисто...» — Яромир сохранял видимое спокойствие, но его сердце так и колотилось.

Толпа взволнованно зашептала.

— Погляди на них, — прошептала Ядвига на ухо Яромиру. — совсем немного колдовства, и как охотно люди начинают верить в его бредни. Сколько бы добра ты для них ни сделал, но, стоит внести лишь толику сомнений, присыпанную горсткой ведунства, и они тут же готовы сжечь тебя на костре...

Яромир нервно заиграл скулами, но ничего не ответил.

— Старый безумец! — не выдержал Рознег. — Не он, так Лихо уже давно бы порвало всех нас, как ту девочку в лесу!

— Яромир сделал то, что и каждый уважающий себя охотник. — поддержал Добромил. — Он точно такой же член нашей общины, как и все остальные!

— Коли не парнишка, то по округе не только бы дикие собаки шастали, но и ещё чего пострашнее... — подхватил старик Веня.

Волхв закатился истеричным смехом.

— Они уже начали! И, вот увидите, дальше будет только хуже! Велес забрал скот! Стрибог перестанет гнать дождевые облака! Хорс сожжёт всё, что уродилось на полях! Дажьбог нашлёт тлю на зерно! Морена принесёт раннюю зиму и убьёт все посевы! Кащей придёт за вашими детьми и, наконец, Чернобог отправит Скипер-змея, чтобы тот утащил ваши души в Иной мир! Лишь грязная кровь способна усмирить их гнев! Покоритесь их воле и тогда, может быть, мы всё ещё сохраним наши жизни...!

Волхв осмотрелся вокруг. Люди загудели пуще прежнего и стали бросать на Яромира косые взгляды.

— Его взгляд... — прошептал Яромир Ядвиге. — Как он это делает?

— Черное ведовство. — так же шепотом ответила она. — Этот колдун пришёл сюда ради власти...

— Кончай нести околесицу! — Рознег встал на против волхва. — Не стражай народ, почем зря, лучше, чего путного предложи...

— Смотрите люди, — голос волхва наполнился злобой и очаровывающе разнёсся по округе. — Вот, кого вы выбрали в защиту — мерзкого богохульника! Много ли ты сделал, старшина, чтобы защитить людей от голодной смерти? Кто ты такой, чтобы препятствовать воле богов? Вот оно что...

Волхв отошёл несколько шагов назад, указывая костлявым пальцем на Рознега.

— Присмотритесь внимательно, разве вы не видите?! Они все заодно! Эти «головы» смеются и плюют в лицо нашим богам! Они насмеются над нашими обычаями, мочатся в красных углах, восхваляют проклятую грязную кровь! Смотрите на нас! Они — причина нашей гибели! Но у нас ещё есть возможность, да... Обретите былую веру, и боги снова восплают к вам любовью! Придайте изменников огню за великого Сварога! Залейте капище грязной кровью во славу Велеса! Режьте и колите во имя Перуна! Только тогда боги защитят нас! Они не только разрешат вам жить, но и вновь даруют все благости! Подчинитесь и я приведу вас к свету!

Яромир ощутил, как из волхва и его учеников вырвалась странная вибрация, заставившая волосы на голове зашевелиться.

Воздух наполнился яростью, готовой в любой момент вырваться наружу.

Старик все же сумел добиться желаемого...

— За Велеса! — послышался возглас из толпы. — Смерть богохульникам!

Ядвига неожиданно резко дернула Яромира за рукав рубахи:

— Скорее, останови его, пока не поздно!

Яромир бросился вперёд, но Рознег его опередил.

Блеснула сталь охотничьего ножа Рознега.

Коротким прыжком старшина оказался возле волхва подтянул за бороду и по рукоять всадил лезвие в шею.

Глаза старика запылали гневом, кровь заструилась по уголкам рта. Он вцепился в руку старшины, захрипел и рухнул на колени.

Ученики волхва выхватили из-под подолов короткие клинки и, с криком, бросились на старшину.

Едва первый сделал шаг, как старик Веня потянул его за балахон, а засапожный клинок Добромила вонзился в открывшуюся грудь.

Старшина бросил волхва и повалил раненого ученика на землю.

Только сейчас Рознег заметил, как сбоку угрожающе летит клинок второго, от которого не защититься, не увернуться он уже не мог.

Рознег уже почувствовал холод стали, прикоснувшейся к шее, как подоспел Яромир.

Он поймал нападавшего за кисть и легко извернул его руку и перехватил клинок.

Кости затрещали, меч глухо упал на траву, ученик взвыл от боли.

Яромир же быстро прекратил вопли коротким тычком локтя в голову.

Старшина кивком поблагодарил Яромира и склонился над истекающим кровью учеником:

— Скажешь, что это сейчас было — будешь жить!

Юноша скривился и плюнул в старшину кровавым сгустком. -

Рознег презрительно отёр рукавом щеку, вырвал нож из груди и перерезал горло.

Юноша захлебнулся кровью, тело задёргалось и глаза безжизненно уставились в безоблачное небо.

Старшина склонился над волхвом, выдернул свой клинок и отёр кровь старика об его же вотолу.

Яромиру казалось, что люди вокруг даже дышали через раз, в ожидании гнева Рознега.

— Кто-то, что-то ещё хочет сказать? — с ледяным спокойствием старшина всматривался в лица людей, но те лишь виновато отводили взгляды.

— Они хотели окропить капище кровью — они этого добились. Слава богам! — Добромир дружески положил руку на плечо Рознега. — Смотрите-ка, этот ещё живой...

Оглушенный Яромиром ученик пришёл в себя и, держась за сломанную руку, подался наутёк, в надежде скрыться в тени леса.

Яромир бросился следом, но его вновь опередили.

Ядвига выскочила из-за дерева, сбила ученика с ног и умело повала его на землю.

— Смотри-ка, богатырь, — ухмыльнулся Рознег. — Какая тебе бабища досталась! Тащи хлопца сюда, может он чего путного расскажет!

Ядвига с трудом удерживала юношу, и только стоило Яромиру подойти, как он вырвался, сдёрнул с шеи бутылёк, и поспешно выпил его содержимое.

Яромир вырвал пустой сосуд из его рук и протянул Ядвиге.

— Яд Дум-олога... — приняхалась она и презрительно отбросила бутылёк в сторону. — Самый лютый яд из мне известных. Откуда он у тебя?

— Аз — навь... — прохрипел он, расплывшись в мерзкой ухмылке. — нэсть иже новь явь...

Вены ученика мгновенно вздулись толстыми пурпурными нитями.

— Ложись! — она неожиданно повалила Яромира на траву.

Глаза ученика налились пурпуром и лопнули, а из пустых глазниц полилась такая же пурпурная кровь.

— Он теперь весь ядовит... — уточнила она, принимая от Яромира руку помощи. — На тебя не попало?

— Нет, вроде... — Яромир бегло пошарил взглядом по телу. — Что он сказал?

— Древний слог... Я — смерть, несущая новую жизнь...

— И что это значит?

— Понятия не имею... — Ядвига неуверенно пожала плечами и потянула Яромира обратно на капище. — Ему уже не помочь, вернёмся к остальным...

Яромир проводил её недоверчивым взглядом, ещё раз посмотрел на расплывающееся пурпурное пятно, вокруг которого повяла вся трава, почесал затылок и пошёл следом за Ядвигой.

Глава 6: «Давай, поиграем...»

— Наконец-то последняя... — Ерёма громко зевнул, поддал лошади, и трупная телега, сильно трясясь по разбитой повозками лесной тропе, поехала быстрее. — Скажи же, не верится, что больше не придётся дышать этими вонючими потрохами?

Яромир натянул печальную улыбку:

— Скажи спасибо, что убедил старшину не ставить вас в караул Могильный курган... Вот где настоящая вонь.

— Всё ровно весь тамошний смрад ветром обратно в деревню тянет, так что дома не сильно лучше... Старшина бы сам в кустах посидел и понюхал, чем пахнут его наказания.

— Приказ есть приказ! Велено, чтобы денно и ночью горело? Значит, будет гореть... Права ведь оказалась Ядвига... Только реками крови и неугасающим огнём удалось остановить мор.

— Зря, всё же, волхвы на старшину бочку покатали... Бездумная кончина, но смотри, как народ-то переполошили! Раньше богов, разве что только по праздникам и вспоминали. Теперь же, на какой двор не загляни, так у каждой избы какого-нибудь идола да увидишь. Страшные все такие... — Ерёма скорчил угрюмую гримасу и запустил пальцы в начинающую сесть бороду, слипшуюся в патлы от пота. — Скотину, правда, жалко! Вчера последних коров кололи... Как представлю во что нам новая животины обойдётся — волосы дыбеют...

— Выкрутимся.

— Ты, как всегда, уверенный донельзя... У-Ух! — телега качнулась на ухабе и Яромир едва успел поймать повалившегося из кузова Ерёму.

— Что теперь — нос повесить и гундеть о том, что все хреново?! Где наша не пропадала... Мясца с забойных должно хватить до весны, а там... — Яромир сел поудобней и задумчиво почесал поросшую густой щетиной шею. — что-нибудь да придумаем! Тем более, что с оставшейся после забоя кожей — можешь вообще ни о чём не переживать. Как надубишь, как намячишь, как нашьёшь сапог да шапок... Того и гляди, что богаче Добромила станешь, а там и до положения старосты рукой подать!

Яромир усмехнулся и задиристо подтолкнул друга в плечо.

— Только когда ты станешь старшиной! Кстати, про старшину... — Ерёма приблизился к Яромиру и продолжил полушепотом. — Я тебе кое чего скажу, но поклянись, что старшина не узнает!

— Ну-у... — Яромир настороженно приподнял бровь.

— Я под домом, в подполе, как мор начался, козу спрятал...

Яромир недовольно цокнул и закатил глаза:

— Надеюсь, ты брешешь?

— Какой тут брешешь... — Ерёма неуверенно заерзал на лавке. — У Алеси совсем молока не стало, а младшую кормить чем-то нужно...

— Ох, брат, ну и разноголовый же ты... Рознег прослышит — во век не оберёмся!

— Знаю, что дурак... зато дурак с козой!

За поворотом телега подскочила на кочке, лошадь остановилась и нервно затопталась на месте.

— Хоть бы одна на курган поднялась...

Яромир спрыгнул с телеги, потянул за супонь, снял дугу, вытащил оглоблю через подбрюшник и чересседельник.

Ерёма со своей стороны сделал тоже самое.

Быстро распрягли лошадь и Ерёма отвёл её в тень, где трава погуще, после чего бегом вернулся к Яромиру, который без особого труда заталкивал груженую потрохами телегу по некрутому уклону кургана.

Ерёма выхватил из телеги вилы, взбежал наверх и громко выругался:

— Это ещё что за тьмонеистовство?!

Уже подоспел и Яромир, который от увиденного сильно нахмурился.

Трупная яма, вырытая рядом с засохшей берёзой, специально для сжигания потрохов и умершей от мора скотины, оказалась засыпана землёй. По всей поляне, тут и там разбросали, относительно свежие останки и не успевшие прогореть кости и кожу.

— Возвращайся к лошади. Если закричу, то драпай в деревню за мужиками. — негромко скомандовал Яромир и вооружился Ерёмными вилами. — Я пойду, осмотрюсь, вдруг, кто это сделал всё ещё здесь прячется.

— Может, треклятые собаки? — неуверенно зашептал Ерёма в спину Яромиру. — чтоб у них хвосты поотсохли! Ты же вчера здесь был...

— Старшина приказал больше по ночам костры не жечь, поэтому я увёз последнего караульного, но ничего подобного здесь не было. Как обычно, всё тлело и смердело... Собаки так не роют и, тем более, после себя ничего не оставляют... Здесь кто-то что-то искал... Всё, давай, иди уже!

Он дождался, когда Ерёма скроется из виду и пошёл вперёд.

Не сделал Яромир и пары шагов, как по спине пробежал озноб и перехватило дыхание: по всей поляне отчетливо виднелись глубокие борозды от четырёх длинных когтей.

Он развернулся, молча выкатил телегу на середину кургана и опрокинул её, свалив останки скота в кучу.

Бутыль масла, несколько оставшихся не засыпанными землёй сухих веток и искра от огнива помогли ему заново разжечь костёр, куда он поспешно скидал разброшенные по кургану потроха.

Когда Яромир окончательно убедился, что кроме него на кургане никого не было, он

скатил телегу вниз, где уже долгое время Ерёма нетерпеливо водил лошадь из стороны в сторону.

— Ну, выяснил, кто такое наворотил?

— Медведь. — без раздумий соврал Яромир, на ходу вставляя оглоблю в дугу. — Нужно ехать.

— Так давай останемся и изловим гада?! — глаза Ерёмы загорелись азартом. — Для тебя же косолапого уложить — как орешек расколоть! Вот с мишки шубейка-то выйдет...

Яромир ничего не ответил, но одарил Ерёму таким взглядом, что тот тут же понял, что сейчас ему следовало придержать язык за зубами.

Всю дорогу назад они молчали, но, по мрачному виду Яромира, Ерёма прекрасно понял, что его друг что-то не договаривает.

«Изловить!» — мысли беспорядочно крутились в голове Яромира. — «Но кого ловить? Ещё одно Лихо? Возможно, следы похожи... Мужиков брать с собой нельзя, говорить кому-то тоже. Лишняя суета ни к чему... Да и они могут пострадать... Нет, с собой — точно никого... Пойду сам, выслежу, чтобы это ни было, а дальше видно будет...»

Домой вернулись очень быстро, по крайней мере так показалось Яромиру.

Под угрозой страшной кары, он взял с Ерёмы слово, что тот никому ничего не расскажет. Сам же Яромир доложил Рознегу о выполненной работе и поспешил домой.

Хоть на дворе только наступил полдень, впереди предстояли долгие, скрытные сборы.

По возвращению домой Яромир решил ничего не рассказывать Ядвиге об увиденном, так как после стычки с Лихо она стала очень трепетно и болезненно относиться к каждой его большой вылазке.

Яромир, всеми силами стараясь сохранять видимое спокойствие, переделал все дела по хозяйству и, дождавшись, пока Ядвига крепко уснет, на цыпочках вышел из избы, где в сарае уже ждало заранее приготовленное снаряжение.

Толстый кожаный нагрудник, такие же толстые разношенные сапоги, запасные охотничьи ножи, бутылка масла, огниво, верёвка и, самое главное — наточенный серебряный меч.

Он готов.

Осторожно отворил дверь сарая и оглянулся.

Вокруг стояла тишина, кроме игривого стрекота сверчков, завывания ветра и далёкого уханья совы.

Жизнь в округе шла своим чередом и это радовало.

Вся деревня мирно спала. Можно идти спокойно.

Так как калитка всегда предательски скрипела, Яромир ловко перемахнул через забор и размеренно побежал в сторону могильного кургана.

Благо ночь выдалась лунной, и каждая кочка на дороге прекрасно освещалась её светом.

Сюрпризов можно было не ждать и сосредоточиться на предстоящей встрече с врагом. Вот только с каким...?

Яромир добрался до кургана уже глубокой ночью и на подступах к нему он остановился.

Что бы его там не встретило, он должен быть наготове...

Яромир остановился и выровнял дыхание, после чего медленно двинулся вдоль редких деревьев, стараясь вслушиваться в каждый шорох.

Чутье его не подвело.

Впереди, в тридцати шагах, он отчетливо разглядел тварь, от вида которой волосы на

его теле вздыбились.

Со спины чудище напоминало мускулистого человека, обтянутого кроваво-черной кожей, по которой, в ярком свете луны, блестела и переливалась толстыми нитями такая же неприятная черно-красная слизь.

«Так вот с кого начался собачий мор...» — снизошло озарение на Яромира. — «Но, что же ты такое...?»

Чудище сидело рядом с утренней кучей и привередливо выбирало из вываленных туда потрохов ещё съедобные лакомые куски, небрежно разбрасывая остальное в разные стороны и что-то рыча под нос.

Яромир разглядел и лапы, такие же мощные, как и всё остальное тело, на человеческой руке которой торчали длинные острые когти.

Само собой в памяти всплыли следы когтей на бревне дома старика, от чего его невольно передернуло.

Тварь издала рык, больше напоминающий смех, запрокинуло голову и осторожно опустило в пасть кусок мяса, как будто это были не пожженные потроха, а яства на званном пире.

Теперь Яромир смог разглядеть и морду существа, от чего обомлел пуще прежнего.

Бес.

Яромир не мог поверить, но в этой твари он узнал бесёнка, который преследовал его на Туманных топях после битвы с водяным.

На обтянутой кожей безносой морде красовались два больших, блестящих черных глаза, отдаленно напоминающих рваные полумесяцы.

По ним-то Яромир и признал старого знакомого и был полностью уверен, что не ошибся.

Отец никогда не говорил, что эти создания способны вырастать до таких размеров, хотя вместе они истребили не одну сотню бесов, самых разных форм и размеров. Только даже среди них не встречалось настолько крупных...

Бес расковырял в куче очередной съедобный кусок, поднялся на задние лапы и расправил широкие, как у Яромира, плечи.

Если бы кто-то случайно увидел чудище в темноте, то легко мог спутать его с Яромиром, ведь ростом и телосложением они оказались совершенно одинаковы...

Вздутые мышцы твари игриво заиграли в лунном свете.

Бес широко открыл зубастую пасть, высунул длинный, вьющийся словно змея, язык, и показательно забросил в нее кусок мяса.

Он пристально смотрел в сторону Яромира и не шевелился.

Издалека Яромиру даже показалось, что бес расплылся в довольной ухмылке... Более того, Яромир понимал, что тварь точно знала, что в данный момент он скрывается за деревом.

Поражало, насколько человеческими оказались повадки и движения беса-переростка.

Яромира охватило неконтролируемое ощущение ужаса. Тело дрожало даже сильнее, чем при встрече с Лихо...

Даже огромный водяной, по сравнению с этим бесом, страшил не более обычного овиинника.

«Так вот, кто всё это время за мной следил...» — Яромир вынул меч из ножен и медленно вышел на свет. — «Чем же ты со мной связан...?»

Бес громко проглотил добычу и издал странный рык, больше походивший на смех, растянул большой рот в искривленной гримасе и медленно пошёл по дуге, явно вызывая Яромира на бой.

Яромир со свистом разрубил воздух и подстроился под движение беса.

Он принял бой...

Бес атаковал первым.

Молниеносный рывок и размашистый удар от плеча.

С громким металлическим скрежетом острые когти прошли по мечу и сразу же последовал ответный выпад.

Рубанул сверху.

Бес, с ловкостью кошки, отклонился и лезвие пролетело в дюйме от его морды.

Он играючи отпрыгнул назад и, рыча, усмехнулся над Яромиром.

«Значит, решил поиграть? Будет тебе игра!»

Яромир сделал выпад.

Колол быстро, целился в сердце. Бес с легкостью парировал.

Яромир не остановился, продолжил атаковать без передышки, бил с разных сторон не жалея сил, но бес, без особого труда, отражал и их.

Тварь, уходила, уворачивалась, отклонялась и извивалась. Бес кружился в смертельном танце, в ответ легко, но весьма болезненно цепляя Яромира когтями, оставляя на его теле мелкие неприятные порезы и, при всём этом, — издевательски смеялся.

Яромир понял, что чудище предугадывало каждое его движение. Неведомым образом бес сидел в голове Яромира, от чего у последнего сложилось чувство, будто сейчас он дрался сам с собой...

«Издеваешься?» — Яромир отскочил в сторону и ухмыльнулся бесу в ответ. — «Давай поиграем...»

Он принял правила существа и решил действовать наоборот.

Отец заставлял его учить все свои сильные и слабые стороны...

Яромир замахнулся и опустил клинок сверху.

Бес напряг ноги и тело. Он приготовился к уходу, но Яромир, на половине движения меча, дёрнул лезвие в противоположную сторону и клинок остриём прошелся по груди твари, оставив на ней длинный, дымящийся и шипящий от прикосновения серебра порез.

Бес недовольно зашипел и отскочил назад.

Он медленно провёл лапой по груди, от чего на когтистой ладони осталось черное склизкое пятно. Бес с любопытством осмотрел руку, с показательным удовольствием слизал кровь и грозно зарычал.

— Как тебе такая игра? — усмехнулся Яромир и вызывающе направил меч на беса.

Тварь озлобленно оскалилась и прыгнула вперёд.

Бес бил яростно и Яромиру едва хватало сил устоять на ногах под гнѐтом тяжѐлых, проминающих ударов.

Яромир понял всё правильно: от нарастающей злобы бес становился только сильнее, но, вместе с этим, всё больше и больше терял самообладание и контроль.

Когда-то, точно таким же был и сам Яромир...

— Ну, давай, псина помойная! — Яромир нахально дразнил беса. — На вид большой и страшный, а на деле — тьфу! — сморчок, прилипший к подошве...! Хилый и слабый! Брошенный, никому не нужный кусок дерьма...!

Сработало.

Он смог достать беса и окончательно вывести его из себя...

Бес закатился громким рыком и бросился в опрометчивую атаку.

Яромир упал на колени и, нырнув под правую лапу твари, полоснул по бедру, развернулся и резанул от плеча.

Между ними оказалось слишком мало места и бес уже не смог отскочить или увернуться.

Сверкнуло серебро, и подставленная для защиты лапа, с громким шипением, глухо упала на землю.

Яромир не остановился и вонзил клинок под рёбра беса.

«Вот и всё!» — обнадеживающе промелькнуло в голове и Яромир, под треск ломающихся костей и бурление склизкой крови, протолкнул меч глубоко в тело.

Бес ответил совершенно неожиданно...

Яромир не увидел, как когтистая рука, со свистом рассекая воздух, вылетела снизу.

Удар оказался такой силы, что Яромира оторвало от земли и отбросило не меньше, чем на пятнадцать шагов.

Зажгло в груди...

Яромир с трудом поднялся на колени и увидел, как по земле зашлёпали капли крови.

Бес, всё-таки, смог его достать...

Остроты когтей твари с лихвой хватило, чтобы располосовать толстый кожаный нагрудник и оставить на груди четыре глубоких рваных раны.

«Так просто не сдамся...» — Яромир стиснул зубы и с трудом поднялся на ноги.

Он захрипел и изо рта обильно побежала кровь. Сломанные рёбра проткнули лёгкое... Невероятная боль пронзила бок. Начал захлёбываться и упал на колени.

Яромир вновь ощутил себя на волоске от смерти...

«Раньше твари не сдохну!»

Что осталось сил, он ударил кулаком в грудь и поток живительного воздуха со страшной болью рванул внутрь.

Яромир медленно, но облегченно выдохнул...

Он, всё же, ещё мог побороться за жизнь!

Неожиданно, его порадовало, что и бес сейчас мучался...

Тварь неистово вопила от боли и металась по поляне из стороны в сторону.

Единственной рукой бес никак не мог дотянуться до рукояти серебряного меча, кожа вокруг которого продолжала плавиться, шипеть и дымиться.

Яромир снова поднялся на ноги и вытащил из-за пояса толстый охотничий кинжал.

На глаза попало отсечённое предплечье беса.

То, что ещё пару мгновений назад было лапой, превратилось в кучу слизи, куда тут же поспешил наступить бес.

Черная, как дёготь, слизь толстыми нитями поползла по телу и на месте культи снова начали вытягиваться длинные пальцы.

Явно пораженный не меньше, чем Яромир, — бес, недолго разглядывал отросшую лапу, довольно ухмыльнулся и издевательски потряс Яромиру уже здоровой конечностью.

«Ещё и дразнится, скотина...» — едва держась на ногах, Яромир, исподлобья, следил за каждым движением беса. — «Что-же ты такое...?»

Бес скривился в гримасе боли и упал на колени.

Серебряный меч продолжал сжигать его изнутри.

Тварь осторожно взялась за рукоять отросшей рукой и медленно потащила клинок из тела.

Почему-то Яромир почувствовал, какими страданиями это далось бесу...

Он скулил, рычал и выл от боли, но, всё же, смог достать злополучный кусок серебра.

Бес с любопытством повертел клинок перед мордой, и пренебрежительно бросил его к ногам Яромира.

Он больше не хотел продолжать драку, но по его взгляду, Яромир понял, что скоро они снова встретятся и в следующий раз живым уйдёт только один...

Бес обиженно зыркнул на Яромира и, держась за кровоточащий бок, хромя, скрылся во тьме леса.

Яромир, проводив взглядом человекоподобную тварь, упал на колени, с трудом отстегнул ремни нагрудника.

Пропитанную кровью, рваную рубаху пришлось резать прямо на теле.

Хоть оставшейся целой ткани хватило, чтобы прикрыть разодранную грудь.

От боли он едва не потерял сознание, но всё же удержался.

Впереди ждала нелёгкая дорога домой...

Руки не слушались и никак не хотели поднимать меч с земли, но оставлять его здесь нельзя — другого серебра для борьбы с новым врагом у него не было.

Он затянул ляжку ножен и, используя меч, как опору, поковылял в сторону деревни.

Глава 7: «Хватит груди мять, беда у нас!»

— Совсем ума нету?! — первый раз за всю совместную жизнь Ядвига кричала на Яромира, густо накладывая целебную мазь в подзатыливающиеся шрамы. — Ответь честно: тебя в детстве часто головой роняли?! Волколаки, Лихо... теперь это... Всё мало, да?! Или просто нравится, когда тебе больно делают?!

— Можешь, пожалуйста, не орать?! — хрипло протянул Яромир. — И так тошно...

— Тошно ему... — Ядвига, трясущимися руками, смахнула со лба прилипшую от пота прядь волос. — А обо мне ты подумал...?

Яромир потупил взгляд и отвернулся.

— И вот так ты всегда... — Ядвига отошла к столу за новой порцией мази. — Рискуешь шкурой, лезешь, куда надо и не надо... А обо мне ты подумал? Пятый день пошёл, как Веня тебя привёз, и всё это время я от лежака не отходила, — и это только в этот раз, — а ты, как очнулся, только твердишь, что об этой твари... Как будто она тебе дороже, чем я...

— Не дороже... Но и так оставить я не могу...

— Яромир! — Ядвига гневно швырнула чашку на пол. — Эта тварь на тебе живого места не оставила! Посмотри на себя: еле ноги унёс! Если с Лихо повезло, ещё не значит, что тебе каждая приبلуда по зубам! Вот так вы, последние из самонадеянных дуралеев, прозванных богатырями, и попередохните, даже кровь славная не спасёт... Те же, кто поумнее, как твой брат, давно попрятались за высокими стенами и не кичатся силой понапрасну, потому и живы!

— Да пойми же ты, что и этот бес мне по зубам! — сорвался Яромир и тоже перешёл на хриплый крик. — Сволота... Не пойму как, но он со мной связан. Я чувствую его, а он меня. Да он совсем такой же как я! Увидела бы его, тогда сама поняла...!

— Молю богов, чтобы не увидеть... — испуганно пробурчала Ядвига, соскребая остатки

лекарства с пола. — Скажи, что эта тварь не явится в деревню?

— Ничего не могу обещать... — Яромир задумчиво нахмурился. — В жизнь такой умной дряни не встречал. Он играл со мной, повторял за мной, был мной... И это пугает до дрожи в коленях!

— Может какое умертвие новое? По чём нам знать, много-ли ещё какой погани Чернобог народил.

— Точно тебе говорю — бес! Такую морду раз увидишь — во век не забудешь! И, так тебе скажу, именно он — причина всех моих бед.

— Где-то это я уже слышала... — устало бросила через плечо Ядвига, опустила на стул и взяла со стола гребень.

— Опять ты за своё...?! — фыркнул Яромир и продолжил. — Когда я убил Лихо, то ошибся... Снова... Раз этот бес подражает мне, то давай подумаем, чтобы я сделал на его месте...? Там, на кургане, я почувствовал, что бес затаил великую злобу. Он точно следил за мной и отлично изучил, теперь мстит, падла, за то, что мы с отцом весь его род повырезали.

— Какая тонкая проницательность... — ехидно улыбнулась Ядвига.

— Язва! — Яромир скорчил гримасу и обиженно надул губы.

— Допустим, — Ядвига проплыла по комнате и села рядом с Яромиром. — я тебе поверю... Бабка рассказывала, что раз в сто зим Чернобог выпускает в Этот мир чудище невиданное, чтобы против богатырей на равных простоять могло. Но то сказки, а это — жизнь.

— Сказки не сказки, но пока что всё сходится. Этот бес очень хитёр и силён... — Яромир ушёл глубоко в раздумья. — Он запросто мог противостоять отцу, ведь из-за меня знал его привычки. Лихо ни за что не подойдёт к огню, да и не додумается, а вот этот — запросто! Отец опытнее меня, поэтому смог скрыться. Тварь тоже умело замечает следы, выжидает и прячется... Я уверен, что бес искал меня, но, когда он напал на отца, то Лихо учуяло в нём достойного. Вероятнее всего, что они встречались, но даже такой бес — не ровня лиху. Бесу удалось ускользнуть, но, напоследок, он всё же решил хоть как-то да зацепить меня...

— Думаешь, девочку всё-таки задрал бес? — Ядвига удивлённо приподняла бровь.

— Уверен. Бес не будет выступать открыто. Зачем? Ему ни к чему облавы. Дурная выходка Патши просто подвернулась под руку и бес ей воспользовался. Он точно знал, что Верея была для меня дорога и знал, что этим самым сделает мне очень больно.

— Тогда, где он был всё остальное время?

— Хороший вопрос... — Яромир задумчиво потеревил мелкую, колючую бороду. — Скорее всего, опять я виноват... Пока Лихо крутилось по округе, бес боялся вернуться, но только его не стало, как бес тут же почуял открывшиеся возможности. Чтобы я сделал дальше...? Когда он вернулся, то, скорее всего, увидел меня в лесу, но не напал, потому что я для него стал другим, чем-то новым... Ему требовалось время, чтобы заново разложить меня по полочкам, изучить на что я способен. Он видел и мужиков, вооруженных серебром, способных выслеживать и охотиться на подобных ему. Нет, я бы сперва ослабил нас...

— Отсюда поподробнее... — Ядвига взволновано заёрзала на краю лежака.

— Наперво, я бы избавился от всей нечисти и хищников по округе. Мне не нужно, чтобы лишний раз кто-то шарился по лесу и мог случайно обнаружить следы моего присутствия. Чем меньше знает враг, тем крепче спит... Затем, мне нужно узнать получше, что из себя представляет моя цель. Вот незадача — деревенские собаки. Они непременно

меня учуют, ведь я пахну иначе, чем люди. В какой-то момент, я понял, что моя кровь несёт смерть, которая передаётся от одного к другому, поэтому и выбрал того, кто больше всех уязвим. Старый, одноглазый волкодав — подойдёт. Тут же дошло, что должна была подохнуть и вся съедобная скотина. Отлично, враг будет по уши в заботах и в конце концов ослаблен голодом, тогда можно и напасть, ведь уже точно никто не сможет препятствовать моей мести. Опять же, нападку на волкодава сам — слишком рано поймут, что что-то не чисто. Выход: дикие собаки. Наловил дичи, приманил мясом и вот — леса полны бродячих псов. Дальше: дело за малым. В дождь дворовые псы не смогут меня учуять, а разобраться со старым волкодавом не составит совсем никакого труда. Всё шло по плану, но терпение быстро закончилось. Но я попал в свою же ловушку: собаки пожрали и распугали оставшуюся в лесу дичь. В итоге, я сам начал голодать и терпение быстро подходило к концу. Как раз на курган привезли свежие потроха и сняли дозорного. Тогда бес и решил действовать. Он знал: когда я увижу, что он сделал на кургане, то обязательно захочу выследить виновного, причём буду это делать один. Бес хотел показать себя, что он силён и проворен... Доказать, что он лучший... Я когда-то и сам так ехал на схватку с водяным...

— Яромир, — Ядвига заботливо взяла его за руку и нежно прошептала. — оставь его, будь со мной... До этого же он никого не трогал и то, что он девчонку убил — всего лишь твои догадки... Вдруг эта тварь просто пришла на запах тухлятины и дохлой скотины? Ты сказал, что серебро его ранило, может он опять скроется в лесах, зная, что его здесь могут убить? Не ищи его, мой хороший... Прощу тебя, отпусти! Пусть идет своей дорогой и будь со мной... Живым...

Ядвига страстно прижалась к губам Яромира.

— У меня дурное предчувствие, что он убьёт тебя... И ты знаешь, что чутьё меня ещё никогда не подводило...

— Пойми, что даже если я его оставлю, то теперь бес точно от меня не отстанет. Всего лишь вопрос времени, когда он сделает следующий шаг...

В этот момент раздался стук в дверь.

— Ну не настолько же скоро?! — от неожиданности Ядвига испуганно подскочила с лежака, торопливо поправила платье и пошла к двери.

— Эй, эх-эх..., богатырь! — раздался снаружи встревоженный голос Рознега. — Я знаю, что ты дома, эх..., печной ездова! Хватит груди бабьи мять, беда у нас!

Только Ядвига отодвинула засов, как тут же внутрь избы влетел взъерошенный, запыхавшийся старшина:

— Собрался и, эх..., на выход!

— Чего ты сразу голосишь, начальник? — Яромир скорчившись от боли сел и с помощью Ядвиги натянул рубаху и лапти. — Как будто кто-то помер...

— Именно что. — серьёзным тоном коротко перебил Рознег и гневно распушил усы. — Пошевеливайся и без лишних вопросов! Сам всё увидишь.

Явный признак того, что сейчас старшина совершенно не шутил...

Яромир, на сколько мог быстро, собрался и, вслед за Рознегом, вышел во двор.

Прямо перед калиткой ждала запряженная телега во главе с Ермолой, а в кузове с такими же мрачными, как и у старшины, лицами сидели Аяр и Ерёма.

«Не к добру...» — насторожился Яромир и занял место рядом с молчаливо приветствовавшими его мужиками.

Только Ермола дёрнул поводьями, как подбежала Ядвига:

— Никого не забыли?! — уже успевшая переодеться, она протянула руку Яромиру. — Или вы думали, что меня можно вот так вот просто оставить?

— Ох, бабы... — недовольно скривился Рознег и коротким кивком указал ей занять свободное место в телеге. — Шевелитесь только! Нужно приехать первыми, чтобы знать, как потом перед людьми объясняться...

Яромир помог Ядвиге подняться в кузов, и лошади быстро понесли их в сторону Могильного кургана.

Только ехали они совсем не туда...

— Тьфу, разлямзля! — выругался старшина, подавая Ермоле знак остановиться. — Всё-таки какой ты на ногу долгий, богатырь. Не успели...

Дорогу перекрыла толпа деревенских, собравшаяся возле подворья старика Вени.

Люди суетились и взволнованно перешептывались. Заплаканные женщины испуганно прижимались к мужьям. И даже уже бывалые мужчины из ловчих Яромира с трудом сдерживали рвотные порывы и поспешно отводили взгляды в сторону.

Но на двор никто зайти не осмеливался...

Яромир еще не видел картины произошедшего, но по трясущимся рукам и учащённому сердцебиению понял, что случилось что-то очень, очень страшное.

— За мной... — хмуро скомандовал старшина и пошёл напрямик в гущу толпы. — А ну, ротозеи, дорогу, дорогу...!

Люди, неуклюже толкаясь, расступились, открыв во всей красе двор Вени.

Яромир на мгновение оторопел и замялся.

Тело затрясло ещё сильнее, свело желудок в рвотном порыве и зажало в груди, что не позволяло нормально вздохнуть.

Он, убивший столько всяких разных тварей, встречавший множество зверств и привыкший к виду крови, оказался не готов к увиденному...

— Ну, богатырь, расскажи-ка нам, раз уж все собрались, что за погань лютая могла такое наворотить?!

Яромир тяжело сглотнул, вдохнул свежего воздуха, медленно открыл калитку и зашёл на двор.

Подворье залило лужами крови.

Разбросанные тут и там останки изуверски растерзанных человеческих тел и животных уже начали источать смрад разложения.

«Значит, ты решил играть по-крупному...?»

Его жертв можно даже не пытаться опознать.

Лица множества людей бес изуродовал до неузнаваемости и из человеческого остались только руки и ноги, разбросанные по всей ограде.

Яромир, осторожно обходя куски тел, прошёл к избе и остановился на против колодца, к которому оказалось прислонено то, что осталось от старика Вени.

Толстый сруб бес вымазал кровью и оставил на брёвнах глубокие борозды от когтей.

«Теперь ещё и своё клеймо оставляешь...?» — Яромир нервно закусил губу, задумчиво провел пальцами по царапинам и склонился над телом.

Грудная клетка разодрана пополам. Внутри не доставало печени, лёгких и сердца. Выколотые глаза, откусанный нос, оторванные уши, пальцы и язык.

На глаза, под вывалившимися из брюха кишками, попался уголок предмета из кожи.

Яромир неприятно сглотнул, потянул за торчащий край и вытянул свой разодранный

нагрудник, оставленный на кургане.

Затрясло ещё сильнее и Яромиру потребовалось сделать большое усилие, чтобы не выдать окружающим волнения и страха.

«Вот так ты решил меня укусить?» — он сидел на корточках и всё сильнее, и сильнее сжимал в руках кожу. — «Веня, Веня... Ты не заслужил такого конца... Подобрал меня, спас, отвёз к Ядвиге... Сучий сын, проклятый выродок! Ты за мной проследил, посчитал, что Веня для меня важен и убил их всех... Мстительная сволочь, молодец. Доказал, на что способен... Значит, ты знаешь и про неё... Только Ядвигу тронуть не позволю... Бросаешь вызов? Будь по-твоему...!»

Яромир резко подскочил и решительно направился на выход.

Теперь у него точно не остаётся другого выбора...

— Ну и куда собрался?! — перегородил дорогу старшина. — Ничего не хочешь объяснить?

Яромир не ответил, легко толкнул возмущённого Рознега и подошёл к плачущей в стороне Ядвиге:

— И после этого, думаешь, я смогу просто забыть про него?! — яростно прошептал он ей. — Он дал ясно понять, что не остановится. Либо мы схлестнёмся, либо он так и будет убивать: семью за семьёй... Для него это всего лишь игра, забава, повод достать меня, только я не позволю ему добраться до тебя, или до Ермолы, или тронуть Ерёму с Алесей. Пойми, что для него нет разницы: корова или ребёнок. Вот, посмотри на это! Хочешь ты того или нет, но я не могу позволить этому повториться... Тварь хочет драки — её и получит! Пусть даже это будет стоить мне жизни!

Яромир гневно швырнул кусок нагрудника к ногам Ядвиги. Та лишь пуце залилась слезами, прекрасно понимая, что Яромира уже не переубедить...

Он перевел дух, успокоил колотящееся сердце и вышел перед людьми:

— Разве никто не слышал шума? Ни писка, ни единого крика?

Ответа не последовало.

— Почему так много... людей на дворе?

— Веня закатил пирушку во имя Велеса, — прокричал дряхлый старичок, стоявший рядом. — Созвал семью, радовались, что мору конец...

«Хитрая скотина, прокрался в дом среди ночи, пока все пьяные спали. Убивал тихо, чтобы никто не услышал... Всё-таки Ядвига права...» — Яромир на мгновение закрыл голову руками и вновь обратился к людям. — В тайне удержать не получилось, как бы сильно я этого не хотел... В округе завёлся бес.

По толпе прокатилось взволнованное перешёптывание.

— Ха-х! Не смейся! — язвительно перебил Рознег. — Все мы знаем, что бесов таких нету, а те, что были, вы же со стариком и повывели! Или вы всё это время нам лгали?! Люди собирали вам всё, что могли, а вы просто в носу ковырялись?!

— Я не в настроении вести с тобой споры, начальник! — Яромир яростно сверкнул глазами на старшину. — Сказал бес, значит бес! И не смей порочить имя отца! Хоть человек ты и уважаемый, но такого я не потерплю...

От грозного вида и грубого тона Яромира Рознег опешил.

— Ишь, как заговорил...

Уязвлённый Рознег хотел было вспылить, но Яромир его перебил и вернулся к людям:

— Разве я давал вам повода не верить мне?! Кто из вас хотя бы раз усомнился в

серьёзности моих намерений и действий на наше общее благо?!

Толпу вновь накрыла многоговорящая тишина.

— Перед нами встала напасть, с которой ни мне, ни кому либо другому, не довелось встречаться доселе. Этот бес не такой, как остальные. Он сродни нам с вами: умён, хитёр и мстителен...

— Что ему от нас нужно?! — крикнул из толпы Аяр. — Чем мы его разгневали?!

— Таить не буду... — Яромир замолчал, собрался с духом и продолжил. — Я думаю, что он пришёл по мою душу...!

Люди разразились тревожными и гневными возгласами.

— Тогда, может нам просто стоит изгнать тебя и дело с концом?! — насторожился Рознег. — Я не позволю, чтобы кто-то ещё пострадал...!

— Ты, как всегда, старшина! — из толпы вышел рослый, обросший густой бородой и гривой ловчий по имени Бор. — Яромир ни разу нас не подводил...

— И сколько бед с собой принёс! — выпалила женщина сквозь слёзы. — Мои родители были там, теперь посмотри, что с ними стало! Это всё он виноват!

— Пусть я и виноват! — оцетинился Яромир. — Я же всё и исправлю, даже если костями лечь придётся!

— Ты так и не ответил! — напомнил про себя Аяр.

— Я думаю, что он мстит за сородичей... — неуверенно замялся Яромир. — Не вижу других причин...

— Коль так, то вилы в зубы и вперёд на отлов скотины! — к Бору присоединился другой ловчий, лысый, низкорослый, коренастый Ёрд. — Веня был мне дядькой по мамке, так что и мы будем мстить за наших...!

— Такого нахрапом не возьмёшь! — Яромир постарался немного успокоить пыл взъерошенного товарища. — В первый раз я победить не смог...

Яромир снял рубаху, оголив ещё свежие шрамы, от чего толпа возбуждённо заохала.

— Помнишь, Ерёма, — продолжил он. — Тогда, на кургане...? Лучше бы это, всё-таки, оказался медведь... В тот же вечер я встретился с бесом и разошлись мы далеко не любовно! Он долго скрывался в тени, наблюдал и изучал нас, копил силы! И, сейчас, он бросил нам вызов!

Яромир снова ненадолго замялся:

— Я не смею просить вас и мне тяжело признаться..., но я уверен, что если я не смогу его одолеть, то бес не остановится и тогда в опасности окажется вся деревня! Старшина, люди, братья, я не имею права больше рисковать вашими жизнями, но в одиночку мне эту тварь не осилить...

— Но ты и не будешь один! — к Яромиру подошёл рослый бородач и поддерживающе положил руку на его плечо. — Наши луки и копья с тобой! Правда, братья?!

— Мы пойдём за тобой, брат! Все вместе! — с одобрительными криками к Яромиру присоединились и остальные двенадцать его ловчих.

По толпе пронеслись возгласы одобрения.

Глава 8: «Иди, совершай свои дурацкие подвиги!»

— Всё это очень дурно пахнет! — недовольно покачал головой Рознег. — Соглашусь, что оставлять это так нельзя. Да, как ни крути, но ты теперь часть нашей большой семьи, а за своих — любому глотку порвём!

Сзади неожиданно подкралась Ядвига и крепко прижалась к Яромиру шмыгающим носом:

— Тогда вам понадобится серебро..., очень много серебра!

— Да всё что хотите, лишь бы от этой страхолюдины избавились! Эй, кузнец, тебя ждёт много работы!

— Нужны будут лишние руки... — явно недовольный Аяр задумчиво почесал аккуратно подстриженную седую бороду. — Серебро требует особого подхода...

— А я с Яромиром пойду! — выкрикнул из-за спины отца Эйда. — Больно мы с ним удачно с Лихом управились!

— Я тебе покажу Лихо, тусок! — взбешенный Аяр замахнулся на Эйду, но тот ловко увернулся от отцовской затрещины и поспешил скрыться среди людей.

— Говори, что нужно, — присоединились к остальным Ерёма и Ермола. — Копьё держать нам по силам!

— Сгодитесь, но не в поле. — Яромир улыбнулся братьям и похлопал каждого по плечу. — Ловчие из вас, как из старшины скоморох. У вас дети малые... Негоже их безотцовщиной оставлять! Да и мы с мужиками должны сами управиться... Для вас будет другой наказ. Коли не вернёмся, то уводите семьи и людей, кто согласится, как можно дальше. Бес какое-то время будет зализываться, поэтому у вас будет время спастись. Авось пронесёт и не станет преследовать, но что в деревню, скотина, заявится — то точно!

Братья мрачно переглянулись и понятливо кивнули.

— Ещё, Ерёма, нужны новые доспехи... На всех...

Глаза Ерёмы округлились:

— Так это... — закашлялся он. — Я же не успею... Сколько дней?

— Аяр! — окликнул кузнеца Яромир. — За сколь мы мечи отольём?

— Если спать по минимуму... — пробурчал Аяр. — Три дня!

— Слыхал? Целых три дня! — с натянутой улыбкой приободрил Яромир Ерёму. — Но ты не трухай, мужики помогут!

Ерёма нервно ухмыльнулся, потянул брата за рука и они молча побрели в сторону дома, прекрасно понимая, что белого света в ближайшие три дня им не видать.

— Любовь моя, не печалься! — Яромир приподнял подбородок продолжающей прижиматься к нему Ядвиге и посмотрел ей в глаза. — Славич я, в конце концов, или нет?! Славомир прогнал Скипер-зверя, а я от какой-то собаки побегу?! Ну и что я за богатырь тогда...?!

— Глупый ты. — шмыгнула она носом и ещё сильнее прижалась к груди. — Самонадеянный и глупый... Если ты встретишься с ним, то это будет последней твоей охотой. Сердцем чую — беда идёт, страшная беда... Ещё есть время, давай убежим? Бросим всё и убежим! Мир огромен и в нём ещё полно таких деревень! Найдём новый дом... Ты умрёшь, и я умру вместе с тобой! Я люблю тебя... Не смогу без тебя жить...!

— И я тебя люблю, моя душа, мой свет! — Яромир отёр её щёки от слёз и поцеловал. — Только жил воином и погибну, как воин! Коли начертал Белобог на роду мне сгинуть, так тому и быть! Я уже давно не боюсь смерти, но твоя жизнь — для меня самая великая драгоценность! И навредить тебе — никому не позволю! Хоть костями ради этого лягу...

Ядвига неожиданно отпрянула, бросила на Яромира полный злости взгляд и побежала в сторону дома.

Растерянный и встревоженный Яромир потянулся за ней, как за рукав одёрнул Аяр:

— А ну, не смей, пусть идёт! Бабы они все такие, сопливые, думают только сердцем, а ты мужик и должен делать своё дело, пусть она хоть забрызжится ядом! — поучительным тоном прохрипел кузнец. — Усёк?! Увидишь, сама прискачет, ежели ты ей дорог! К первой звезде жду в кузне. Работы много, и чтобы закончить в срок, нужна будет дюжая сила!

— Что скажешь, — печально улыбнулся Яромир, тревожно провожая глазами удаляющуюся Ядвига. — Наперво, здесь порядок наведу...

— То-то!

Аяр бросил брезгливый взгляд на двор Вени, одобрительно кивнул и отправился в кузню, оставив Яромира, ловчих и горстку родни убитых устранять последствия бесовых бесчинств.

Уже к закату весь двор Вени превратился в одну огромную погребальную краду...

Трое суток, днём и ночью, вся деревня суетилась и гудела, готовясь к большой охоте.

Казалось, что беса и след простыл, только Яромир чувствовал, что каждую ночь тварь смиренно ждала его на могильном кургане.

На крюки, цепи, наконечники для стрел, копья и мечи ушло всё серебро, что нашлось в деревне. В ход пошли даже, так любимые Добромилом, столовые ложечки, безжалостно изъятые Рознегом и вся серебряная утварь самого старшины.

На второй день в кузню заявился Ерёма со всеми своими инструментами и телегой вываренной кожи.

Он долго показывал Аяру куски кожи и какие-то рисунки, после чего они уединились в малой кузне, пока Яромир и Эйда продолжали плавить серебро и отливать по формам.

К вечеру в они позвали и Яромира.

Яромир отодвинул плотное льняное полотно, разделяющее части кузни, и вошёл в ярко-освещенную мастеровую.

Вымазанные в саже, измотанные и угрюмые Аяр и Ерёма сидели за небольшим столом перед новым кожаным доспехом.

— Надевай. — устало пробурчал Аяр и указал Яромиру на нагрудник.

Яромир отёр краем рубахи лицо от пота, набросил доспех на плечи, а Ерёма подтянул ремни.

Необычно толстая, но практически невесомая кожа удобно подошла по плечам и не сковывала движения.

— Вываренная, дубленая шкура борута. Спасибо твоему старику и Добромилу за её сохранность. Окислённая пластинчатая горная руда и прокладка из танталовой кольчуги...

— Не думал, что броня может оказаться настолько удобной. — Яромир расплылся в довольной улыбке и одобрительно кивнул. — Как вы до такого додумались?

— Всё он. — Аяр указал на измученного, сонного Ерёму. — у меня же только завалилось немного материала...

— Только это ещё не всё... Вытяни руки. — вымазанными в копоты и дубильных веществах руками, Ерёма прицепил к плечевому креплению нагрудника необычную защиту для рук, доходящую до кистей. — Согни руки. Что-то мешает?

Яромир пошевелился и, не найдя никаких недостатков, отрицательно помотал головой.

— Такой доспех ни один клинок или зверь не пробьёт, разве что конечности не поотрывает... — самодовольно подметил Аяр.

— Очень обнадёживает! — с лёгкой язвительностью ответил Яромир и жестом указал Ерёме помочь расстегнуть ремни. — Но, буду честен: искуснее доспеха я не встречал даже

среди княжеского войска. Остались ещё материалы?

Аяр утвердительно моргнул и коротко кивнул.

— Вам нужно отдохнуть, а утром мужики помогут с работой. Авось, так и сможем одолеть проклятую тварину...

Яромир не соврал и уже с раннего утра вся кузня закипела жизнью.

Трудились безвылазно и полностью закончили работу только к концу пятых суток, да так, что каждый из двенадцати ловчих оказался закутан в новый доспех и увешан оружием до зубов.

— Теперь отоспимся и в ночь на охоту... — устало протянул Яромир, глядя на уходящее за горизонт солнце.

Он, Ерёма и Ермола, вымученные долгой тяжелой работой, сидели на лавке возле кузни, завалившись спиной на забор и медленно потягивали налитую Аяром медовуху.

— Она так и не приходила? — осторожно поинтересовался Ермола.

Яромир поджал губы и расстроено покачал головой.

— Алеся сказала, — Ерёма отмахнулся от назойливо свистящего под ухом комара, чуть было не разлив медовуху. — что она страсть, какая злая ходит.

— Бабская обида оный раз страшнее любого из чудищ выходит, — с умным видом заключил Ермола. — Офела губы как надует, так и хочется, чтобы какая-нибудь скотина голову оттяпала..., чтоб не мучаться.

— Тебе или ей? — насмешливо перебил брата Ерёма.

— Очень смешно! Как будто твоя Алеся не такая?

— Такая, конечно же... — Ерёма грустно улыбнулся и отпил из кружки. — Не поймешь их, баб этих...

— А чего сам к ней не ходил? — Ермола подтолкнул в плечо задумавшегося Яромира. — Мог бы и найти для бабёнки время.

— Вдруг этого времени больше и не будет вовсе? — подхватил Ерёма.

— Вот-вот, коль что не так пойдёт, будешь потом с паршивым сердцем помирать!

— Да ходил я..., - раздраженно отмахнулся от братьев Яромир. — а она меня на порог не пустила и за дверь выставила... Потом ещё приходил, только дома её уже не застал. Дел и так невпроворот, да и я не собачонка, чтоб за её юбкой увиваться...

— Офела сказала, что Ядвига и другие бабы все эти дни собирали травы и коренья.

— Любит она тебя и потерять страшится. Вот губы и дует!

Яромир беспокойно заёрзал на лавке. Ерёма смог задеть его за живое...

— Чтоб ты знал, и мы за вас страшимся. Давеча, перед часом волка, молился Таре и Деване. Вдруг, всё же, услышат и уберегут...

— Гляжу, сильно народ волхвы припугнули, — Яромир ухмыльнулся и допил содержимое кружки.

— Хочешь не хочешь, да и не в такое верить начнешь... — пробурчал Ерёма.

— Когда вокруг черти что творится, на кого ещё положиться? — одобрительно закивал Ермола.

— На себя. — твёрдо и сурово перебил Яромир. — Чем мы хуже богов?! Они нас бросили, на этом точка! Пришёл-ли кто-то из них, когда поля умирали от палящего солнца? Остановили-ли они грызню между князьями? Защитили-ли они нас от тварей Чернобога? Нет! Мы всё делаем сами, своими руками! Хватаем мечи, вилы и грудью защищаем то, что любо и дорого! И надеяться, кроме как на собственные силы, нам больше не на что. Вы все

— моя семья и я сделаю всё возможное, чтобы вас защитить...! Хватит на этом.

Яромир поднялся с лавки, потянулся и громко зевнул.

— Пойдёмте уже спать, впереди трудный день.

Братья согласно кивнули, попрощались с Яромиром и побрели по домам.

Сам же Яромир вернулся в кузницу и уснул на, ставшим ему за эти дни привычным, топчане.

К закату следующего дня на главной площади деревни вновь столпился народ.

Жены и матери слезливо прощались с уходящими на охоту ловчими.

Дети, не понимая ничего, стеснительно прятались за юбками и мило улыбались хмурым отцам.

Старики и отцы хранили видимое спокойствие и высказывали одобрение, но каждый понимал, что многие из них могут уже не вернуться обратно...

Сейчас от мужества их детей сейчас зависела жизнь всей деревни.

Слёзы пролиты, все нужные слова сказаны. Можно выступать.

Ждали только Яромира...

Он брёл по пустым улочкам в надежде попрощаться с Ядвигой.

В голове крутились сотни слов, и он всё не мог решить, с каких же из них начать.

Все эти дни она не выходила у него из головы.

Её голос в голове безуданно манил его, умолял всё бросить, вернуться к ней.

Отвратительное чувство своей подлости и предательства скреблось на душе, разрывая её на части.

Часто руки Яромира опускались сами собой, хотелось бросить опрометчивую затею. В это время каждый взмах молота стоил ему всё больших и больших усилий, в конце концов становясь совсем неподъёмным, но, раз за разом, Яромир, стиснув зубы, делал следующий удар.

Чувство долга перед остальными превышало неумолимую тоску по одной...

Всё нутро так и рвалось бросить опрометчивую затею, вернуться к Ядвиге, сбежать с ней, но он сказал своё слово и будет верен ему, что бы не случилось.

Он мужчина, богатырь, и ни Ядвига, ни кто-либо другой в Этом мире не сможет в нём этого изменить.

Он доведёт дело конца, даже если придётся встретить этот конец в одиночестве...

Яромир остановился возле калитки.

На мгновение он замаялся, не решаясь войти на двор.

«Вдруг она снова не захочет меня видеть? Вдруг я больше никогда её не увижу...»

Сердце заколотилось, от волнения слегка подкосились ноги.

Он вдохнул, выдохнул и, всё-таки, осмелился отворить калитку.

Но её дома не оказалось. Снова...

Яромир обвёл тоскливым взглядом мрачную избу, которая, как он понял по слою пыли, так ненавидимой Ядвигой, пустовала уже несколько дней.

Неожиданно пробежал озноб, говоривший только об одном — больше он сюда не вернётся...

«Так тому и быть! Хочет дуть губы, пусть дует дальше... Я от своего не отступлюсь!» —

Яромир печально выдохнул, решительно развернулся на пятках, бережно закрыл за собой дверь и поспешил присоединиться к остальным.

Яромир спешил, взметая сапогами клубы пыли, тянущиеся за ним длинным шлейфом. Он и не понял, как вывернул из-за переулка и оказался на площади, где его первым заметил Рознег:

— Что ты за богатырь-то такой?! — осуждающе подбоченился старшина. — Почему тебя вечно приходится всем ждать?! Ещё «головой» называешься..., только боевой дух разбазариваешь...!

— Как всегда, умеешь подбодрить добрым словом... — немного потерянный Яромир угрюмо протянул Рознегу руку. — Уговор помнишь?

— А ну, мужичьё, становись! — приказным тоном скомандовал старшина и отвел Яромира в сторону. — Сколько уже можно по ней маяться...? Не смей, слышишь, никогда не смей показывать это людям! Какой бы болью это в тебе не сидело — брось, брось из головы, ведь им сейчас не лучше... Посмотри на них, на их родных: все они верят, что ты, да-да, именно ты, богатырь, вернешь их мужей домой живыми. Сейчас они нуждаются в тебе гораздо больше, чем ты в ней! Будь камнем, будь огнём, непоколебимым исполином! Ты — голова, не сопляк, и должен наполнять их сердца отвагой! Запомни, только от тебя зависит как крепко будут держаться щиты, как яростно будут рубить клинки и как мужественно люди будут готовы встретить свою смерть... Кого бы ты не вёл, помни, что, в этот миг, вы — одно! И не важно: будь то ватага мужиков или целое княжество. Тоска по бабе не прикроет твою спину! Уж поверь старому, бывалому вояке... Теперь иди к ним! Держи ухо остро, ладонь на рукояти, а глаза повсюду!

Старшина по-отцовски положил руку на плечо Яромира:

— И постарайся всех не упокоить.

— А ты — всех спасти... — с трудом выдавил пораженный речью старшины Яромир.

Рознег на миг задумался и печально взгляделся в багровые облака. Доселе грозное выражение лица старшины сменилось глубоким сожалением:

— Солнце вот-вот зайдет... Жаль, что я уже давно не молод... Эх, сейчас схватился бы за клинок и показал, как надо, а не вот это вот всё...! — старшина в сердцах махнул рукой и слабо улыбнулся. — Где твои копьё и щит?

— Лишнее. Громоздкие и сковывают движение. Я больше по топорам и мечам...

— Ты, богатырь, — парень не промах! Я рад, что судьба свела нас... Будет на кого людей после себя оставить... Гой еси, сынок! Ныне и присно, и от круга до круга.

— Гой еси, батько! Таки быти, таки еси, таки бути...

Рознег и Яромир обменялись крепкими, долгими, многоговорящими рукопожатиями.

В последний миг, вечно сердитый старшина открылся для Яромира с совсем неожиданно другой стороны...

Старшина, напоследок, прихлопнул Яромира по плечу, давая знак начинать.

— Ну что, хлопцы, — голос Яромира громогласно прокатился по улице. — Покажем гаду силушку богатырскую?!

Без лишней суеты, ловчие выстроились по двое и одобрительно застучали мечами по щитам.

Яромир бегло проверил снаряжение и дал команду выдвигаться.

Горящие огнём глаза Яромира, твёрдый шаг и уверенная улыбка вселяли надежду на успех. Каждый из них уже приготовился отправиться вслед за Мореной по Калинову мосту,

через реку Смородину...

Ловчие уже не слышали причитаний и плача, доносившийся сзади.

По совету старшины, Яромиру удалось сделать их всех одним целым...

Только они прошли пепелище Вениного двора, как сзади донёсся быстро приближающийся топот.

— Яромир!

Он резко остановился.

Дрожь волнения охватила тело, выступил пот, схватило дыхание.

Знакомый, любимый голос, казалось, перевернул не только всё его нутро, но и весь мир.

Он её уже не ждал... Он с ней уже мысленно простился...

— Яромир! — залитая слезами, растрёпанная и вымазанная в пыли и грязи Ядвига со всех ног запрыгнула на шею Яромира.

Ловчие Бор и Ёрд, идущие первыми, переглянулись, кивнули остальным, и мужики молча продолжили путь.

Ядвига крепко сжимала шею Яромира и осыпала его лицо поцелуями:

— Прости, прости меня! — причитала она, заливаясь слезами. — Безумец, короболюбый дурак, верёвочный тусок! Я так тебя люблю...! Ты же упёртый, да?! Пусть так! Слушай, слушай меня внимательно, славич! Что бы там не случилось, знай, что я всегда буду с тобой рядом, покуда время мне то позволит. И никогда тебя не предаю! Вот как, как на тебя такого можно обижаться?! Пусть так, раз уж решился, то покажи и ему, и всему свету силу рода славного! О твоей силе будут слагать былины, как о Илье и Добрыне! Пусть тварь в ужасе удирает, а я же буду с нетерпением ждать тебя дома! Гой еси, мой свет, мой хороший, моё солнце!

Яромир, трясущимися руками, крепко прижал Ядвигу и по его щеке, всё же, покатила одинокая слеза:

— Я вернусь, моя жизнь... — прошептал он ей на ушко, глубоко втянул, источаемый её волосами, терпкий аромат малины и шиповника и страстно прижался к губам. — Я вернусь...

— Тебе пора. — Ядвига отпустила его и легко оттолкнула. — Иди уже, совершай свои дурацкие подвиги, богатырь...

Яромир буквально воспарил.

Он широко ей улыбнулся, чуть-ли не подпрыгнул на месте и побежал вслед за уже успевшим отойти на приличное расстояние отрядом.

Ловчие встретили Яромира понимающими взглядами и дружескими улыбками.

В этот миг их голова источал такую решительность и силу, что они готовы были встретиться лицом к лицу хоть с самим Чернобогом...

Душа пела, а идти ещё довольно далеко, поэтому Яромир решил затянуть свою любимую строевую, выученную им во время походов княжеской гридницы.

Как говорил воевода Руевит: «Нет ничего, что могло бы поддержать боевой дух лучше, чем добрая песня!»

Вновь слышим мы у наших ворот,

Как рог трубит — к нам враг идет.

Поднимем щиты да простимся с семьей

С песней пойдем на встречу с судьбой.

Крепка рука, острый булат -
Вышли мужи, кольчугой звенят.
Встаньте к плечу, братья мои,
Встретим же то, что нас ждет впереди!

Пусть видит враг огонь в наших глазах.
Страх мы поселим в их да сердцах.
И вороны те, что кружат над головой -
Будет сегодня для них пир горой
Коль суждено нам в сей час помирать
За род и за дом будем грудью стоять!
Раз быть тому и Забвение ждет -
Не устрасимся её темных вод!

Гой же еси, под взором богов!
Наш дух не сломить во веки веков!
Пусть знает тот, кто с мечом к нам придёт,
Как его встретит русский народ.

Когда песня закончилась, то все остававшиеся тревоги и сомнения остались где-то там,
в Трёх дубах.

Ловчие шли быстро, практически бесшумно.

Яромир сделал один короткий привал, дав мужикам время перевести дух, а сам
напомнил план действий, который, как им казалось, должен был непременно сработать.

Беса порешали брать на живца.

Тварь обладала прекрасным чутьём, поэтому мужики зайдут с подветренной стороны, в
то время как Яромир завяжет бой первым.

Дюжины ловчих с лихвой хватит, чтобы взять беса в кольцо, набросить цепи, ослабить
стрелы, а дальше — дело за малым...

День уже окончательно подошёл к концу, и яркая луна на безоблачном звёздном небе
была на их стороне.

Вот и он — могильный курган.

Яромир остановил отряд и вслушался в тишину и шелест листвы.

Неожиданно волосы на его теле зашевелились и спину обдало холодным ознобом.

Яромир не ошибся: бес терпеливо ждал его наверху...

Неожиданно странное чувство тревоги передёрнуло Яромира и резко закололо под
ребром.

Стряслось что-то очень недоброе...

В этот же момент среди мужиков прокатилось взволнованное перешептывание, Бор
ткнул Яромира в спину древком копья и указал в сторону Трёх дубов.

Тёмное ночное небо над деревней залилось огненно-рыжим заревом пожара.

Чутьё тут же подсказало Яромиру правильное решение...

Дома приключилась беда и он чувствовал, что должен быть там.

Без лишних раздумий он рванул назад, бросив беса, ждущего на кургане.

Мужики собрали оставшиеся силы и последовали за ним.

Глава 9: «Смерть — она, знаешь ли, для всех одинаковая...»

Несколько вёрст пронеслись, как один миг...

Яромир изрядно опередил отставший ещё на полпути отряд и остановился на опушке возле болота, откуда отлично просматривались все Три дуба.

Его опасения подтвердились...

Добрую часть домов уже поглотил огонь.

Отовсюду доносились крики и отдалённый лязг железа. На Три дуба напали...

«Он, всё-таки, нашёл меня...» — с ужасом осознал Яромир, вынул клинок из ножен и со всех ног рванул вперёд.

Его заметили практически сразу же.

Всадник в облачении Серых волков выдернул копьё из тела молодой девушки и, угрожающе выставив остриё, прищпорил коня навстречу Яромиру.

Никто не сбавлял хода и разъярённый Яромир ничуть не уступал в скорости несущейся на него лошади.

Всадник метил точно в грудь Яромира и вот-вот должен был пошить его насквозь, как тот сделал рывок в сторону и нанёс удар.

Необычайно крепкое закалённое серебро из Запретных гор с громким скрежетом прошло через металлические части сбруи, разрубив коня вместе с наездником пополам.

Их части на ходу разлетелись в разные стороны, а Яромир и не думал останавливаться.

Дым тяжело давил на лёгкие, слезились глаза.

Он опоздал.

За следующим подворьем раздался самодовольный гогот.

Один из бандитов издевался над телом женщины, другой, на глазах Яромира свернул шею её мужу, а третий уже нёсся на него с дикими криками и подготовленным мечом.

Он же и первым лишился головы.

Насильник, не успевший быстро натянуть штаны, отпрыгнул в сторону и постарался прикрыться щитом.

Дерево с треском расколосось, а вместе с ним и скрывающийся за ним бандит от шеи до пояса.

Подскочил оставшийся, клинок которого Яромир успел отвести только в последний момент. Короткое движение и рука бандита упала на землю.

Под треск рёбер клинок Яромира по рукоять вошёл в его грудь и пригвоздил к земле, прекратив вопли.

Краем глаза он поймал блик стали, летящий сбоку, но увернуться уже не успел.

Клинок нападающего врезался в нагрудник.

Новая броня Аяра прекрасно выдержала удар и не позволила острому мечу достать тела Яромира, оставив на её кожаном слое лишь глубокий порез.

От неожиданного удара Яромир попятился назад, запнулся о тело насильника и неуклюже повалился на землю.

Нападавший напал незамедлительно.

Яромир успел подскочить на ноги, увести тело в сторону он метящего в шею лезвия и ударить кулаком навстречу.

Бандит уже уйди от удара не успел.

Свинцовые накладки на кулак звонко врезались в череп, кости затрещали и тело, без

признаков жизни, гулко рухнуло на землю.

Теперь Яромир позволил себе немного отдышаться.

Он выдернул свой меч из полурукого тела бандита и огляделся.

Символы деревни, три дуба, охватили резво скачущие с ветки на ветку языки огня. Дома полыхали, ветер разносил огонь с одной соломенной крыши на другую.

От резной усадьбы Добромилы и подворья Рознега уже практически ничего не осталось.

Сам же староста болтался на цепи с вспоротым животом на толстой ветке одного из дубов.

На земле, тут и там, виднелись тела знакомых и друзей, которые буквально несколько часов улыбались и кричали ему вслед, провожая на охоту.

Яромира замутило, закружилась голова и затряслись руки.

Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Дрожь пропала, а в груди распалился огонь ярости.

Ни одному Серому волку уже не уйти в живых, тем более воеводе Кривже...

Серые волки не щадили никого, но было много мертвых и среди них.

«Кое как, но сопротивлялись... Ядвига!» — страх множеством мелких уколов пробежал по телу Яромира.

Сзади донёсся бы приближающийся топот.

Яромир резко развернулся и уже приготовился встретить нападавших, но это оказался лишь его отряд. Он опустил меч с облегчением выдохнул.

Запыхавшиеся ловчие, жадно глотая воздух, попадали на землю.

— Так и коней двинуть недолго...! — простонал задыхающийся Ёрд.

— Это ещё кто такие?! — сквозь одышку выдавил Бор.

Яромир почувствовал смятение и страх, охвативший мужиков, и тут же окончательно осознал, что хотел донести до него старшина.

Малейшее промедление и слабость могли стоить жизни не только им, но и всем остальным...

— Долго объяснять... Слушайте сюда, — решительно скомандовал Яромир. — держимся вместе, двигаемся быстро, бьём намертво! Авьось, кого ещё и спасём... Ну, руки в ноги и айда!

Короткая передышка и ловчие, во главе с Яромиром, двинулись к центру деревни, на доносившиеся оттуда звуки продолжающегося боя.

Серые волки нападали отовсюду, старались оттеснить отряд Яромира и отрезать путь к остаткам сопротивляющихся выживших, но лишь падали под выверенными ударами мечей и копий.

В этот раз Кривжа гораздо лучше подготовил людей, так что ловчим приходилось кровью и потом отбивать аршин за аршином своей земли.

Шальная стрела просвистела мимо головы Яромира и угодила прямоком в горло Ёрда.

Бор и Яромир бросились на помощь, остальные, кто мог, прикрыли щитами.

Ёрд захлёбывался кровью и судорожно хватался за руку Яромира.

Бор обломил наконечник и хвостовик, руками пытался пережать рану, старался всеми силами помочь испускающему жизнь товарищу, но безуспешно.

Глаза Ёрда закатились, тело содрогнулось в последней конвульсии, руки безжизненно опустились на землю.

Умер...

Яромиру ещё не доводилось терять друзей...

Он на мгновение впал в ступор, не мог пошевелиться, даже когда видел, как следующая выпущенная стрела метила точно в него.

Бор успел.

Подхватил лёгкий волчий щит, оттолкнул Яромира, и стрела звонко отскочила от умбара.

Яромир опомнился быстро. Гнев в груди разгорелся неостановимым огнём.

Он вынырнул из-за Бора, поднял копьё Ёрда, и, что есть сил, метнул в сторону лучника.

Серебряный наконечник насквозь прошил одного из нападавших, неудачно выскочившего на пути летящего снаряда, и намертво пригвоздил не успевшего сбежать стрелка к стене сарая.

Разъярённый Бор бесстрашно рванул вперёд.

Остальные последовали за ним.

Яромир огляделся и с лёгким облегчением выдохнул.

Они не опоздали...

Серые волки согнали оставшихся жителей в круг, будто диких зверей.

Мужчины и женщины отважно отбивались от головорезов чем ни попадя: вилами, лопатами, палками и штакетником.

«Подлые скоты, вновь напали исподтишка...» — промелькнуло в голове Яромира, когда он доставал клинок из тела очередного Серого волка.

Жители Трёх дубов не могли сдаться без боя..., и не сдались!

Нежданно напавшая со спины подмога пошатнула стойкость бандитов и вселила в сердца выживших отвагу.

Уверенность Серых волков в предрешенной победе улетучилась, как пепел на ветру.

Под натиском опытных охотников, облаченных в крепкую броню с одной стороны, и воспрянувших духом обороняющихся с другой, часть бандитов бросилась наутёк. Те же, что остались, один за другим, падали замертво.

Яромир старательно высматривал среди Серых волков их рослого черноволосого предводителя, а среди выживших — хоть кого-то из своих близких, но ни тех, ни других разглядеть так и не удалось.

Со стороны кузни послышались крики.

«Эйда!» — узнал знакомый голос Яромир и что осталось сил устремился туда.

Добрая дюжина головорезов опасно прижала окровавленного Эйду и Рознега к дверям кузницы, перед которыми лежало изуверски разодранное тело Горыни.

«Всё-таки Кривжа здесь...! Нужно его остановить..., но сперва старшина...!»

Двенадцать человек за раз не уложить, а жизнь Рознега и Эйды висела на волоске.

Идея пришла сама собой.

Бандиты уже успели сорвать и отложить в сторону трофейные рога хозяина леса, чем и воспользовался Яромир.

Ловко забросил меч за спину, подхватил с земли огромные олени рога и, опасно выставив их на ничего не подозревающих Серых, что есть прыти, влетел в толпу.

Скрежет металла и кожи нагрудников, хруст ломающихся костей и рогов, вопли боли и смерти охватили двор.

План Яромира удался на славу, хоть и сам он напоролся щекой на клинок одного из нападавших, оставившего на лице глубокий кровоточащий порез.

Семеро же оказались насаженными на острые рога и уже не представляли угрозы, остальные же отвлеклись, чем воспользовались старшина и Эйда.

Короткий рывок, хладнокровный свист меча Яромира и больше из Серых волков здесь не осталось совсем никого...

— Вечно тебя приходится ждать, богатырь...! — с трудом натянул усталую улыбку Рознег, схватился за бок, повалился на траву и закашлялся кровью. — Уж думал... совсем кранты...

Яромир испуганно бросил меч, подхватил старшину на руки и осторожно опёр спиной на стену кузницы.

Беглый осмотр дал понять, что у старого вояки дела оказались совсем плохи: множество колотых и рваных ран безостановочно кровоточили, пульс практически не ощущался.

И до него добрались когти Кривжи...

Яромир расстроено вздохнул и потупил взгляд.

— Сам чую, что мне полная жопа... — безнадёжно прохрипел Рознег. — Как прожил, так и помер, как воин...

— Как самый настоящий богатырь! — снисходительно поправил Яромир, положив свою руку на руку старшины.

— Славно, что вернулся... — побелевший Рознег кашлянул, забрызгав кровью доспех Яромира. — Будет кому за меня над людьми встать...

Рознег резко вздохнул и крепко сжал плечо Яромира окровавленной рукой:

— Теперь ты, богатырь — старшина... Я же свою службу кончил... Не дери по мне глотку, сынок... Смерть — она, знаешь ли, для всех одинаковая...

Пальцы старшины разжались и сердце совершило последний удар.

К этому времени, оставшиеся из ловчих сумели прогнать Серых волков с площади, проводили выживших в бою к кузнице и присоединились к Яромиру.

— Вот, возьми... — хромящий на ногу Бор протянул ему каракулевою шапку старшины.

Яромир уважительно вложил меч Рознега в его руку, осторожно водрузил так любимую им шапку на голову и ладонью прикрыл веки.

На другое прощание сейчас у него совсем не было времени. Где-то по деревне всё ещё бродил Кривжа...

После недолгого молчания Яромир поднялся на ноги и осмотрел ловчих. Среди присутствующих не доставало ещё трёх человек.

— Шнырь и Пыж мертвы, — мрачно доложил Бор. — Труру отрубили ногу и откусили ухо, да и я, по ходу, уже не ходок...

Потеря ещё троих товарищей отозвалась больным уколом в груди Яромира.

Дверь кузницы со скрипом отворилась и из темноты показались Эйда и Аяр.

Кузнец выглядел совершенно не лучше Рознега: одна окровавленная повязка закрывала вытекший глаз, другая перематывала то, что осталось от руки.

Кто-то из мужиков подставил берёзовую чурку, куда Эйда поспешил осторожно усадить отца.

— Яромир, ходи сюда, — Эйда жестом поманил богатыря рукой. — Он едва может говорить.

Яромир одобрительно похлопал Эйду по груди и сел рядом с Аяром, от которого в нос ударил резкий запах лекарственной мази Ядвиги:

— Твой сын славно бился, кузнец... — Яромир решил начать первым. — Можешь им гордиться!

— Волк в людской шкуре..., - Яромир чувствовал, насколько трудно Аяру давалось каждое слово. — Искал тебя... Ядвига... Торопись...!

Больше Аяр сказать не мог и Эйда, при помощи других мужиков, завел обессилевшего отца в дом.

Но Яромиру и этого оказалось достаточно.

Глаза налились кровью, кожа на рукояти клинка захрустела от напряжения.

— Бор! — Яромир резко обратился к раненому ловчему, которому уже помогали перемотать ногу. — Ты, Аким и Макей остаётесь тут и наводите порядок. Вдруг они ещё раз нападут. Подготовьте людей. Остальные — за мной! Всё же нам сегодня доведётся поохотиться...!

Сердце Яромира бешено колотилось.

Нет, он не мог потерять и её... Всё, хватит! Нельзя поддаваться безрассудству и панике!

Хотя, Яромир сердцем чувствовал, что Кривжа уже добрался до Ядвиги, но всё же не терял надежды...

Глава 10: «Он будет страдать...!»

Деревню пробежали быстро, встретив по пути лишь нескольких бандитов, с которыми расправиться не составило большого труда.

На подходе к дому, со стороны двора, донёсся шум, заставив Яромира и ловчих замедлиться.

От увиденного на дворе, их рты невольно пораскрывались от удивления.

Давний знакомый Яромира — слепой воин Ховала, в одиночку отбивался от десятка Серых волков, которые никак не могли найти к нему подхода.

Один из бандитов замахнулся, чтобы припугнуть старика, но тут же за это поплатился.

Стремительным ударом концом посоха Ховала выбил клинок из его рук и коротким толчком лишил нападавшего передних зубов.

Подло набросились сзади.

Будто гибкая, вьющаяся змея, старец ушёл от укола мечом и, со свистом рассекая посохом воздух, отправил зазевавшегося нападающего в глубокий сон.

Наблюдение за мастротой Ховалы завораживало, но Яромир решил не испытывать судьбу и поспешил на помощь.

Тихо, будто кошки на охоте за воробьями, ловчие подкрались к скачущим вокруг слепца бандитам.

В этот раз в ход пошли засапожные ножи и цепи.

Серые волки даже понять не успели, что на них кто-то напал, как двор Яромира уже охватила тишина.

Яромир закончил с последним и огляделся.

Старик пропал...

Сзади раздались два гулких стука и два ловчих Яромира рухнули без сознания на землю.

Яромир повернулся и в самый последний момент успел отклонить голову в сторону.

Конец посоха Ховалы пролетел в дюйме от уха, обдув его потоком прохладного ночного воздуха.

Лицо Ховалы расплылось в злорадной улыбке, конец посоха резко дёрнулся в бок и

больно стукнул Яромира в висок.

В голове зазвенело, будто ударили в колокол. Он даже предположить не мог, что у старого слепца может оказаться настолько тяжелый удар.

Прилетело в ногу, тут же в лоб и в плечо.

Яромир шикнул, нервно оттолкнул старика и отскочил в сторону.

Ловчие уже хотели помочь Яромиру, но он жестом приказал им держаться подальше.

Больно грозный был для них противник.

— А ну, слепой безумец, хватит издеваться!

— Я же только начал, птенчик! — ехидно просмеялся Ховала и атаковал.

Ложный замах, второй ложный замах, тычок в колено вывел из равновесия, от чего Яромир пропустил следующий размашистый удар.

Громкий хлопок о доспех и от силы удара Яромира отбросило в дровяник, развалив его и разметав дрова по двору.

Ловчие от неожиданности попятились назад.

Ховала же бросился в новую атаку, замахнулся и, рассекая воздух, опустил посох на голову, выбирающегося из-под завалов, Яромира.

Этот удар цели уже не достиг...

Яромир почувствовал, как захрустели его позвоночник и колени, но он сумел перехватить посох старика и устоять на ногах.

— Я сказал — хватит! — он в ярости выхватил оружие Ховалы из рук и в сердцах швырнул на землю.

— Ха-х, — задорно протянул слепой старец и хлопнул в ладоши. — Погляди-ка как возмужал, птенчик!

— Раз ты меня узнал, — Яромир схватил старика за потрёпанную временем рубаху. — чего тогда своей дубиной размахался?

— Это ты — дубина, раз с Кривжей связался!

Ховала больно ткнул пальцем в шею Яромира, от чего по телу пробежали колющие искорки и руки самопроизвольно разжались.

— Я лишь проверил, на сколько ты готов. — резко помрачневший Ховала поднял посох с земли. — И не косись так на меня, птенчик, а то по-другому отлуплю. Мало не покажется! Больно ты вялый, медлительный. Тебе бы только орало тянуть, а не железом махать!

Яромир недовольно фыркнул и с психом зашвырнул меч в ножны:

— Тебя-то сюда какая нелёгкая...?

— Птичка весточку на хвосте принесла...

Только сейчас Яромир увидел вырванную с петель дверь избы.

Всё внутри сжалось, от волнения сердце готово было остановиться.

Сейчас Яромир уже не слышал и не видел ничего вокруг...

Он впопыхах заскочил внутрь, в ожидании самого плохого, но испытал лёгкое облегчение, когда увидел, что всё стояло на своих местах, лишь на столешнице в лунном свете, бьющем из окна, виднелись глубокие борозды от волчьих когтей.

«Она — приманка... Кривжа опять хочет со мной поиграть...» — Яромир развернулся на пятках и вернулся к Ховале. — Где он?! Ты видел, что он сделал с Ядвигой?!

— Как ты назвал — Ядвига?! — рассмеялся Ховала, вызвав глубокое недоумение Яромира. — Ну, пусть будет Ядвига... Она с ним по своей воле ушла, птенчик, без крови. Чёрная собака не тронет её, пока что... Хотя бы, куда с тобой не разделается.

— Несёшь ерунду... — Яромир махнул рукой на старца и проверил пришедших в себя ловчих. — С чего бы ей идти с ним? Она ведь его даже не знает...

— Ты думаешь, что не знает! — перебил его Ховала. — но и это не моё дело... Меня прислали защитить людей, а с ними — сам разбирайся! Это только твоё время...

— Как он меня нашёл?

— На славичей нечисть слетается, как мухи на навоз, стоит только вашему брату в округе появиться!

— Ты знаешь, куда они ушли?

Ховала указал посохом в сторону могильного кургана.

— Этот день точно хочет меня доконать... — недовольно пробурчал Яромир, жестом указывая мужикам собираться в дорогу.

Неожиданно Ховала вцепился в руку Яромира железной хваткой:

— Успеешь смерть найти... — предостерегающе протараторил он. — Слышу коней и детей... Чувствую их страх. Мало, совсем мало времени, поспеши! Может ещё успеешь спасти...

Ховала указал Яромиру на скачущие вдали, над хозяйством Ермолы, языки пламени.

— Конюшни... — испуганно прошептал Яромир и понёсся к дому Ермолы.

Страх и смятение затуманили рассудок так, что Яромир совсем позабыл о друзьях, о единственной оставшейся у него семье.

Кривжа подождёт...

Когда Яромир подоспел к конюшням, то застал их охваченными языками пламени.

Вокруг суетилось множество людей и безуспешно старались залить не на шутку разгулявшуюся стихию водой из ведер, но, для такого пожарища, это могло сравниться с песчинкой в море...

— Где хозяин?! — Яромир неосторожно поймал за рукав пробегающую мимо заплаканную девушку, повалив её на землю.

От испуга она схватилась за голову, но, признав Яромира, лишь пальцем указала на полыхающую избу.

Яромира бросило в ледяной пот. Он почувствовал их, там в пожарище...

Крыша сгорела и брёвна трещали от жара пламени. Двери конюшни успели снять с петель и обезумевших лошадей обливали водой, лишь бы только успеть сбить огонь с подпалённых грив и хвостов.

Мужики, из тех, кто старался пробраться в дом, уже опустили руки, ведь всех их усилий оказалось совершенно недостаточно, поэтому что и оставалось — лишь безнадёжно наблюдать.

Яромир не мог позволить им сгореть за живо...

Он опрометчиво рванул к стоящим рядом вёдрам наполненных водой и опрокинул несколько из них на себя.

Сейчас или уже никогда...

Яромир задержал дыхание, разбежался, навалился плечом на дверь и ввалился в избу.

Языки пламени вырвались наружу, обожгли лицо, но стекающая по мокрым волосам вода не позволила им причинить слишком большого вреда.

Все комнаты затянул плотный, едкий дымом, режущий глаза.

Яромир на коленях прополз в комнату, но тел там не нашёл, как, среди треска и грохота рушащейся крыши, расслышал крики, доносившиеся с кухни.

Воздух в лёгких почти закончился, глаза уже совсем перестали что-то видеть...

Он заполз на кухню и наткнулся на тяжелый рундук с зерном, подпирающий люк в подпол, из-под которого едва слышались мольбы Ермолы.

Навалился плечом на рундук, тот со скрежетом проскрёб по половицам и позволил откинуть крышку.

Из ямы Ермола протянул Яромиру почерневших от сажи детей, подтолкнул едва держащуюся на ногах Офелу. Сам же выбрался последним.

Резкий хлопок и старая потолочная балка полетела вниз, угрожая придавить только что выкарабкавшуюся из заточения семью.

Яромир действовал без раздумий.

Тяжелая крыша всем весом навалилась на его плечи, огонь обжигал шею, загорелись волосы, языки пламени прыгали по лицу, будто выжигая рану на щеке, но он не прогнулся.

Только Ермола вывел всех на улицу, как Яромир разразился полным ярости и боли криком и прыгнул в коридор.

За спиной грохотом обрушилась крыша кухни, едва не придавив ему ноги.

Он справился. Осталось только выбраться самому...

Последнее усилие, длинный прыжок на четвереньках и, вот он сам оказался на воздухе, где, подоспевшие на помощь ловчие, тут же окатили его водой из ведра и под руки отволокли подальше от окончательно обрушившейся избы.

Яромир с трудом сел и прокашлялся от дыма.

Кто-то из мужиков протянул ему ведро воды.

— Яромир, твоё лицо... — указал другой ловчий на порез Яромира.

Тот заглянул в ведро и с удивлением обнаружил, что не только ни одна волосинка на его голове не пострадала от огня, но и широкий порез на щеке чудесным образом затянулся.

Яромир бросил полный непонимания и удивления взгляд на товарища, как сбоку послышались душераздирающие крики Ермолы и плач Офелы.

Всё тело Яромира ныло от боли, но он поднялся и прихрамывая подошёл к обнимающейся семье.

Дети не отлипали от плачущей над ними матери и Яромир уже обрадовался, что все живы, до того момента, пока не заговорил Ермола:

— Вонючая падаль! Я убью его! — сквозь слезы кричал обезумевший от горя Ермола, тряся Яромира за нагрудник. — Сволочь..., сволочь! Его нет..., Ерёмы больше нет...

Необъятное горе потери исказило лицо Ермолы, от чего руки Яромира судорожно затряслись.

— Он смеялся, Яромир, смеялся, когда заживо жрал его дочку у него на глазах... Будто она просто кусок мяса! — Ермола без сил рухнул на колени и принялся истерично стучать кулаком о землю. — Кривжа оторвал сынишке руки и разорвал Алесю на части... Они искали тебя, но Ерёма ничего не сказал...! И Кривжа выдавил ему глаза, размозжил голову... Мой брат! О, мой дорогой брат!

Яромира колотило от накатившего гнева и, казалось, будто сейчас от бушующей внутри ярости полыхали даже его глаза...

Ермола отёр лицо краем рубахи и бросил на Яромира полный ненависти взгляд:

— Ты! — сквозь зубы выдавил он. — Он умер за тебя! Поэтому, не смей отпустить его живым! В бездну тебя...! Я сам отомщу за брата! Выпущу кишки гнилому отродью!

Ермола попытался силой выхватить меч из ножен Яромира, но тот лишь легко

отмахнулся. Вне себя от горя, Ермола плюхнулся задом на землю и отчаянно обхватил голову руками.

Яромир сел рядом с Ермолой:

— Посмотри вон туда. — он указал на Офелу, заботливо укрывающую трясущихся от страха детей. — Они нуждаются в тебе..., как и все остальные. Найди в себе мужество не опрометчиво бросаться на верную смерть, а защити близких. Забери семью и уведи людей, как можно дальше отсюда. Плакать погибших будем потом... Старшины и старосты больше нет и я, скорее всего, тоже не выберусь живым, поэтому именно тебе придётся взять оставшихся под своё крыло. Я могу положиться на тебя, брат?

Яромир поднялся и протянул руку Ермоле.

Тот некоторое время неуверенно смотрел в глаза Яромира, обреченно выдохнул и ответил тем же.

— Могу обещать тебе лишь одно, — Яромир с твёрдой уверенностью хлопнул Ермолу по плечу. — Он будет страдать...!

Ермола признательно кивнул и неуверенно вернулся к Офеле и детям.

— Хоть так... — оптимистично пробурчал Яромир и присоединился к помогающим раненым ловчим. — Братья, не буду таить: Кривжа вам не по зубам... Я не смею просить вас и пойму, если вы захотите вернуться к близким или присоединиться к остальным. Нашего дома больше нет, и вы всё ещё можете помочь отстроить деревню заново. Для меня же другого пути нет... Кривжа увёл Ядвигу на Могильный курган, где-то в лесах притаился бес и всем им нужен только я! Скорее всего я умру и не хочу, чтобы из-за меня погибли ещё и вы...

Некоторое время оставшиеся пятеро угрюмых, окровавленных, измазанных сажей мужиков мрачно переглядывались, не решаясь принять решение.

— Хорошо. — Яромир поправил ножны и доспех. — тогда, гой еси, братья, ныне и присно, и от круга до круга! Пусть огонь ваших печей никогда не угаснет, а закрома всегда будут ломиться от еды! Прощайте...

Он тяжело выдохнул и уверенной походкой отправился в сторону Могильного кургана.

— Он убил наших родных! — крикнул вслед один из ловчих и последовал за Яромиром.

— Кровь смывает только кровь! — подхватил другой.

— Раз уж начали вместе, так и закончим!

Один за другим ловчие догнали одухотворённого Яромира, и они вместе побежали в сторону новой опасности.

Глава 11: «Зуб за зуб, славич!»

Могильный курган.

Жуткое место окутанное самыми мрачными повериями, на самом деле самый обычный, ничем не примечательный холм с одной единственной давным-давно ссохшейся берёзой, а все разговоры о притаившихся там ужасах — не больше, чем сказки, придуманные деревенскими, дабы их ненаглядные чада не отходили далеко от дома.

Правда, с приходом собачьего мора это действительно стало жутковатым местом...

Ещё буквально несколько часов назад дюжина прекрасно подготовленных воинов во главе с Яромиром вышла на крайне рискованную охоту.

Теперь же их осталось всего лишь шестеро — вымотанных беготнёй, истощённых как телом, так и духом.

Так себе дружина для схватки с волколаком, но, в этот момент, Яромир о другой не мог и мечтать.

Мужики тяжело пыхтели, едва передвигали ногами, но продолжали настырно двигаться вперёд.

Жажда мести — непреодолимая штука, настолько, что ради неё некоторые даже возвращаются из мёртвых...

Они пришли.

Яромир всем нутром чувствовал ждущую наверху могильного кургана смерть...

— Зажигай. — приказал он, и мужики застучали огнивами над факелами. — Он уже давно нас учуял. Бестолку прятаться.

Жизнь его научила, что в охоте на чудовищ огонь никогда не бывает лишним...

— Я возьму на себя волколака, — Яромир перешёл на твёрдый полусёпот, в надежде, что острый слух Кривжи не разберёт сказанного. — а вы уведёте Ядвигу.

Мужики недовольно забубнили, ведь каждый из них шёл за Яромиром с одной целью — спустить с Кривжи шкуру.

— Хотите мгновенной смерти? Милости прошу... Это вам не зверь, а обученный ратник, целый воевода! Вы и вздохнуть не успеете. Я выгадаю время, сколько получится, вы же — хватаете Ядвигу и улепётываете как можно дальше отсюда.

Хмурые, озлобленные лица мужиков говорили сами за себя.

Они от своего не отступят.

Яромир безнадёжно выдохнул, вынул меч и первым поднялся на холм.

«Будь, что будет...»

Ловчие, оглядываясь по сторонам, пошли следом.

Она оказалась там.

Яркий лунный свет прекрасно освещал курган и высохшую берёзу, в плену которой находилась бессильно повисшая на цепи Ядвига.

Сердце Яромира истерично заколотилось. Кровь ударила в голову.

Он должен её спасти...

Всего каких-то тридцать шагов отделяли его от любви всей его жизни.

«Не шевелится...» — тревога отвратительно заскреблась в груди. — «Нет! Она не может...!»

Яромир сорвался, напроць позабыв о притаившемся в тени Кривже.

Он рванул вперед, с громким лязгом перерубил цепь, и Ядвига без сил обмякла у него на руках.

— Жизнь моя, — Яромир, задыхаясь от волнения, прижал Ядвигу к груди и проверил слабо бьющийся пульс. — я здесь.

— Глупый... — с трудом прошептала она, как за спиной послышалось грозное рычание.

Кривжа налетел стремительно.

Черной тенью, сопровождаемой ярким блеском отполированного металла, он перемахнула через холм, разбросав Яромира и Ядвигу по сторонам:

— О-о-о! — с наслаждением прорычал Кривжа. — Как же долго я тебя искал, щенок! На этот раз тебя уже никто не спасёт!

С последний их с Яромиром встречи Кривжа сильно преобразился: больше, свирепее, быстрее — он и раньше внушал страх, теперь же Яромир начал сомневаться, а таким-ли, всё-таки, опасным был бес...

И откуда на такое чудовище нашлись настолько искусно отлитые латы, тем более с подогнанным шишаком? Ведь даже сам Игорь не мог позволить себе такую роскошь, хотя на блестящем нагруднике Кривжи красовалась выгравированная Звезда Сварога...

— Сдохни, тварь! Умри, погань драная! — с полными ярости воплями, мужики бросились в атаку.

Всё пошло совершенно не по плану...

Время для Яромира будто на мгновение замерло.

С одной стороны, беспомощная, потерявшая сознание Ядвига, с другой — братья по оружию, не имевшие против Кривжи ни единого шанса.

Он не колебался.

«Я хорошо их обучил...» — успокаивал себя Яромир, торопливо унося Ядвигу с холма. — «Пару мгновений протянут... Хоть бы протянули!»

Скатился по влажной от росы траве к ивам, растущим у подножья холма, осторожно положил Ядвигу на траву, коротко поцеловал в лоб и поспешил обратно, где всюду звенела сталь и яркими вспышками выбивались искры.

Яромир не ошибся: мужики оказались далеко не промах.

Они били и кололи со всех сторон, набрасывали цепи и жгли факелами, не давая Кривже ни мгновения продыху, пока Яромир не поймал взгляд волколака.

Забава... Для него это была всего лишь детская забава...

Для Кривжи все старания мужиков оказались не больше, чем занятной игрой, в которой он уже заранее знал, что победил.

Серебряные мечи не наносили никакого вреда необыкновенно блестящей стали доспеха. По этой же причине бесполезными оказались и цепи, и стрелы, звонко отскакивающие от сверкающего в лунном свете шишака.

Один из мужиков удачно поднырнул в крепление под лапой и ткнул факелом в морду волколака.

Кривжа отскочил и суматошно заскреб когтями по подпалённой пасти.

Разноцветные глаза налились кровью, замедлилось дыхание.

На этом игры закончились...

Кривжа расплылся в устрашающем оскале и уже летел на застывшего в страхе ловчего, как перед ним выскочил Яромир.

Волколак навалился всем весом, буквально смяв его с ног.

Яромир кубарем вылетел с холма, с треском затормозив об ствол одной из ив.

Как же так?! Он оплошал!

Другой надежды на спасение у мужиков не осталось...

Первому не посчастливилось ловчему с факелом.

Короткий, стремительный прыжок и острые когти, покрытые металлолом, глубоко вошли под подбородок, показавшись из искривившегося от боли рта.

Он ещё чувствовал, как дёргается лапа Кривжи. Слышал, как с оглушительным хрустом отрывается его челюсть, и кожа вместе с мышцами отделяется от черепа.

Вспышка невыносимой боли, за которой последовала вечная пустота...

Изуродованное тело повалилось на землю, заставив даже бывалых мужиков в страхе попятиться назад.

Синий и красный зрачки блеснули безумным звериным азартом и Кривжа перешёл к решительным действиям.

Отрывались конечности, ломались кости, выдавливались глаза, срывались доспехи и заживо сдиралась кожа.

Гнетущая тишина могильного кургана на короткий миг разразилась криками боли и ужаса, которые так же быстро затихли, как и начались...

Кровавое буйство затуманило остатки рассудка Кривжи.

Длинные струи крови стекали по оскалившейся, слюнявой пасти.

Широкая лапа, впиваясь когтями в кожу, с треском сдавливала оторванную голову товарища Яромира.

Вот оно — истинное лицо княжеского воеводы...

Яромир, ещё мгновение назад спешивший на холм, в тщетной надежде спасти хоть кого-то, замер на месте.

Тело не слушалось и руки безнадежно опустились сами собой. Сильнейшая дрожь, холодный пот и жар — всё смешалось воедино.

Что-то внутри дёрнуло его развернуться, бросить всё, схватить Ядвигу и бежать с ней без оглядки, но лютая ненависть к Кривже в миг затмила весь остальной мир.

При виде Яромира, трясущегося от страха и злости, Кривжа победоносно взвыл.

— Никчёмное мясо...! — Кривжа пренебрежительно отбросил голову в сторону. — Тебе понравилось, щенок? Ведь всё это я сделал ради тебя!

Ярость закипела в Яромире, как вода, забытая в котелке на жарком огне...

— Зуб за зуб, славич! Ты отнял дорогое мне, я забрал это же у тебя. Всё по-честному, почти... — Кривжа бросил алчный взор сторону, где лежала Ядвига. — Я оторву твои ноги и руки и когда ты будешь лежать у моих ног, захлёбываясь кровью, вырву тебе язык, так же, как тому рыжему гонцу, чтобы не слышать твоей сопливой мольбы, пока я отрываю от неё кусочек за кусочком, как сладостно обсасываю все её белые косточки! Но и даже тогда я не позволю тебе умереть! Сперва, я увезу тебя к князю, порадую государя! То-то княжна будет довольна! Ты себе даже представить не можешь! А когда Игорь разрешит мне сожрать твоё сердце, я заберу всю силу себе...

Рука Яромира крепко стиснула рукоять клинка.

«Нельзя сорваться... Он только этого и ждёт.»

Скулы свело от напряжения.

По взгляду Кривжи, Яромир подметил, как быстро к нему возвращается холодная, человеческая рассудительность, чего допустить ни коим образом было нельзя:

— Пустой трёп. — холодно перебил его Яромир. — Таким, как ты, нет места в Этом мире... Прав Грива — Патша был не злее дворовой собачонки. Надеюсь, хоть ты — настоящий волкулак...?!

— Как ты смеешь, щенок...?! — окончательно рассвирепел Кривжа и бросился на Яромира.

Яромир попал точно в цель...!

Яростный огонь полыхнул в глазах, и Яромир бросился навстречу.

Засвистела сталь, во все стороны полетели снопы искр.

С ходу бронированного волколака не взять..

Яромир пытался уходить и уворачиваться, тыча остриём в стыки стального доспеха, стараясь найти хоть одно уязвимое место.

В ответ, бритвенно-острые когти Кривжи драли нагрудник Яромира, на удивление выдерживающий даже самые сильные из ударов.

Уже с первых выпадов Кривжа оценил, что Яромир уже тоже далеко не тот измотанный юнец, что сражался с ним при Крайней, а опасный воин, с силой которого нужно считаться...

Кривжа же окончательно поддался своей звериной натуре, полностью забыв про ратное мастерство.

Остался лишь хищник, ведомый жаждой мести и крови.

Каждый лязг стали вызывал в памяти Яромира лица погибших, тех, чей смех он больше никогда не услышит и с кем не пропустит по кружечке на чьей-нибудь свадьбе...

Приступ ярости нахлынул с новой силой.

«В бездну всё...!» — пронеслось в голове и Яромир окончательно перестал осторожничать. — «Раз меч не меч, значит будет дубиной.»

Он недостаточно глубоко нырнул под бросок Кривжи, за что поплатился длинной царапиной на шее.

Плевать!

Очередной уворот и замах клинком, на сколько хватило сил.

В этот раз не устоял Кривжа.

Под громкий скрежет металла, он отлетел на несколько шагов и болезненно захрипел.

Толстая сталь нагрудника искорежилась и согнулась вовнутрь, проломив рёбра.

Волколак задыхался и жадно глотал воздух.

Вот он — шанс!

Удар и сверкающий шишак улетел далеко за пределы кургана.

Кривжа завалился на бок, открыл шею.

Короткий тычок клинком и всё закончится, но Яромир не успел.

Ногу пронзила жгучая боль.

Острые когти всё-таки его достали...

Меч со свистом пронёсся мимо цели и угодил прямым в плечевую пластину, никак не навредив волколаку.

Этого хватило, чтобы Кривжа пришёл в себя.

Могучие лапы намертво вцепились в нарукавники Яромира и, под тяжестью волколака, тянули к земле.

Самому Яромиру уже не выбраться...

Кривжа довольно рыкнул и широко раскрыл пасть, так, что голова Яромира могла поместиться туда целиком.

Вонючий смрад гнилого мяса неприятно ударил в нос, слюни вперемешку с кровью брызгали на лицо.

Ещё мгновение и Яромир лишится головы.

«Этому не бывать...!»

Он поддался натуге Кривжи и бросился вперёд, больно зарядив лбом в волчий пятак.

Кривжа заскулил, на глазах выступили слёзы, но лапы не разжал.

Он упёрся задними лапами в грудь Яромира и выгнулся, будто лягушка.

Настала очередь Яромира стонать от боли...

Он чувствовал, что ещё немного и лишится рук, как, неожиданно, с оглушительно звонким хлопком, лопнули звенья танталовой кольчуги.

От силы толчка Кривжи Яромир отлетел на другой конец холма.

Кривжа, тяжело хрипя, сердито ударил оторванными нарукавниками о землю и

изготовился к новому рывку.

Яромир сплюнул кровь из разбитой губы, крихтя дотянулся до меча и поднялся на ноги. — Ну, собака сутулая, давай...! — вызывающе дерзко бросил Яромир.

Кривжа сверкнул взглядом, взвыл и, оставляя в земле глубокие борозды от когтей, кинулся в атаку.

Яромир решительно выдохнул, принял вызов, но уже через несколько шагов запнулся о тело товарища и кубарем покатился по земле.

Но и Кривжа не смог получить желаемого.

Глава 12: «Ещё успеешь умереть!»

Седой волколак появился из ниоткуда и снёс его на лету.

— Ты ещё смеешь называться волоком?! — воинственно рычал Грива, с громким скрежетом срывая куски стали и охаживая могучими лапами едва пытающегося сопротивляться Кривжу. — Сейчас ты увидишь, что такое настоящее дитя Волха!

Грива схватил Кривжу за шкуру, будто щенка подбросил над головой и со всего размаху ударил о землю.

Последние части доспеха отвалились, и Кривжа беспомощно распластался на земле, харкая кровью, хрипя и жадно глотая воздух.

— Так я тебя растил?! — величественно возвышался над сыном Грива. — Ты, кто так яро ненавидел людей, позорная дворняга, склонился перед людьми, бегаешь у них на поводке, в страхе поджав хвост...

Полный презрения Грива вцепился в задние лапы Кривжи и саданул его о мёртвую берёзу.

Сухое дерево с треском разлетелось в щепки, оставив после себя как попало искореженный пенёк.

— Ничтожество! Знаешь, кто унаследовал истинный дух волока? Твой брат... — Грива осуждающе склонился над Кривжей. — Во что ты превратился? Обвесился железом, убиваешь ради забавы, всё вынюхиваешь по человеческому приказу! По человеческому, Кривжа, даже не по Их!

Кривжа бросил на отца полный ненависти взгляд, сплюнул кровь и шатаясь поднялся на ноги:

— И это сейчас ты говоришь мне про Волха... — язвительно усмехнулся он. — Всегда чтишь порядки, законы... Твердишь, что ты последний из истинных... Иди же, докажи, что тот, кем себя называешь! Вот, перед тобой убийца твоего сына, проливший кровь твоего рода, разрушивший твою стаю! Докажи мне, отец, что я в тебе ошибаюсь, убей его, как то велит обычай...!

Взъерошенный Грива с прожигающей до дрожи ненавистью посмотрел на Яромира и виновато потупил взгляд.

— И ты, — источая глубочайшее презрение выпалил Кривжа. — смеешь гордо называть себя волкулаком?! Трус! Да, трус и всегда им был! Хочешь, напомню тебе, кто из всех нас в действительности дитя Волха? Нет, отец, не смей опускать глаза! Да, она! Когда люди били её палками, тыкали вилами, жгли огнём заживо — она сражалась до последнего вздоха... Напомни, что сделал ты?

— Я спасал ваши шкуры... — взволнованный Грива попятился назад.

Кривжа прекрасно знал, на что нужно надавить отцу...

— Не смей лгать! — Кривжа разразился яростным криком. — Ты так трясся за свою шкуру, что бросил её! Но я ничего не забыл и ничего не простил... Я пришёл сюда пролить кровь за кровь брата! Если потребуется, порву глотку даже Ему!

— Ты же знаешь, что не сможешь...!

— Это ты не сможешь! — оскалился Кривжа. — В нём достаточно силы, чтобы я смог стать новым Волхом! А ты — и дальше пресмыкайся перед Ним... Что бы сказала мама, если бы узнала, что сейчас ты стоишь перед убийцей её сына и он до сих пор ещё дышит? Как ты можешь...

Яромир в недоумении огляделся.

Уводить Ядвигу, пока появилась возможность, или помочь Гриве?

Но долго размышлять ему пришлось...

— Я никого не простил! — взорвался Грива. — Ему нет прощения, но Его воля превыше всех наших правил. Он — закон и Он предрёк, что этого мальчишку ждёт другая судьба... Ни ты, ни я не сможем приступить к Его воле!

— Он жалок, — закатился истерическим смехом Кривжа. — и ты вместе с ним!

— Зато, я знаю, кто теперь твой хозяин. — сквозь зубы прорычал Грива, яростно вцепившись в шею сына. — Стоили Их лживые обещания того? Жить свободным, по законам Волха... Иметь достаточно сил, чтобы вновь объединить нас в стаю! Бежать туда, куда велит нутро и охотиться с честью! Как ты мог, взять и продать душу, стать куклой на ниточках, — проклятым...?!

— Поздно, отец. — Кривжа в сердцах оттолкнул Гриву. — Я — не ты...! Не я Их инструмент, а Они — мой! Люди..., кто некогда служили нам лишь ужином, возомнили себя хозяевами. С Их силой я верну всё на круги своя... Как и впредь, волоков будут бояться, перед волоками будут трепетать. Мы вновь вознесёмся и больше среди нас никогда не появятся такие слюнтяи, как ты! Я восстановлю порядок и воздам людям за их деяния сполна, пусть ради этого придётся утопить землю в крови!

— Ты молод, горяч и слеп! — Грива разочарованно потряс головой. — Погряз в мечтах, не видя, что происходит у тебя под самым носом. Но еще не поздно... В кого бы ты ни превратился, что бы ты не сделал — ты всё ещё мой сын! Он всё твердил, что тебя не спасти, но я верю — для нас ещё не всё потеряно... Пойдем со мной, сынок, забудь про месть, забудь про них всех! Уйдём далеко, за Стальные горы к Великому озеру. Начнём всё с начала...

— И вот, опять, вечно Он... — раздраженно зарычал Кривжа. — На что ты надеешься, старик?! Ушло то время, когда я нуждался в одобрении и защите! Ты — мерзкое пятно на роду волкулаков и не достоин носить шкуру! Закон Волха велит разорвать тебя на лоскуты, выпустить кишки вместе с этим славичем, но я тебя отпускаю! Запомни мою доброту и никогда больше не смей показываться на моих глазах! Что касемо этого щенка... Он умрёт! Они желают его смерти... Я желаю его силу! И не важно чем там вы его считаете... Это ты Грива, слеп! Разве ещё не почувствовал? Круг восстал и скоро вернёт Ченобога в этот мир, а вместе с ним и бывшее величие! Ты же, как всегда, трусливо выбираешь не ту сторону... Теперь отойди, изгой, я закончу начатое!

Кривжа пренебрежительно оттолкнул Гриву и устрашающе двинулся на Яромира.

— Значит, надежды нет... — печально прошептал Грива. — Я дал тебе жизнь, мне и забирать её обратно!

— Если духа хватит, старик! — разъярённый Кривжа резко развернулся к Гриве и устрашающе взвыл.

Грива поддержал и бросился на сына.

Чёрная кровь полилась рекой...

Ужасающее зрелище, видеть, как два могущественных зверя рвут и кусают друг друга, разрывают острыми когтями и зубами плоть, клоками отрывают куски кожи и шерсти.

«Почему он предпочёл меня сыну...? Кто такой Он? Что за Круг? Кому и чем я важен?» — беспорядочно крутились мысли в голове Яромира, пока он нервно ходил кругами вокруг копошащихся на земле зверей, выискивая подходящую возможность для атаки. — «Я должен помочь Гриве...! Я должен всё узнать!»

Но Грива прекрасно справлялся самостоятельно.

Кривжа хоть и превосходил его в молодости и силе, но опыт взял своё.

Грива спровоцировал, уклонился, выдернул ноги и Кривжа гулко повалился на землю.

В мгновение ока Грива оказался сверху и вдавил шею барахтающегося Кривжи в землю.

Кривжа истошно хрипел, глаза налились кровью.

Жизнь стремительно покидала его...

— Я даю тебе шанс, сын! — призывно и жалостливо прокричал Грива. — Отступись!

Прилив любви сгубил Гриву.

На короткое мгновение хватка ослабла, чем тут же воспользовался Кривжа.

Когти глубоко вонзились в бок седого волколака.

Грива взвыл от боли, постарался отскочить, но не успел.

Пасть Кривжы капканом захлопнулась на его шее, залив серебристую шерсть чёрной, как деготь, кровью.

Кривжа упёрся в тело отца, как некогда в Яромира, и, что было сил, оттолкнул Гриву, вырвав из его шеи добротный кусок мяса.

Яромир не мог больше стоять в стороне.

Рывок, блеск серебра, но Кривжа сумел увернуться, в ответ огрев Яромира кулаком, так, что тот снова кубарем покатился по земле.

Голова загудела, всё вокруг завертелось. Оглушенный Яромир неуклюже качаясь, пытался как можно быстрее прийти в себя...

— Не дёргайся, щенок! Ещё успеешь умереть! — самодовольно прорычал Кривжа и развернулся к Гриве. — Старый дурак! Это я давал тебе шанс...!

Грива на карачках полз в сторону, с трудом стараясь зажать разорванную артерию, из которой фонтаном била чёрная кровь.

Кривжа, с ужасающим, источающим жгучую ненависть, оскалом приблизился к нему и уже приготовился добить, как Грива сделал последний бросок.

Могучая, окровавленная лапа вцепилась в шею Кривжи и рванула вверх, забрызгав Гриву кровью сна.

Кривжа взвыл и отскочил в сторону.

От левой стороны его морды остался лишь изуродованный, кровоточащий кусок мяса и в глазнице не доставало синего глаза...

Боль окончательно взбесила Кривжу.

Тяжелый удар ногой по голове и Грива окончательно перестал сопротивляться.

Под истерический вой, Кривжа вонзил когти в его тело и поднял отца над головой.

Бросок и треск дерева смешался воедино с звуком разрывающейся плоти.

Грива беспомощно повис на остром обломке берёзы, безжизненно раскинув лапы и захлёбываясь собственной кровью.

Неожиданно, жгучая боль пронзила спину Кривжи.

Теперь уже броня не могла защитить его от серебряного клинка Яромира.

С игривым шипением лезвие до костей располосовало шкуру волколака, заставив его в ужасе отпрянуть в сторону.

— Славич... — с трудом прохрипел чудом остававшийся живым Грива. — Сердце... Огонь... Смерть...

Кровь ручьём хлынула из пасти и глаза седого волколака безжизненно закатились.

Грива окончил свою последнюю охоту...

«Ещё один... Это должно закончиться!»

Слепая ярость охватила Яромира.

Лезвие меча со свистом описало короткую дугу и остановилось, указывая на грудь Кривжи.

Волколак бешено взвыл, куски земли и пыли полетели из-под лап, и он бросился в опрометчивую, бездумную атаку.

Прыжок и чёрная тень, устрашающе выставив когтистые лапы, полетела напрямик на Яромира, несущегося ей на встречу.

Зубы звонко шелкнули над головой, но Яромир всё же успел проскользнуть под Кривжей, опасно выставив клинок.

Закалённое серебро, шипя, широко прошлось по брюху волколака.

Сбитый с толку резкой болью Кривжа не смог устоять на лапах и неуклюже прокатился по земле.

Под неприятное хлюпанье крови рана на его брюхе разошлась и, всё ещё продолжавший гореть, оставшийся от ловчих факел, бросил тусклый свет на показавшиеся из неё кишки.

Кривжа, истерично пыхтя, судорожно запикивал вывалившиеся внутренности обратно, в то время как сам порез начал быстро затягиваться.

Яромир больше не мог позволить ему подняться.

Серебряный клинок блеснул высоко над головой и, будто копьё, устремился напрямик в грудь замешкавшегося волколака.

Кривжа разразился неистовым воем.

Лезвие прошло насквозь и буквально сжигало его изнутри.

Шипение черной крови и ужасающие вопли волколака больно резали слух, только Яромира уже ничего из этого не слышал.

Короткий разбег и мощный удар кулака вмял волколака в рыхлую землю.

Кривжа попытался остановить Яромира.

Когти опасно устремились к оголившемуся бедру, но он успел среагировать.

Яромир ногой отбил лапу скулящего Кривжи и опустил тяжелый сапог на волчью пасть.

Сочный хруст ломающихся костей заткнул дёргающегося в агонии волколака.

— Козлина вонючая... — выругался Яромир и сильнее вдавил череп Кривжи в землю.

Свободное колено послужило прекрасным рычагом и правая лапа, безуспешно старающаяся дотянуться до ноги Яромира, с коротким щелчком переломилась.

Яромир уже не мог сдерживать скопившуюся внутри ярость...

Он прижал болтающуюся лапу к своей груди, присел и, будто пружина, разогнул спину.

Обессиленный Кривжа дёрнулся от боли и заскулил, а Яромир с отвращением швырнул оторванную конечность на землю.

— Скулишь, гнида... — сквозь зубы прошипел Яромир. — Страшно тебе?! Им тоже

было страшно...

Яромир издевательски медленно вытащил клинок из груди Кривжи и тут же вонзил его в левое плечо, пригвоздив волколака к земле.

Кривжа никак не мог смириться, что проиграл...

Он, несмотря на невыносимую боль, попытался вырваться, но тут же, прилетевший в голову сапог, свёл на нет все его потуги, вновь наполнив ночную тишину треском ломающихся костей.

— Нравилось нести смерть?! — ставшим стальным от злости голосом, безжалостно выпалил Яромир. — Так почувствуй её на своей шкуре...

Он схватил Кривжу за изуродованную пасть.

Красный глаз, полный неопишемого ужаса и беспомощности, бешено вертелся в глазнице обезумевшего от боли Кривжи.

— Неужели ты боишься смерти?! — язвительно протянул Яромир, близко поднеся смердящую пасть Кривжи к лицу. — Ты, гордо называющий себя новым Волхом, княжеский воевода, безжалостный убийца страшишься сдохнуть?! Даже Патша, и тот встретил смерть с большей честью! Трусливая собака... Я — не Игорь. Такую погань, как ты, вырежу и глазом не моргнув! Теперь я уж точно приду и за ним!

Кровь ударила в голову, в груди зажгло, от звона в ушах всё вокруг поплыло.

Короткая натуга, рывок и пасть Кривжи разорвалась пополам, заставив биться волколака в истерических конвульсиях.

— Увидишь Чернобога, передай: я — Яромир, сын Ярослава, потомок Славомира! И я — ваш самый страшный ночной кошмар!

Кривжа ещё оставался живым, когда кулак Яромира пробил его грудь и вырвал, ещё продолжающее неистово колотиться, проклятое чёрное сердце...

Бывший некогда грозным орудием смерти, изуродованный волколак безжизненно распластался по земле.

Яромир, закончив с Кривжей, упал на колени и вывалил перед собой содержимое желудка.

Не смотря на всё — он справился...

Теперь дело за малым ...

Даже без сердца в груди, Кривжа всё ещё продолжал едва слышно дышать и харкать кровью, а раны на его теле постепенно затягивались.

Нужно топиться...

«Грива сказал, что он проклят... Неужели колдовство способно сотворить такое?» — измотанный боем Яромир вдохнул, выдохнул и огляделся, в поисках факела. — "Огонь, серебро — ничего нового. Самое, что ни на есть, незаурядное чудище...»

Яромир сделал всё, как подобается.

Разместил сердце рядом с телом, с трудом выдернул голубого засаженный клинок из туши Кривжи и спрятал в ножны, засапожным серебряным ножичком пронзил гулко постукивающий орган волколака.

Кривжа скрючился от боли.

«Вот же неугомонная скотина...»

Яромир нашёл среди тел ловчих огниво, ловко поджёг факел и уже приготовился навсегда покончить с Кривжей, как по спине прокатился леденящий озноб и сзади раздался полный ужаса крик Ядвиги:

— Яромир!

Поздно...

Всё это время бес, будто кошка, скрывался в тени и выжидал подходящего момента.

Теперь же, он подкрался, совершенно бесшумно, мягко переступая через разбросанные тела и их части.

Всё, что успел увидеть Яромир — его огромные, переливающиеся чёрной слизью глаза и отвратительную, устрашающую ухмылку.

Молниеносный удар лапой и танталовые звенья, со звонким свистом, полетели в разные стороны, а сам Яромир — вниз по склону Могильного кургана.

Яромир всем телом ощутил, на сколько сильнее стала тварь за эти несколько дней.

Теперь он окончательно убедился, что такую зверюгу ему в одиночку не осилить...

Бес закатился смехом, больше похожим на хриплый гогот и бросился вдогонку, как резко остановился и тонкие прорезы на морде жадно втянули воздух.

Пахло свежатиной, да ещё какой — проклятый волколак... Что могло быть прекраснее?

Бес неуверенно заметался из стороны в сторону.

Ненавистный Яромир, он уйдет, опять! Но здесь такая вкуснятина..., прямиком на блюде, даже гоняться ни за кем не нужно, столько новых сил, а он так долго просидел в кустах...

Бес недовольно фыркнул и радостно подскочил к Кривже.

Лишние силы никогда не повредят, а богатырю от него уже ни за что не скрыться...

Яромир, шатаясь от усталости, поднялся на ноги и, с невиданным отвращением уставился, с каким наслаждением тварь смаковала сердце волколака, как черная кровь сочно брызгала в разные стороны и стекала по его кроваво-черной блестящей шкуре.

От жуткого зрелища отвлекла Ядвига:

— Чего встал, истукан? — она сунула в руку Яромира рукоять его серебряного меча и потянула за продолжающие болтаться на теле лоскуты доспеха. — Это его задержит! Ну, давай, пошли! Хватит с тебя чудовищ! Он нам не по зубам!

На это раз Яромир с ней полностью согласился...

Яромир сбросил с плеч сильно мешающие обрывки кожи и кольчуги, схватил Ядвигу за руку и, во всю оставшуюся прыть, они понеслись обратно в продолжающую полыхать деревню.

Ещё долго они слышали, как бес, сладостно и жадно причмокивая, разбрасывал внутренности по кургану...

Глава 13: «Ты всё узнаешь, если только выживем!»

Тонкая, розовеющая линия рассвета показалась на горизонте.

От Трёх дубов остался лишь пепел, да местами продолжающие потихоньку догорать пожарища.

Большинство из тех, кто пережил эту ночь, собрались на пепелище дома Добромилы.

Измотанные, израненные, напуганные — они оплакивали убитых и собирали уцелевшие пожитки, чтобы поскорее покинуть руины того, что когда-то считали домом...

Ермола и сдержавший слово Ховала организовали что-то похожее на порядок.

Без суеты, тихо и спокойно каждый из них делал своё дело и таил надежду на скорейшее возвращение Яромира и Ядвиги...

И они вернулись...

При виде исцарапанного, изгвазданного собственной и черной кровью, вымотанного Яромира люди взволнованно зашептались.

Все поскорее хотели услышать, что со всеми их бедами наконец-то покончено...

Ноги не слушались Яромира, и попросту отказывались идти дальше. Нужна передышка.

Яромир и Ядвига без сил завалились на влажную от росы траву, прямо перед ногами непривычно сурового Ермола.

— Всё? — жестко спросил он. — А что с остальными?

По измученному, пустому взгляду Яромира он тут же понял, что ждать больше некого, и осторожно присел рядом, подавленно обхватив голову.

— Столько смертей... — мрачно прошептал Ермола. — И всё из-за тебя?

Яромир виновато поступил взгляд.

Ведь, если подумать, Ермола оказался исключительно прав...

— Нет времени разлеживаться! — сурово вмешалась Ядвига. — Ты, хватай старого дурня Ховалу и немедленно уводи людей. Бес скоро будет здесь!

Ермола испуганно подскочил на ноги:

— Как здесь?! Ты разве его не убил?! — возмущенно выпалил он на Яромира.

— Только Кривжу...

— Сейчас это уже не важно! — Ядвига протянула руку Яромиру, помогая ему подняться. — Ему нужны только мы. Вас же он не тронет, если на пути не попадётся. Поэтому, пошевеливайся! Мы уведём его как можно дальше, выгадаем вам время, но обратно уже не вернёмся... Там, за Темнолесьем, к югу от Стальных гор, где начитается Великая степь и протекает Тор, в месте под названием Усыпальница Антов, вы найдёте новый дом. Передай это Ховале и доверься ему. Он проведёт вас! Всё, Яромир, дольше задерживаться нельзя...

— Я зол на тебя...! — Ермола окинул Яромира презрительным взглядом. — Ты принёс нам столько горя, что лучше бы вообще никогда не возвращался...

Яромир оторопел и потерял дар речи. В это мгновение ему казалось, что весь его мир окончательно рухнул...

— Может быть, я бы даже хотел, чтобы бес проучил тебя как следует...! Посмотри, у нас ничего больше не осталось! Стольких потеряли! И почему-то это всё, так или иначе, связано с тобой...! — Ермола неожиданно крепко обнял Яромира. — Но ты всё ещё мой брат и останешься им навсегда...

— Мне жаль... — сквозь проступившие слёзы прошептал Яромир. — Ерёма...

— Я верю! Он тоже считал тебя частью своей семьи. Ты отомстил и правильно тогда сказал: потом будем их оплакивать. Вместе! С тобой или без тебя, рано или поздно, но война всё равно не обошла бы нас стороной. И я рад, что в это время ты оказался с нами! — Ермола большим трудом, печально улыбнулся и одобрительно положил ладонь на плечо Яромира. — Кроме меня никто не узнает, что Кривжа приходил за мстью, ведь теперь ты для них — чуть-ли не бог... Людям нужно во что-то верить, так не будем лишать их этого. Гой еси, брат! Пусть деяния твои затмят божьи и да хранят тебя предки!

— Ныне и присно, брат, и от круга до круга... — крепко сдавил Ермолу Яромир. — Позаботься о них!

— Прощай, знахарка, — Ермола в пол поклонился Ядвиге. — Ниспошлют боги блага на тебя... Спасибо, за всё!

Ядвига ответила безразличным кивком и потянула Яромира за собой.

Немного озадаченный реакцией Ядвиги, Ермола недолго смотрел вслед быстро удаляющемуся Яромиру и поспешил к Офеле и детям.

Ведь времени у них практически не осталось...

Яромир и Ядвига стремительно неслись между дворов, временами перескакивая тела деревенских и головорезов Серых волков.

— Неугомонная тварь! Как нам от него скрыться?

Яромир старался не опускать глаза, чтобы ненароком не наткнуться взглядом на лица убитых из-за него жителей Трёх дубов.

Хватит с него смертей...

— Изба... — лёгкая дрожь страха проскочила в холодном голосе Ядвиги. — Она даст нам некоторое преимущество...

Наконец-то они добрались до дома.

Ядвига ловко перескочила через продолжающие валяться на земле тела бандитов и, не останавливаясь, влетела в избу.

Яромир остановился на пороге, выхватил меч из ножен и закрыл собой дверной проём.

— Ты на себя не похожа...! — взволнованно подметил Яромир. — Почему Кривжа не оставил на тебе и царапины? Откуда ты так много стала знать про беса и откуда ты знаешь Ховалу?

Растрёпанная Ядвига ничего не ответила.

Она суматошно носилась по комнате, сбрасывая бутылки и травы в котёл.

Неожиданно она остановилась, нырнула под кровать и вынула оттуда браслет старика, подаренный Яромиром Ерёме в день свадьбы, который тут же нацепила на руку.

— Для чего тебе отцовский браслет? — непонимающе нахмурился Яромир. — Что вообще происходит?

— Ага, конечно, отцовский... — язвительно пробурчала Ядвига, принявшаяся яростно толочь варево палкой. — Яровита!

Она громко щелкнула пальцами и в печи сам по себе разгорелся огонь. Вместе с ним засияло ярким красным светом выгравированное на браслете Черное солнце и точно такой же знак запылал на противоположном запястье Ядвиги.

По спине Яромира пробежал леденящий озноб.

— Кто ты такая...?! — вскричал окончательно растерявшийся Яромир и угрожающе направил острие меча на Ядвигу.

Она на мгновение остановилась, тяжело выдохнула и бросила на Яромира раздражительный взгляд:

— Когда-то, очень-очень давно, — голос Ядвиги заметно охладел и приобрёл явный металлический окрас. — я открыла, что бесы невероятно привязываются к своей жертве. Стоит ему попробовать чью-то кровь, и он сможет выследить владельца где угодно и когда угодно. Так вот, именно этот бес, ждал тебя с самых Туманных топей...

Ядвига осеклась и замерла, понимая, что сболтнула лишнего.

— Как ты узнала? — от недоумения у Яромира начала кружиться голова. — Я никому про него не рассказывал. Спрашиваю последний раз! Кто ты такая?!

Неожиданно со стороны деревни раздались полные ужаса крики.

— Жеваный еж! — в сердцах выругалась Ядвига и, не обращая внимания на Яромира, забросила получившийся колдовской навар в печь вместе с котлом. — Рано, слишком

рано...! Еще не всё готово! Скорее, брось мне метлу!

Яромир заколебался, но неумолимо приближающееся чувство опасности заставило выполнить её просьбу.

— Ну, была не была... — Ядвига ударила торцом метлы об пол.

Стены избы зазвенели.

Второй удар и прутья метлы, громко цокая по доскам, посыпались на пол, показав её истинный облик, от которого ошарашенный Яромир попятился назад, неуклюже опрокинул лавку и чуть было не снёс стол.

Под слоем шлифованной осины скрывался резной дубовый посох его старика.

— Кажется, я начинаю понимать... — Яромир исподлобья, по-звериному, посмотрел на Ядвигу. — Что же ты наделала, душа моя...?

— Твою же Макош, Яромир! — с психом выпалила Ядвига, растерянно поглядывая на пустой дверной проём. — Я всё тебе расскажу, только не сейчас...! Он уже рядом!

— С места не сдвинусь, пока не объяснишься! — гневно прокричал Яромир, и ударил кулаком по столу.

Толстая дубовая крышка лопнула пополам, а ноги стола разлетелись по разным углам комнаты, чуть было не угодив в голову Ядвиги.

— Я тебя предупреждала... — страх вновь блеснул в глазах Ядвиги, и она без промедления взмахнула посохом в третий раз. — Ты только держись!

Изба судорожно затряслась.

Желто-оранжевые языки пламени вспыхнули новым, зелёным светом. Печь истерически засвистела, раздался громкий взрыв и из трубы повалил столбом ядовито-зелёный дым.

Ядвига бросилась в угол, села и зажала голову руками.

Пол под ногами Яромира заходил ходуном.

Изба стремительно поднималась вверх, остановилась на шести саженях над землёй, накренилась и, раскачиваясь из стороны в сторону, двинулась вперёд.

Всё, что не приколотили к полу и стенам, полетело по комнате, включая Яромира.

Вслед за тарелками, бадьями, посудой и всевозможными свёртками с травами, его подбросило к дверному проёму.

Яромир уже на половину вылетел на улицу, как успел ухватиться за край косяка, и изба тут же забросила его обратно, направив прямым в стену рядом с Ядвигой.

От сильнейшего удара изба накренилась, но устояла, продолжая всё быстрее и быстрее удаляться от Трёх дубов.

Ошеломленный Яромир с трудом вцепился в прогон и бросил на Ядвигу полный пренебрежения взгляд.

— Что поделать...?! — отрешенно развела руками Ядвига и ловко увернула голову от летящей в неё деревянной миски.

Изба неумолимо неслась вперёд, быстрее, чем самые лучшие из встречавшихся Яромиру повозок.

В проёме промелькнула просека, разделяющая деревню и поля. Недолго погода показали и широкие лопасти высоких мельниц.

Яромир быстро смекнул, что они мчатся в сторону Туманных топей.

Посуда, печные поленья и всякого рода тара, подбрасываемая сильно раскачивающейся избой, больно стучали по телу Яромира.

Он стиснул зубы и на сколько мог спрятал голову, но и это особо не спасало его от

угрожающе носящихся по комнате снарядов.

Лучше так, чем вылететь на улицу...

Только показались первые сосны топей, как избу забросало из стороны в сторону пуще прежнего.

То и дело она билась торчащим по бокам обломом о встречные деревья. Развесистые лапы сосен сорвали солому с крыши и раздражающе скребли по оставшемуся тёсу.

«Неужели удастся...?» — обнадеживающе промелькнуло в голове Яромира, как что-то гулко врезалось в стену избы.

На этот раз она не устояла, на ходу накренилась на бок, и Яромир увидел в проёме, как стремительно приближается болотистая почва.

Изба со всей дури ударилась о землю и прокатилась по мягкому дёрну, оставив за собой длинный глубокий шлейф выдранной травы и грязи.

Бес, всё-таки, их нагнал...

Мертвецкую тишину топей нарушило громкое, недовольное кряхтение Яромира, с трудом переваливающегося через порог поваленной избы.

Следом за ним вылезла и Ядвига.

— Запер бы дверь, как я сказала, не трясло бы... Сильно досталось? — заботливо поинтересовалась она, пытаясь осмотреть покрытое глубокими царапинами и ссадинами лицо Яромира, принявшегося нервно отмахиваться от её помощи.

— Руки убери, окудница! Не смей меня трогать... — презрительно выпалил Яромир и отхромал в сторону.

— Не веди себя так! Честное слово, как маленький...

— Да?! А как тогда вот это обозвать?

Он указал на днище избы, откуда, вместо подпола, торчали две несуразные, огромные куриные лапы.

— Щепотка ворожбы, чуточку колдовства и веточка розмарина... — невинно пожалла плечами Ядвига. — Погоди, сейчас всё исправлю!

Она щелкнула пальцами и из единственного окна вылетел дубовый посох старика, осторожно опустившийся в её руку.

— Еще бы вспомнить, как это там... — задумчиво пробурчала под нос Ядвига. — Ах, да-да, точно!

Она трижды стукнула посохом о землю:

— А ну, избушка, встань по-старому, как мать поставила! К лесу задом, ко мне передом!

Только она закончила последнюю фразу, как изба задрожала и зашевелилась...

Яромиру пришлось резво отскочить в сторону, так как одна её нога опасно пролетела рядом с ним, крепко вцепившись в ствол ближайшей сосны.

Другая нога глубоко врылась в землю, сделала натугу, и изба поднялась, после чего с громовым грохотом рухнула вниз.

Куриные лапы съежились и скрылись под полом, а сама изба заняла своё привычное положение.

— Так-то лучше! — с самодовольной улыбкой Ядвига подошла к Яромиру.

— Кто, Стрибог подери, ты такая?!

Яромир видел перед собой всю туже Ядвигу, свою любимую Ядвигу, потрёпанную и уставшую... Только теперь от неё веяло чем-то неведомо чуждым, а на голове проявилась одна длинная седая прядь.

— Глупый ты! Я — это я, ни больше, ни меньше..., - невозмутимо нежно ответила Ядвига. — Клянусь, ты всё узнаешь, если только мы выживем!

Сзади раздался режущий ухо скрежет когтей по дереву и Яромира вновь охватила волнительная дрожь.

Бес вернулся... Ещё опаснее, ещё злее...

Плотная крона сосен едва пропускала солнечный свет, сохраняя нетронутым полумрак Туманных топей.

Бес, изящно переступая по охлупню избы, остановился на краю крыши, вцепился когтями в конёк и сел, как по обыкновению садятся кошки.

Он вымахал ещё больше и теперь его тело уже совсем перестало напоминать тело Яромира.

Чёрные вены толстыми нитями расползлись по раздутым мышцам и складывалось ощущение, что его кроваво-чёрная кожа, местами покрытая коркой из засохшей крови, вот-вот лопнет от натуги.

Сейчас, на фоне величественного чудовища, Яромир ощущал себя абсолютно маленьким и беспомощным мальчиком.

Как говорится: "Чем дальше в лес, тем злее волки..."

Последние из оставшихся надежд на счастливый конец мгновенно улетучились...

Бес сидел неподвижно и, что показалось Яромиру совершенно диким — мурчал, с любопытством и какой-то неестественной, устрашающей нежностью разглядывая Ядвигу.

Да, определённо, сейчас богатырь интересовал его в самую последнюю очередь...

— Что тебе от нас нужно?! — нетерпеливо выкрикнул Яромир и бес резко переключил внимание на него.

Неожиданно Яромир почувствовал, с какой стремительной скоростью закипела ярость внутри чудовища и какую ненависть он к нему испытывал.

Бес бросил на Ядвигу вопросительный, молящий взгляд.

Яромир ощутил исходящую от беса любовь, привязанность и глубочайшую обиду.

Неужели порождение Забвения могло испытывать такие чувства...?

— Оставь нас, уходи! — дрожащим голосом попыталась прогнать беса Ядвига. — Он мой, а я — его, третьего не дано...!

Бес горделиво выпрямился и искривился в отвратительном, обиженном оскале.

Слабая искорка надежды, догорающая в его душе, окончательно потухла...

Тварь залилась полным боли и отчаяния рёвом, оттолкнулась от конька и, угрожающе выставив когти, бросилась на Яромира.

Яромир протянул руку к ножнам и с ужасом обнаружил, что меча на месте не оказалось.

Он остался полностью незащищен перед лицом самой опасной из встречавшихся ему тварей...

Бес уже был в нескольких дюймах от шеи Яромира, как выбил мордой скопу искр из невидимой преграды, отбросившей его на несколько шагов назад.

Яромир оглянулся.

Прямо за его спиной стояла разозлённая Ядвига, на браслете которой изумрудным светом горело Чёрное солнце.

— Ну и растяпа... — огорчённо цокнула она на Яромира и ударила посохом о землю. — Лови!

Из того же красного окна избы со свистом вылетел серебряный меч Яромира, по пути

зацепив озадаченного беса по плечу.

От прикосновения серебра кожа твари зашипела. Бес негодуяюще фыркнул и отскочил в сторону.

Яромир ловко поймал рукоять клинка и занял твёрдую позицию.

Он нехотя, но, всё же, поблагодарил Ядвигу коротким кивком:

— Вот теперь попляшем, паскуда! — Яромир издевательским жестом подразнил беса. — Но, после, от тебя я всё равно жду объяснений!

— Неисправим... — безнадёжно помотала головой Ядвига и громко скомандовала. — Бей!

Только Яромир уже бросился в атаку и совсем не нуждался в её руководстве...

Острое лезвие полоснуло по груди замешкавшегося беса, оставив за собой глубокий шкворчащий порез.

Яромир отскочил от летящих в ответ когтей беса, как посох Ядвиги тяжело опустился на его шею.

От прикосновения зачарованной палки, кожа беса заискрилась и пошёл зелёный дым.

Тварь взвыла от боли, отскочила назад и обозлённо покосилась на необычное оружие Ядвиги.

Яромир почувствовал, что бес боится дубового посоха его отца гораздо сильнее, чем прикосновения серебра.

Ядвига и Яромир переглянулись. Им было чем противостоять грозному чудовищу, на чём безмолвно и порешали...

Глава 14: «Эх, ты, богатырь.»

Били по очереди.

Не отступали и старались не давать бесу не мгновения продыху.

Бес метался из стороны в сторону, плевался кровью, рычал и шипел, но колдовство браслета не позволяло ему добраться до них, как бы сильно он этого не желал.

Тварь пятилась, старалась уклоняться, отбивать градом сыплющиеся на него удары, но с каждым разом получала всё новые и новые раны.

Краем глаза Яромир заметил, что Ядвигу понесло.

— Давай, скотина, на место! — кричала она, раз за разом охаживая беса палкой. — Забыл, кто твой хозяин?!

Краткосрочный успех вскружил голову, туманное ощущение победы затуманило рассудок.

Яромир уже не успел её остановить.

Это почувствовал и бес...

Очередной выпад и, всего на дюйм, выпяченная нога.

Бес среагировал молниеносно, будто-то он только этого и ждал.

Уклонился от укола пытавшегося его опередить Яромира, припал к земле и краем когтя подцепил Ядвигу за лодыжку.

Кровь заструилась по ноге, она вскрикнула от боли и отскочила в сторону.

Сердце Яромира ёкнуло.

Он было опрометчиво бросился к Ядвиге, как оборвал себя на пол пути и вернулся к бесу, но слишком поздно.

Тот уже перешёл в наступление...

Хитрая тварь расплылась в злорадном оскале, перехватила летящий в неё клинок и пинком в грудь отбросило Яромира далеко назад.

Ненавистный богатырь подождёт...

Бес торжествующе возвысился над Ядвигой.

Она отчаянно пыталась отползти.

Кровь хлестала из разодранной ноги, оставляя на траве длинную, размазанную полосу.

Ей уже не убежать.

Она замахнулась посохом, но бес ловко выбил его из рук и отшвырнул в сторону.

Осталась надежда на браслет...

Яровит ни разу не проигрывал чёрным силам...!

Ядвига крепко сжала кулак и браслет залил округу ярким зелёным светом.

Неведомая сила качнула беса, но в этот раз он устоял на ногах.

Молнии обжигающими искрами бегали по его телу, оставляя многочисленные болезненные ожоги.

Задышающийся Яромир с трудом поднялся на колени. Жгучая боль пронзила сломанные бесом рёбра, но он чувствовал, что тварь сейчас испытывала гораздо большую боль...

Бес яростно взвыл.

Несмотря на стремительно убивающее его колдовство, он медленно склонился над Ядвигой и сорвал злосчастный браслет вместе с кусками кожи.

Теперь уже Ядвига кричала от боли и обиды. Ей больше нечем было защищаться...

Бес облегченно закричал, замахнулся и зашвырнул зачарованную безделушку настолько далеко, насколько мог.

Его дымящаяся кожа, обожженная до костей чарами браслета, быстро затягивалась черной слизью, возвращая твари прежний, вселяющий ужас облик.

Ядвига бросила прощающий взгляд на Яромира и по её щекам потекли слёзы.

«Меч, где мой меч...?!» — бешено рыскал глазами по сторонам Яромир. — «Я должен её спасти...»

Бес склонился над Ядвигой, с неподдельным наслаждением втянул её запах и медленно, отёр мокрую щёку тыльной стороной лапы.

Яромир ощущал одновременно и злобу беса, и его нежность по отношению к Ядвиге. Неумолимая тоска одиночества, чувство ненужности, выброшенной игрушки, низайшего предательства, и, даже после всего, он продолжал так сильно её любить...

— Уйди, пожалуйста, прошу тебя, уйди... — захлёбываясь слезами и шмыгая носом умоляла Ядвига. — Я всё равно никогда не буду с тобой...

Мир беса окончательно рухнул.

Когтистая лапа железной хваткой вцепилась в шею Ядвиги.

Черная слизь глаз налилась кровью. Отверженность пробудила звериную ярость, начисто затмив всё остальные чувства.

Если она не будет его, то не достанется никому...!

Он резко дернул Ядвигу, с легкостью оторвав её от земли.

Длинный, вьющийся, будто змея, язык отвратительно облизал заплаканное лицо Ядвиги.

Обезумевший Яромир нащупал в траве холодное лезвие меча и, не обращая внимание на боль в груди, бросился ей на помощь.

Лицо Ядвиги побелело, глаза налились кровью и закатились.

Она хрипела, болтала ногами в воздухе, до мяса драла ногтями шкуру беса, но он лишь сильнее сжимал лапу.

Яромир подлетел мгновенно и уже выбросил меч, чтобы отрубить руку твари и спасти Ядвигу, но бес его опередил.

Лапа, сжимавшая горло Ядвиги, дёрнулась в сторону и её ногами он отбросил Яромира далеко в сторону.

От такого неожиданного удара Яромир покатился по земле, а шея Ядвиги с едва слышным хрустом переломилась.

Его рука предательски поднырнула под торчащий из земли корень и с пронзительной, жгучей болью надломилась.

Бес довольно загоготал, презрительно взглянул на окончательно посиневшую, бездыханную Ядвигу и испустил душераздирающий, полный отчаяния и боли потери, визг, согнав в небо выжидающих на деревьях воронов.

Неожиданно, Яромир почувствовал, как по земле пробежала дрожь, за которой последовал гулкий удар, а за ним ещё один, и ещё один.

Он наспех отёр заляпаные грязью глаза и сердце его остановилось...

Без с невиданной жестокостью стучал безжизненным телом Ядвиги о землю.

Последний удар, ещё один визг и тело Ядвиги полетело в сторону, тупым шлепком ударившись о стену избы.

Теперь мир окончательно рухнул и для Яромира...

Он рывком вправил вывернутую руку и с яростным криком бросился на беса.

Ни боли, ни жалости, ни страха..., лишь безжалостная, разрушительная месть!

Взбешенный бес бросился навстречу такому же разъярённому Яромиру.

Тяжелый кулак Яромира увесисто приложился промеж глаз твари, сбив её с ног и прокатив по земле.

Яромир буквально обезумел...

Он подхватил меч, совершенно не обращая внимания на боль в сломанной руке, увернулся от броска беса, полоснул по открывшейся груди и наполовину разрубил бедро.

Тварь отскочила в сторону и, под злобное шипение, повалилась на траву.

Черная кровь хлестала из раны, торчали куски разрубленной берцовой кости, куда тут же по телу устремилась такая же черная слизь.

Одно мгновение и нога беса стала как новая.

Он самодовольно зарычал, подскочил на все четыре лапы и прыгнул на Яромира.

«Да хоть по кусочку придётся резать...!» — Яромир клинком отвёл в сторону летящие в лицо когти и всадил кулак глубоко под рёбра беса. — «Порешу гниду!»

Обменялись ударами и вновь отскочили друг от друга.

Бес лишился пальцев, которые тут же отрасли обратно и добротнo схлопотал рукоятью меча по морде.

Яромиру же снова достались только зажившие глубокие порезы на груди.

— Ну, падла, — тяжело дыша, смачно сплюнул Яромир. — Либо ты, либо я...

Такой же запыхавшийся бес отёр от крови разбитую пасть и грузно насупился.

Только один...!

Бес бросился первым.

Яромир ловко раскрутил клинок целой рукой, будто веер, и стремительно подался навстречу.

Рубились беспощадно.

Они уже толком не защищались и не уворачивались, лишь изуверски полосовали друг друга.

Удар за ударом, били, пропускали, падали и снова вставали.

Яростно, неотвратно, бездумно...

Два таких разных, но всё же таких похожих — каждый из них будто бы сражался со своей тенью, выплёскивая всю накопившуюся обиду, скорбь и злобу.

По необъяснимым причинам, они чувствовали боль друг друга, но, с каждым новым порезом, с каждой новой рваной раной, сходились вновь: ещё более озлобленные, безумные и остервенелые...

И, всё же, бес превосходил Яромира как в силе, так и в ловкости.

Тварь хитро нырнула под выпад истекающего кровью Яромира, полоснула по запястью и плечом отшвырнула его в сторону.

Кровь хлынула из предплечья и меч упал на землю, звонко ударившись о камни.

Яромир устало протянул руку к рукояти, но пальцы наотрез отказывались сжимать её. От сломанной руки толку тоже не особо много...

Пот, вперемешку с грязью, своей и бесовой и кровью, щипал правый глаз и мешал полноценно видеть.

Разодранное тело не хотело слушаться и последние из оставшихся сил быстро улетучивались.

Бес победил.

Тварь подскочила неожиданно.

Острые, как шило, когти вонзились глубоко в плечи и потянули вверх.

Яромир сжал от боли зубы так сильно, что полопалась эмаль, но не закричал. Не издал ни единого стога, ни писка.

Он не доставит бесу такого удовольствия.

Смердящая гнилью пасть беса широко раскрылась в злобно рычащем оскале прямо перед лицом Яромира.

Черные глаза твари заглядывали жуткой, безжизненной пустотой в самую душу, от чего непроизвольно бросало в дрожь.

Точно такой же бездонной, безграничной, устрашающей пустотой смотрел и водяной в свои последние мгновения.

Точно такую же гнетущую, неизбежную гибель источал и Черный воин из видений Яромира.

Сильнейшие и ужаснейшие из проклятых порождений Иного мира...

Но Яромир не боялся.

Он научился не страшиться смерти...

Бес уже метился зубами в шею, как Яромир вцепился в его лапы и с размаху саданул лбом прямым промеж глаз ослабившей внимание твари.

Пораженный невиданной дерзостью бес взбешено фыркнул, ещё глубже продавил когти в левое плечо, сжал правую руку кулак и соразмерно ответил Яромиру.

Он пролетел порядка двадцати аршинов, не касаясь земли и столько же проскользил спиной по траве, до мяса ободрав кожу об острые камни, сухие ветки и шишки.

Последние силы оставили Яромира.

Он бездвижно лежал на земле, жадно глотая воздух и смотрел на безумно кружащиеся

над головой кроны высоких сосен.

Бес окончательно стряс ему голову..., но он ещё продолжал дышать, а значит — бой ещё не закончился!

Яромир, кряхтя и плюясь кровью, перевернулся на живот и поднялся на колени.

Кровь ручьём капала на бёдра изо рта и сломанного носа.

Он, с жутким хрипом проткнутого куском ребра лёгкого, вдохнул и презрительно плюнул в сторону медленно приближающегося беса.

Необыкновенно длинный язык твари вился в разные стороны.

Бес больше не улыбался.

Вены на его теле вздулись, в глазах блеснула жажда крови, мышцы напряглись, и он прыгнул.

Яромир закрыл глаза...

Но что-то схватило его за лоскуты рубахи и оттащило назад прямо перед тем, как пасть беса звонко щелкнула у самого носа.

Следом послышался гулкий шлепок, противное шипение кожи беса и его жалобный визг.

Яромир с трудом наклонил голову и увидел, как разрубленный до пояса бес поспешил скрыться в густой тени леса.

— Не утруждайся, сын, — где-то над головой прозвучал до боли знакомый и родной хриплый голос. — сил набирайся. Теперича аз с ним побеседую.

Слёзы сами собой навернулись на глазах Яромира:

— Отец...? — с трудом прошептал он, попытался перевернуться, чтобы разглядеть старика, но упал без сил и начал захлёбываться кровью.

Старик тут же припал рядом с ним на колени и что-то запихал в рот Яромира:

— Глотай, еже жить хочешь!

Круглый, сладкий, ванильный шарик, с отвратительнейшим привкусом коровьего дерьма, мышьяка и серы, никак не хотел пролазить в горло и окончательно перехватил дыхание.

Яромир начал быстро синеть, поэтому старику пришлось запихать пальцы в рот и протолкнуть его самостоятельно. Как только шарик проскочил он откупорил бутылёк и вылил его содержимое, пахнущее молоком с барсучьим жиром, мёдом и розмарином, следом, отозвавшееся в желудке Яромира обжигающим холодом.

— Эх, ты, богатырь. — старик по-отцовски похлопал жадно задышавшего Яромира по щеке. — Такая детина вымахала, а всё, аки с маленьким...

От лекарства старика стало легче.

Кровь сама собой перестала бежать из ран, затянув их тонкой плёнкой.

Теперь Яромир смог осмотреть его.

Старик ничуть не изменился с того самого дня, как их с Яромиром пути разошлись.

Всё такая же густая седая борода, потасканные лапти и его любимая, расшитая красными нитями рубаха. Через плечо же была перекинута сумка травника, очень уж похожая на ту, которой пользовалась Ядвига.

— Кизяк дракона, Цмоку спасибо, и слюни златорога поставят тебя на ноги. — увесистая ладонь старика, тяжело давящая на грудь, источала неестественное, обжигающее тепло.

Яромир, не в силах вымолвить не слова, продолжал заливаться слезами радости и

нечеловеческой усталости.

— Ишь, чего удумал. — старик поднялся на ноги, закатал рукава и огляделся. — Ты мне тут возгри подбери и в себя приходи. Такое чудо-юдо само себя не упокоит...

Бес напал со спины, стремительно и, как он думал, неожиданно, но старик ещё задолго заприметил его, крадущегося в тени, среди осоки.

Тварь метила в шею, чтобы наверняка, но старик лишь сделал короткий шаг в сторону и бес разочарованно пронёсся мимо.

Правда, недалеко...

Старик успел поймать беса за заднюю лапу.

Яромир и предположить не мог, что его, хоть и мастеровитый, но уже далеко не молодой, отец может обладать такой силой.

Старик дёрнул беса, будто кота за хвост, и с размаху ударил о землю.

Кости твари громко затрещали, а сам он протяжно, болезненно заскулил.

Старик, не отпуская безуспешно пытающегося вырваться беса, забросил руку за спину и в руке, ярким серебряным отблеском, сверкнул, найденный Яромиром на болотах, меч-кладенец Ярослава.

Короткое, легкое движение и бес, что есть мочи, уже удирал обратно в тень на трёх оставшихся лапах.

Старик проводил яростно рычащую тварь взглядом и взглянул на его отрубленную конечность, которая тут же размякла и превратилась в чёрную лужу, тут же спрятавшуюся в земле.

— Ты погляди, чего кровь ассов с силой нечистой вытворяет... — изумлённо пробубнил старик под нос и повернулся к Яромиру. — Аже вы эту скотину так отожрали?!

Яромир виновато отвёл взгляд в сторону.

— Понятно... — угрюмо выдохнул старик. — Знаю, оже она всё... Ну, ничего, в этот раз, уж точно с ней покончу!

Бес вновь напал неожиданно.

На этот раз напрыгнул с дерева, но старик вновь умело увернулся и контратаковал.

Яромир, конечно, множество раз видел, как его старик умело обращался с различным оружием, но то, как виртуозно он орудовал мечом-кладенцом, вызывало неподдельное восхищение и страх.

Теперь Яромир ещё больше не хотел попасться под его горячую руку...

Воздух вокруг сверкающего меча кладенца буквально пел, проходя на коже беса ядовито-зелёными, дымящимися огоньками.

Зачарованное серебро куда пагубнее действовало на чудовищ, чем обычное.

Точно песец водит пером по бересте, так же легко и старик раз за разом отражал нападки беса, болезненно разя того в ответ.

Шипящий бес едва успел отвернуть голову от опасно метящего в неё клинка, плечом оттолкнул старика и, злобно бурча, отскочил в сторону.

Глубокие порезы жгли кожу, шкворчали и плевались каплями чёрно-зеленой жижи.

Бес озадаченно осмотрел совсем старого, невзрачного, но невероятно грозного воина.

Тварь не знала его, что-то могущественное и опасное, совсем не похожее ни на что, с чем ему когда-либо приходилось встречаться.

Ещё несколько мгновение назад бес думал, что сильнее Яромира в округе уже никого не сыскать, но он ошибался.

К старику потребуется найти особый подход и ещё больше сил...

Бес презрительно прыснул ядом и, не выпуская угрожающего старика из виду, вновь скрылся в тени.

— Поганое черное отродье. — старик проводил беса взглядом и вернулся к Яромиру. — Ещё вернётся.

— Прости меня... Прости за всё... — через боль выдавил Яромир.

— Не утруждайся, сынка, таки должно, — старик заботливо потрепал его по голове, достал из сумки большой сверток с мазью и начал обильно накладывать её в раны Яромира. — Чай, аз виноват аже поболее, чем ты... Она обвела нас обоих вокруг пальца.

Яромир вспомнил про оставленную им Ядвигу.

От волнения дыхание перехватило, и он перевалился на бок, в призрачной надежде увидеть в ней хоть какие-то черты жизни.

Но, к его великому удивлению и недоумению, её тела возле избы не оказалось.

— Не волнуйся, и она ещё вернётся. — одновременно и успокаивающе, и устрашающе предостерег старик. — Всегда возвращалась...

Яромир бросил на старика непонимающий взгляд, но тот лишь молча перевернул его обратно и продолжил.

С каждой новой порцией мази, Яромир чувствовал, как ему становится всё лучше и лучше.

— Откуда...? — начал Яромир.

— Нас с ней связывает очень долгая и очень печальная судьба... — опередил его старик. — Не горюй, сын. Не стоит она твоей тоски. Коварная баба, хуже любой твари нечистой. Нам же досталась самая хитрая из всех когда-либо живущих... Тварь-то что? Рвёт тебя когтями, кусает зубами? Так это же совсем не страшно... Заколел мерзость, сжёл, на том и конец. Раны затянутся, боль пройдёт, а от чудища даже в памяти места не останется. Она же — ласкает ночами, клянётся в любви, а затем рвёт душу в клочья, самым жестоким образом, играя тобой, будто куклой на ниточках. И боль, оставленная ею, будет преследовать тебя до конца дней, раз за разом возвращаясь с новой силой. Жаль, что аз не успел научить тебя этому раньше... Отдохни пока. Разведу огонь.

Старик ненадолго отошёл, оставив Яромира в одиночестве.

Теперь-то Яромир, как никогда, понимал беса.

Обманутый, преданный, униженный, использованный...

Тварь полюбила Ядвигу, а она отреклась от него и променяла на Яромира.

Теперь же и сам Яромир яростно жаждал вытрясти из неё всю правду и раскаяние.

Не зря говорится, что от любви до ненависти — один шаг...

Глава 15: «Аз навь, нэсть иже новь явь»

Когда Старик вернулся, солнце уже прошло зенит.

Только что проснувшийся и едва пришедший в себя, Яромир уже самостоятельно смог опереться спиной на небольшой валун и крепко сжимал рукоять меча-кладенца.

От этих проклятых топей можно ожидать чего угодно...

— Уже сидишь? Радует! — старик довольно улыбнулся, бросил, рядом с Яромиром, в кучу хворост, подул на сухие ветви, от чего сам собой разгорелся яркий огонь. — Глядишь, скоро опять заскачешь, зайка. Погляди, что мать-сыра земля нас приготовила...

Он достал из сумки несколько мясистых белых грибов, насадил на длинную веточку и

приступил к жарке.

— Надо же, ни масла, ни огнива... — крайне подавлено отреагировал Яромир на колдовство старика. — Она тоже так могла...

— С моим-то посохом, да ещё и не мочь? — фыркнул тот в ответ. — Аз бы весьма огорчился, коли она облажалась, и вы не смогли бежать. Надо его непременно вернуть. Без посоха тварь не упокоить.

— Этого не хватает? — Яромир кивком указал на ярко блестящий на солнце меч-кладенец.

— Кладенец — орудие могучие, да только именно эту тварь обратно в Иной мир не изгонит. Она об этом позаботилась.

— Молю тебя, Расскажи, кто на самом деле Ядвига такая! — нетерпеливо дёрнулся Яромир, что резкой болью отозвалось во всём теле.

— Столько зим прошло, а ума так и не прибавилось... — с лёгким разочарованием покачал головой старик, подул на готовый гриб и бросил его Яромиру.

Старик на короткое время погрузился в раздумья, тучно нахмутив брови.

— Как она только себя не называла, но её настоящее имя — Ягиня. Она, сынок, — дочь Чернобога, княжна ночи, хозяйка реки Смородины, по крайней мере была когда-то... — с явной неохотой выдавил он и удивлённо усмехнулся. — Надо же, аже за десять тысяч зим она таки не вразумила, аки по нормальному колдовать...

— Погоди, погоди... — недоверчиво насупился Яромир. — Ты имеешь в виду «Ту самую» Ягиню?! Это же былина, ночная сказка для детишек...

Старик недовольно натянул уголки рта и глазами указал на продолжавшую стоять на месте покосившуюся избу.

При воспоминании об огромных куриных лапах, у ошарашенного Яромира полностью отпали все оставшиеся возражения.

— Большинство сказаний — далеко не вымысел, Яромир. — привычным поучительным тоном продолжил старик, размеренно нанизывая на веточку очередную кучку грибов. — Боги живут среди нас. Былинные царства и народы сокрыты от людских глаз. Частица Родатворца, именуемая колдовством, не покинула с концами Этот мир.

— Но, ты же говорил...

— Аз помню, оже твердил! — старик неожиданно резко повысил голос и гневно покосился на Яромира. — Тебе следовало больше учиться и не забивать голову! Аз же надеялся, оже смогу обмануть судьбу и уберечь тебя. Не вышло... Теперича мои слова правдивы и доказательству тому служит кусок звёздной пыли, оже возлежит у тебя на коленях. Первым, оже сделал Сварог — упросил Рода позволить ему сорвать звезду с небосклона. Он истёр её в пыль. Из оной, на Алатыре-камне, боги выковали Старград — единственное, оже они сделали сообща... Кладенец — последнее, оже отлил Сварог в Небесной кузне из остатков той звезды. Он предназначался для младшего из сыновей, рождённых ему Ладой, — Славомиру. Сварог закалил клинок его кровью, яко токмо сварожич мог обуздать силу Кладенца. Аки зришь, руки тебе до сих пор не оторвало...

Ещё более взбудораженный Яромир с неподдельным восхищением принялся рассматривать, открывшийся для него в новом свете, меч-кладенец:

— Так, значит, в тебе тоже течёт славная кровь, раз он тебя слушался?! — радостно воскликнул Яромир.

— Ежели это можно так назвать... — в мрачном взгляде старика мельком

проскользнула искорка лукавства.

— Всё-таки ты всегда был для меня самой настоящей семьёй... — Яромир виновато опустил глаза, на которых вновь заблестели слёзы. — Я искал тебя, отец.

— Не обманывай себя и не пытайся обмануть меня. — старик иронично улыбнулся. — Не прогони тебя Игорь, то так и гридничал бы дальше. Насколько аз ведаю, оже и в деревне тебе жилось далеко не дурно. Нашёл дело по душе, бабой обзавёлся... Чего тебя тревожить, ежели время ещё не подошло? Конечно, коли аз прознал, кто тебя захомутал, то явился бы тотчас! Внегда эта тварь объявилась?

— Я подстрелил лося, как мы его назвали — духа-леса, и зарубил Лихо. Оттуда всё и пошло...

— Оже Лихо одолел — похвально, о многом говорит, — старик одобрительно покачал головой. — а вот Сирэна — жаль. Берёг Темнолесье в моё отсутствие...

Чувство безграничной вины перед величественным лосем вновь неприятно заскребло на душе Яромира.

— Где же ты сам тогда был? — он постарался побыстрее сменить неприятную тему. — И почему решил вернуться только сейчас?

— Скажу наперво — ты сам выбрал именно такую дорогу! Самую тернистую из всех... Любо собирать шишки и тумачи? Милости прошу. У тебя это крайне занятно выходит, — с лёгким укором улыбнулся старик, глядя на усыпанного затягивающимися рваными ранами и синяками Яромира. — Аз же решил больше не вмешиваться. Честно признаться, роль отца всегда доставалась мне весьма скверно...

Старик угрюмо посмотрел на уходящее солнце и на мгновение ушёл в себя.

— По своей вине аз уже потерял любимое чадо... — старик тяжело вздохнул и перевёл мрачный взгляд обратно на костёр, языки которого неожиданно заплясали с новой силой. — Допустить того же с тобой аз уже не мог. Внегда ты ослушался меня, привёл её в дом, тогда всё стало предрешено.

— Ты отрёкся от меня... — горечь обиды не позволила Яромиру промолчать. — Эти слова до сих пор режут душу.

Он ждал, что в этот раз старик хоть как-то отреагирует, но тот продолжал сохранять своё привычное хладнокровие, которое любой другой мог легко спутать с безразличием:

— Токмо так аз смог закалить тебя. Спусти всё на нет, ты и дальше бы плакался Милке, думая, оже у меня уши отпали. Да, да, диву не давайся, ведаю про тебя больше, чем ты сам! Вразуми, оже настоящая мастрота приходит лишь тогда, внегда на своей шкуре испытать доведётся, будь тебе аже столь кругов, аки мне. Потому: сделал, оже сделал и смолвил, оже смолвил..., но и взор с тебя никогда не спускал.

— А я ведь догадывался, что ты Ховалу подослал!

— Зла на тебя не хватало..., да тебя одного оставь — оглянуться не успеешь, аки лоб расшибёшь! Думал: пристрою в добрые длани, в голову чего путного вобьют, шишек нахватаешься, а аки время подойдёт, то сам тебя найду. Оказалось, оже всё это время аз был слеп... В надежде убережь мир от тебя, аз совсем перестал смотреть по сторонам.

— Убережь мир от меня?! — возмутился Яромир. — Я-то уж чего плохого могу сделать?

— Вот, именно по этому. — с досадой выдохнул старик, ковыряя веточкой в пепле костра. — Ты стал добрым богатырём, повзрослел аки духом, так и телом, но всё ещё не готов... Необузданно горяч, своенравен, доверчив и противоречив!

— Хватит уже темнить! — вспыхнул Яромир и в сердцах швырнул меч-кладенец на

землю. — К чему ты меня готовишь? Не вернуть-ли, часом, Чернобога, как старуха говорила?!

— Как же Ягиня глубоко засела в твоей голове... — старик с жалостью посмотрел на Яромира. — Именно, оже — «не вернуть!». Сила тёмная, сила хитрая вновь поднялась из мрачных чертогов. Мои чаяния, оже с ней покончено рухнули, вегда ты привёл Ягиню на мой порог, и она натравила на меня чудище. Траян схоронил меня, токмо из-за неё аз взглянул на мир уже совсем другим взором.

— Почему тогда не пришёл за мной ещё пока я был в Слав-городе? Вместе мы бы мигом с ней справились! Знаешь ведь, что я бы жизнь за тебя отдал!

— Ты обуза. — холодно и жестко перебил старик, глубоко задев Яромира за живое. — Аз ведал, где ты, того и достаточно. Чёрный Круг захватил власть. Мой долг — их остановить, а ты бы оказался лишь назойливой собачонкой, мешающейся под ногами: слишком несведущий, слишком неуправляемый, слишком слабый! Притом, оже слишком ценен, абы попусту жертвовать тобой, да и не ведомо мне было, оже Круг и до твоего брата добрался. Тогда, может, всё и по-другому бы вышло... Каждый из них в разы могуче, чем те плешивые псы, оже чуть мокрого места от тебя не оставили. Аже эта тварь рядом не стояла! Благо, мы с Траяном наткнулись на тебя в Пограничье... Не помоги мы, не верни в Три дуба, то уже давно бы твои кости обратились в мертвие, а, глядишь, и того хуже! С другой стороны, и из этого путного мало вышло...

— Значит, всё это время ты был где-то рядом... — пораженный Яромир непонимающе уставился на старика. — А медведь?

— И медведь! — возмущенно отмахнулся старик. — И так бы продолжалось, покуда мы не выяснили, откуда ноги растут. Ведь аз уже почти распутал клубок... Посетил Сталь-град и был на пути в Солнечногорск, как вороны принесли дурные вести. Аки прознал, оже Круг послал за тобой Кривжу, оже Ягиня схоронилась в Трёх дубах, то стремглав помчался тебя выручать. Прислал Гриву и Ховалу, но сам немного припозднился. Теперича, выясняется, оже, помимо одной досады, выяснилось тут ещё и полубоги шастают без присмотра...

Солнечный блик отразился от лезвия меча-кладенца и болезненно ослепил Яромира.

Озарение пришло само собой:

— Если, даже этот клинок не может убить беса, — задумчиво пробормотал Яромир. — значит, в нём тоже течёт славная кровь? Как такое возможно?!

— Сейчас сижу и задаю себе этот же вопрос... — старик снял готовый гриб и, прямиком с огня, забросил в рот, даже не поморщившись. — Аки Ягине удалось сотворить из самой что ни на есть нижайшей из тварей целого полубога? Такое создание запросто мог породить Чернобог, но для того нужны воды Забвения и сила Сварога, абы привести его в Этот мир... Ещё Волх мог произвести на свет такую скотину, токмо и его я упокоил...

— Ты лично встречал Волха?! — глаза Яромира вновь округлились от удивления. — Кто же ты тогда такой на самом деле...?

— Да, скажи ему уже наконец! — за спиной раздался холодный голос Ядвиги. — Хватит вертеть хвостом!

Она появилась неожиданно и бесшумно.

Вышла из тени леса, опираясь на посох старика, будто ещё совсем недавно не была убита бесом.

Яромир мгновенно схватился за меч, подскочил, чтобы защититься, но ноги подкосились, и он тут же повалился обратно.

Он всё ещё был не готов...

— Ни шагу дальше! — испуганно выпалил Яромир, отползая ближе к камню и угрожающе тыча в Ядвигу остриём меча-кладенца.

— Глупый, опусти игрушку, — с нежностью ответила она, мило улыбнулась и повеяло, так любимым Яромиром, ароматом малины и шиповника. — поранишься!

Голос Ядвиги звучал привычно, но выглядела она иначе.

Черты лица огрубели, выточились и исхудали, что никак не уменьшало её красоты.

Длинные каштановые волосы не потеряли лоска, но поменяли цвет, став угольно чёрными.

— Аз знал, оже, рано или поздно, ты явишься. — огоньки костра угрожающе плясали в глазах старика. — Вот, Яромир, познакомься с ней настоящей. Перед тобой — Ягиня, богиня ночи и... моя жена...

— Можно просто — Яга. — ехидно поправила она старика и приблизилась к костру, огонь которого запылал зелёным светом. — Ты же не против, если я потолкую с вами? Думаю, раз вся семья в сборе, то и Яромир достоин знать всю правду, а не только развесить уши на твои бредни, выдумки и умалчивания!

Мир Яромира рухнул.

Голова закружилась, замутило, тело обмякло.

Он судорожно бегал глазами от старика к Ядвиге, не в состоянии поверить в реальность происходящего. Хотелось проснуться, убежать, но боль в теле неустанно напоминала, что всё, что творилось здесь и сейчас, к сожалению, не было сном...

— Что вы вообще такое несёте?! — ошарашенно выдавил он, направляя меч то на старика, то на Ядвигу.

— Ты же мой хороший, — жалостливо прошептала она. — как же тебе досталось... Позволь, помогу.

Ядвига протянула к нему руку, но Яромир лишь отмахнулся от неё клинком, чуть было не лишив пальцев.

— Значит, будешь кусаться? Ну, ничего, я тоже тебя немножечко покусаю, ты только потерпи...

Она щёлкнула пальцами, стукнула о землю посохом, как тут же тело Яромира пронзала острая, жгучая боль, которая, как казалось, выворачивала все мышцы и кости на изнанку.

Он до скрипа стиснул зубы, пот покатился градом, но вспышка боли прошла так же быстро, как и наступила, не оставив и следа от всех рваных ран и переломов.

— А ты его дерьмом пичкал... Нет, чтобы сразу так? — возмутилась на старика Яга и протянула ему посох. — Он мне больше ни к чему.

Старик молча принял его и указал Яге на свободное место у костра, тут же ощутив на себе полный недовольства и возмущения взгляд Яромира.

— Ты имеешь полное право злиться, мой дорогой. — с наигранным спокойствием обратилась она к нему, усаживаясь напротив. — Прежде, чем всё это зайдёт слишком далеко, хочу, чтобы ты знал: всё что я делала было исключительно из любви к тебе.

— Весьма занятный способ показать чувства, — сухо перебил её старик. — натравить порождение тьмы.

— Сама страшусь того, во что он превратился... — её голос виновато дрогнул. — Ты, как всегда, в своём духе: спустить всех собак, а только потом уже разбираться. Ни капли не изменился! Самовлюблённый, заносчивый, королюбий, старый слепец!

— А ты — всё так же остра на язык. — игриво улыбнулся старик в ответ. — Оже Кашею нужно от Яромира?

Яромир в очередной раз удивлённо вздёрнул брови.

— Он всё такой же недалёкий, как и ты. Время вас так ничему и не научило. — Яга важно подбоченилась. — Брат полагал, что я с тобой за одно, поэтому наивно надеялся, что какому-то волколаку хватит сил совладать со мной. Хотел выведать, что тебе известно о планах Круга.

— Аки коварно ты всё провернула. — восхищённо протянул старик, подбрасывая трута в огонь. — Аз уже подумал, оже ты вернулась под его крыло.

— Если Кашей доберётся до меня, — Яга поменялась в голосе и тень от дерева мрачно упала на её лицо. — то заставит мучаться до окончания веков. Он никогда ничего не забывает и не прощает...

— И ты не нашла ничего лучше, чем прикрыться от него Яромиром и поганым выродком, в надежде, оже они тебя защитят... В целом не дурно, но исполнение — так себе! Гляжу, ты тоже не шибко изменилась.

— Не слушай его, — возмущенно вспыхнула Яга, обратившись к недоумевающему, что происходит Яромиру. — Корчит всего из себя такого правильного отца, мудрого старца, вездесущего и всезнающего..., как будто за ним не водится грешков?! Хочешь знать правду? Он прятал тебя в лесу, полагая, что делает миру услугу, пытаясь закопать поглубже свои былые грехи! Да, навь, нэсть иже новь явь?! Боишься ему сам во всём признаться, скотский ты божок?

Яромир медленно повернулся к старику, продолжавшему, несмотря на все обвинения, сохранять каменное спокойствие.

— Твоя правда. — он холодно нарушил недолгое молчание. — Боле скрывать нечего...

Брови нахмурились, лицо помрачнело.

Яромир с детства знал, что за этими нахмурившимися бровями всегда следовало что-то очень недоброе.

Ветер налетел неожиданно, подбрасывая сухие веточки, листочки и траву в воздух.

Даже сами туманные топи взволновались...

Зелёные языки костра налились кровавым оттенком, отбрасывающим устрашающую тень на лицо старика.

— Аз навь, нэсть иже новь явь... Отец жизни, отец смерти, князь мироздания, страж миров, податель богатства, хранитель мудрости, ...

— А также безграничной глупости и чрезмерно раздутого самолюбия... — съязвила Ядвига и самодовольно подпёрла голову руками.

Старик бросил на неё уничтожительный взгляд и продолжил:

— Аз есьм порядок и хаос, аз есьм честь и лукавство, аз есьм — Велес!

Последний луч солнца блеснул на горизонте и погрузил Туманные топи в полумрак, предоставив их чистому звёздному небу.

— Многие объясняет... — угрюмый Яромир старался не показывать охватившее его волнение, но нервно стучащие пальцы по рукояти меча говорили сами за себя. — Значит и Траян — тот самый?

Велес утвердительно кивнул:

— Траян — мой сын и Дивы Додолы, стараниями Яги запертый в теле лошади.

— И я бы без раздумий сделала это снова! — Яга вновь поймала на себе устрашающий

взгляд Велеса и ответила ему не менее красноречивым взором.

— Получается, что былины и песни правдивы?

— Далеко не все, но, в целом — да...

Глава 16: «Никто из нас не чист.»

— Люди очень уж любят всё приукрашивать, чтобы всё складнее смотрелось со стороны. Воспевают Сварога, Перуна, Живу, его, будто на них одних весь свет держится... На деле, всё далеко не так однозначно.

— Так для чего же великому Велесу потребовалось потратить столько кругов и сил, чтобы вырастить такого непутёвого, как я?

— Даже Род-отец ошибался... — хмуро и холодно ответил тот.

— Род бросил к вашим ногам мироздание и, ничему не научив и не оставив никаких указаний, скрылся в небытии! Вот вы и вели себя, как дети в песочнице, оставленные без надзора — строили замки и мерились друг с другом причиндалами. — выпалила Яга. — Какой же ты, Яромир, глупый! Эта лукавая метёлка всё делает лишь из собственной выгоды. Все, кто оказывался втянут в его игру плохо кончали. И больше всех его дети: Сон, Волх, Траян и, куда же без любимчика — Ярило, не говоря уже о сотнях остальных! Все они верили в незыбленность и мудрость скотьего бога, бездумно следовали за ним, за это и сложили головы. Кстати, про Ярило... а не расскажешь ли ты, любезный муж, как же всё-таки закончил этот златоволосый красавец?

— Еже ещё раз услышу из твоих поганых уст его имя, придушу собственным языком.

— Какой злой... — фыркнула Яга и вернулась к Яромиру. — Вот и ты — просто скотина на убой, сделать то, на что ему силёнок уже не хватает, а коли не получится, то испустить дух. Глядишь, там и другой дурачок найдётся. Что он, что Кашей — всё едино...

— Доколи тебе ведомо?! Кашей безумен, жесток и непредсказуем! Ярило и Славомир открыли мне волю Рода-отца, вернули на путь истинный, вновь наполнили мою жизнь смыслом. Кашей же так и остался в тени Чернобога, такой же упрямый и твердолобый, как его отец..., возведший его извращённые желания да апогея, превратив в отвратительное, кровавое жертвоприношение!

— И снова эти бредни умалишенного... Ну совсем ни капли не изменился. Яромир, что бы ты понимал, вот этот разваливающийся кусок Зимуновой лепёхи, вместе с Кашеем основал треклятый Круг Черного солнца, и при этом продолжает называть отца бездушным глупцом, а брата — мерзкой скотиной.

— И на всё то имеются весомые причины!

— Но ведь Круг желает вернуть Чернобога, — недоумевающе вмешался в спор Яромир. — разве нет?

— Изначально всё было не так. — Велес вытащил из сумки горстку соли и бросил её в огонь, языки которого заплясали с новой силой в причудливых формах. — Сварог сбился с пути, бросил молот, погряз в похоти, пустил всё на самотёк. Мы с Чернобогом старались сдержать порядок, убедить его по праву занять место праотца. Он должен был рожать новые звёзды, ковать миры, а не возлежать со смертными! Только Сварог — властолюбивый упрямец, считал иначе. Решил дать антам свободу, не вмешиваться и не навязывать им нашу волю, позволить самим решать по какому пути идти.

— Да, да... — саркастично улыбнулась Яга. — И теперь мы все прекрасно видим, какой прекрасный, полный солнечных водопадов, радужных цветов и молочных рек с кисельными

берегами мир из этого получился.

— Аз и Перун желали преподать Сварогу урок, но её отец перегнул палку! Белобог ослушался Сварога и, из любви к брату, в тайне ото всех пришёл к нему в Иной мир. По нелепой случайности, сам того не желая, Чернобог столкнул Белобога в Забвение, породив Скипер-змея... Тогда всё и началось.

— Значит, ты помог Чернобогу убить Сварога? — в глазах Яромира блеснула искорка презрения.

— И да, и нет, сын.

— Опять лукавишь! — тут же вмешалась Яга. — Он помог Чернобогу обуздать Скипер-змея и породить первых созданий, самых страшных из чудовищ. В остальном отец справился сам.

— Но и смерти брата аз не желал! Внегда силы Старграда сдались и Сварог стоял перед нами на коленях, аз всё ещё чаялся переубедить Чернобога, разделить силу Сварога среди всех ассов, но опоздал. Безумие обиды от потери и одиночества, слепая вера в исключительность собственной правоты совратили его разум. Он сломал равновесие мироздания, за оже теперь расплачиваемся мы все.

— Так посмотришь — простой безумец... — негромко подытожил Яромир. — Зачем ему потребовалась вся сила Сварога?

— Чернобог возжелал разыскать Рода, свергнуть все отца, занять его место и в одиночку перестроить мироздание таким, коим он хотел его видеть.

— Тогда зачем тебе нужен был Круг, раз Чернобог так жесток?

— Представь, что самые богатые князья в одночасье становятся самыми нищим из всех нищих... — заумно начала Яга, но её тут же оборвал Велес.

— Не перебивай, приبلуда! В день Великой ассы мы потеряли дом, близких и связь с силой Рода. Ежели бы Славомиру по счастливой случайности не досталась сила Сварога, то и от оставшихся из нас давно уже ничего не осталось. И аз верил в Славомира, оже он вновь объединить нас. Аз смог убедить остальных довериться ему, но и в нём мы ошиблись...

— Ты ведь уже хорошо успел понять людей, мой хороший?! Ты видел человеческие страхи, изменчивость желаний и скудность дум. Славомир взял их под своё крыло и использовал многих из ассов в основании Новой Сварги, в то время как люди, защищенные от нечисти и ни в чем не нуждающиеся, плодились с невиданной скоростью. И что думаешь произошло дальше?

— Полагаю, что ничего хорошего...

— Анты крепчали, — с явной обидой в голосе продолжил Велес. — их становилось все больше и больше. Славомир рождал богатырей, люди — людей, а мы — медленно увядали.

— В то время мы с тобой и сошлись... — ностальгически вздохнула Яга, бросив в сторону Велеса кокетливый взгляд.

Велес же сделал вид, будто её совсем не замечает:

— Славомир позабыл, про данное мне обещание! Ассы воспротивились Сварогу, внегда он породил антов. Лишь аз поддержал его! Аз дал антам порядок! Аз породил всё живое, дабы род их мог жить! Аз даровал им знания, дабы в суровую зиму Марены род их мог жить! Асс не может пресмыкаться перед антом!

Возмущенный тон разозлившегося Велеса громогласно пронёсся по Туманным топям, распугав приготовившихся ко сну птиц.

— И мы пришли к Славомиру, выдвинули требования, но получили отказ. Позорный

отказ, выставивший нас немощными и недостойными... Тогда-то анты и увидели в ассах равных, а внемда мы решили напомнить им их место, то они хватились за вилы.

— Яромир, люди, обезумевшие от страха оказаться под пятой богов с хомутом на шее, объявили на нас охоту. Они наплевали на запреты Славомира, хоть к нему самому и продолжали относиться с почитанием. Остальных же из нас резали, жгли, топили, расчленяли, душили, топтали копытами. Для людей быть ассом стало страшнее поганейшей из нечисти.

— Аз и решил взять всё в свои руки. — Велес тяжело вздохнул. — Кто-то из ассов смирился и подчинился антам, кто-то бежал в дальние края, кто-то смог скрыться в толпе и стал жить среди людей, а кто-то так и не смог стерпеть унижения.

— Но, почему именно Круг Черного солнца?

— Идеи Чернобога критичны, безжалостны и неотвратимы, но полны смысла и вызывают глубокое уважение. Хоть аз с ними в корень не согласен, но, всё же, взял часть из них за основу...

— Мы взяли... — обиженно попыталась перебить его Яга, но Велес вновь сделал вид, что её не замечает.

— Своими собственными руками аз возводил эти миры. Каждая пылинка и травинка, каждая пчелка, каждый гад — часть меня, часть каждого из ассов. Жизнь — прекрасна, смерть — прекрасна и аз не желаю, абы всё наши труды оказались стёрты в небытии. Аз желал найти врата в Ирий, возродить Старград, дать ассам новый дом, в дали от антов, восстановить утраченные силы, но Кашей лишь улыбался в глаза, и вёл за спиной свою незримую игру.

— Брат возжелал вернуть отца к жизни. Он верит, что с возвращением Чернобога мы вновь обретём былое бессмертие, силу и власть — то, что принадлежит нам по праву.

— Глупец! — Велес гневно ударил кулаком о землю. — Чернобог принесёт с собой лишь разрушение, страдание и конец всего живого! Аз не желаю антам зла. Ярило смог показать мне, оже люди, со своей короткой жизнью, не так уж и отличаются от нас. Среди трусости и порока, полно прекрасного, нежного, умеющего не только разрушать, но и создавать настолько чудесные вещи, оже диву даёшься. Сын ценой собственной жизни доказал: анты достойны той свободы, оже пожелал дать им Сварог. И тогда ко мне пришло осознание замысла брата и отца-Рода... Наблюдая за антами, ассы должны были научиться создавать, ценить, любить и заботиться! На деле, ассы оказались аже боле заносчивы, самовлюблённы и трусливы, чем анты. Но никто же не хотел слушать Сварога... Аз пожелал оставить людей в покое и повести ассов, обучить их, дать новую жизнь, но меня предали. Она предала...

— Признаюсь, виновата! — невинно пожала плечами Яга, тщетно старавшаяся отряхнуть порванное, испачканное платье. — Все пошли, и я за ними. Ох, как же лукавые речи Кашея бессовестно дурманили умы...

— Сын, намотай на ус: Чернобог не должен ступить в Этот мир, иначе всё, оже мы знаем сгорит в пожарище проклятой звезды. Аже Семаргл не сможет укротить её пламени. Внемда мои очи узрели эту истину, аз поднял ассов, как думал, убил Кашея и разрушил Круг Черного Солнца.

— Так много славных ассов сложили головы за зря... Дурни, вновь доверились тебе, но так ничего и не добились. В прочем, как всегда... Брат живее всех живых и безмерно жаждет поквитаться с тобой.

— Ты снова не ответил на мой вопрос. — нарушил молчание Яромир, подняв на Велеса полный недоверия взгляд. — Для чего тебе нужен был я?

— На Черный день. — коротко и твердо ответил тот.

Языки костра яростно плясали в тяжелом, гнетущем взгляде Велеса, но Яромир выдержал его и не отвернулся.

— Он, Яромир, — насмехающимся тоном подхватила Яга. — верит, в предсказания одной скрюченной, слепой, карги.

— Макошь, аки ведаешь, никогда не ошибалась. — сурово возразил Велес.

— Брехня! Дитя Славомира, ни черное, ни белое, что вернёт ассов в Ирий, либс принесёт им погибель. Напомнить, сколько кругов вы с Кашеем искали подходящего славича, сколько рек крови пролили и что толку?

— Никто из нас не чист. — Велес подсел поближе к костру и запустил руку в огонь, который, на удивление Яромира, его совсем не обжигал. — Аз совершил множество ошибок, но: время — не вода, вспять не воротишь. Жизнь среди антов многому меня научила, и теперь аз вижу мир совершенно иначе. Сын, тернистый путь свёл меня с твоим отцом и именно тогда аз понял, оже время настало. Аз поведал князю всю правду, и они с женой по добру позволили мне выбрать нужного из вас. Ты, Яромир, источал самую сильную энергию среди всех, поэтому аз дал обещание стеречь тебя, аки зеницу ока, и сделать всё, дабы ты был готов окончательно покончить с темной силой. Тогда же аз прознал, оже и Кашей направился за вами в Слав-город. В спешке было принято решение бежать, но Ольга не смогла тебя оторвать от сердца, поэтому Ярослав в тайне вывез нас из города и путь наш лежал как раз через эти самые топи... Но, оже разговоры разговаривать, еже можно лицезреть всё её глазами.

Велес настойчиво переглянулся с Ягой.

— Ну уж нет! — возмущённо воскликнула она и подскочила на ноги. — Хочешь, сам показывай, а меня не впутывай?!

— Во что тебя не впутывать? — насторожился Яромир, крепче сжимая рукоять Кладенца. — Тебе сейчас лучше выкладывать всё, как есть, подобру-поздорову, покуда я окончательно не осерчал!

— Ишь какой! — фыркнула Яга. — Дали мальчишке палку-убивалку, теперь будет думать, что может кошмарить всех, кого ни попадя!

— Заткнулась!

Велес ударил посохом о землю, и Яга, задыхаясь, рухнула на колени.

— Аз же тебе предрёк, — его голос железным звоном отзывался в голове Яромира. — ещё один писк с твоей стороны — придушу!

Лицо Яги стремительно синело, глаза налились кровью. Она умоляюще протянула руку Велесу, давая понять, что согласна на всё.

Раздался ещё один удар посоха и Яга, свернувшись калачиком, принялась жадно хватать ртом воздух.

— Кхе-кхе! Вот, как такому мужчине можно отказать? Кхе-кхе!

Яга бросила на Велеса полный ненависти взгляд, ещё раз прокашлялась, вырвала небольшой клочок волос и бросила его в огонь:

— Будь так любезен! — вызывающе попросила она Велеса, глазами указывая на посох.

На третий удар рыжее пламя костра снова залилось зеленью и вокруг Яромира быстро за клубился густой черный дым.

Он тут же вспомнил прошлый опыт, приключившийся с ним у старушки на болотах, поэтому расслабился и затаил дыхание.

Дым рассеялся, и Яромир вновь оказался на злосчастном холме, под развесистыми зелёными ветвями дуба.

Вокруг не было ни единого признака топей, лишь протоптанная множеством караванов тропа пересекала поросшую редкой осокой низину, расстелившуюся перед сосняком, что едва проглядывался сквозь клубящуюся стену дыма.

Как и в прошлый раз, первым показался князь Ярослав, облаченный в то же тёмно-красное платье, расшитое золотыми нитями и опоясанный мечом-кладенцом. Только сейчас грудь князя дополнительно защищал и стальной доспех, аккуратно подогнанный и застегнутый поверх одежды и искусно выгравированной Звездой Сварога.

Точно такую же защиту носил и Руевит, каждый раз, когда выезжал в поле.

При виде отца, будто сошедшего с той самой картины, висевшей над очагом Игоря в Слав-городском тереме, у Яромира перехватило дыхание.

Он уже и не мог надеяться, что ему вновь доведётся увидеть отца воочию, пусть даже в таком причудливом видении...

Неожиданно, следом за Ярославом выехал всадник.

Яркий золотой блик от гривы его скакуна заставил Яромира прищуриться, после чего он обомлел пуще прежнего.

Траян, запряженный в добротную сбрую, усыпанную драгоценными камнями, нёс на спине статного война с едва проблескивающей сединой в чёрных, как дёготь, волосах, собранных очельем, и густой, ровно подстриженной бороде.

Тёмно-синее платье и посох, который ни с каким другим не перепутать — Велес. Далеко не тот седой старик, которого так привык видеть Яромир, но и ошибиться он не мог.

Это точно был Велес.

Ярослав остановился у подножья холма и его голос грозным эхом разнёсся по округе:

— Всем держать ухо востро! Сердце чует что-то неладное...

Из тумана выехала карета, окруженная самыми подготовленными воинами, коих доводилось встречать Яромиру.

Порядка тридцати витязей, грозных и хладнокровных, каждый из которых стоил доброго десятка ратников.

Руевит прекрасно научил Яромира с одного взгляда безошибочно оценивать боеспособность врага...

«Серьёзная дружина... Кому же оказалось под силу совладать с такими?» — только подумал Яромир, как посреди поляны рыхлая земля обвалилась и из образовавшейся ямы показалась маленькая девочка, с длинной черной косой, одетая в драные обноски и с грязной, окровавленной тряпкой, повязанной на глаза.

Девочка появилась неожиданно и оскалилась в мерзкой улыбке, заставив коня Ярослава от испуга подняться на дыбы.

— Стерва подколодная! — вскричал Велес, развернул Траяна и занял место в голове отряда. — Защищайте княгиню!

— Щиты! — Ярослав лязгнул ножами, с лёгкостью успокоив напуганное животное.

Плотная пелена тумана быстро поползла по земле, нарушая спокойствие и безмятежность окружи, скрывающимся в нём устрашающим рычанием, доносившемся со всех сторон.

Тяжелый, прелый воздух сдавил грудь Яромира, и он почувствовал приближение неведанной доселе опасности...

Буквально в трёх шагах от него из ниоткуда посыпались искры, будто кузнец выбивал их молотом из наковальни. Искр становилось всё больше и больше. Они вертелись и кружились, быстро образовывая из себя ровный круг, из которого на холм вышло шесть фигур, облаченных в черные вотолы с глубокими накидками на головах.

Один за одним, все они показали свои лица.

Первой Яромир признал Ягу, такую же молодую и знойную красавицу с белоснежной кожей, которая еще несколько мгновений назад сидела подле него у костра.

— Подлая перебежчица! — презрительно плюнул Велес в сторону Яги, которая ответила лишь коварной, раздражающе-невинной улыбкой.

По левую руку от неё стоял высокий, худощавый мужчина, больше походивший на вурдалака, чем на человека. Мертвецки бледная кожа отвратительно обтягивала череп, подчеркивая впалые мутно-белые зрачки глаз, почерневшие веки, острые скулы и толстые нити вздутых чёрных вен.

«Кащей...» — подметил про себя Яромир, стараясь получше запомнить лица каждого из присутствующих.

По правую руку от Яги опирался на костяной посох сморщенный, скрюченный, одноглазый старик, с длинными прядями слипшихся седых волос, как попало падающих на лицо.

Над ним, с самовлюблённым видом, возвышался молодой юноша, на вид ровесник Яромира, с огненно-рыжими волосами и такой же короткой бородкой.

На удивление Яромира, его и стоящего впереди старика лица оказались буквально копией друг друга.

По левую же руку от Кащея, стоял иссиня-бледный мужчина средних лет, кожа которого источала морозный пар, а вместо волос и бровей был чистый лёд.

Последним членом Круга оказалась зеленоволосая, кудрявая девушка с лицом, украшенным охотничьим раскрасом, снимающая с плеча боевой лук причудливой формы.

«Запомню каждого, найду и прикончу...» — с непривычной для себя злостью заключил Яромир, как от мыслей тут же оторвал Ярослав.

Глава 17: «За язык тебя никто не тянул, княже.»

Князь издал боевой клич и пустил коня на продолжавшую смирно стоять девочку.

Тяжеленный боевой скакун даже и не заметил бы хрупкого ребенка под копытами. Пронёсся вперёд, растоптал, переломал кости и дело с концом, но она не отступила, лишь снова натянула омерзительную улыбку и резко взмахнула рукой.

Прямо перед ней, из-под земли с грохотом и треском вырвались толстые корни, в миг опутавшие ноги Ярославского скакуна.

Под истошное, близкое к безумию ржание, ноги коня переломились и животное повалилось на землю, по инерции выбросив князя из седла далеко вперёд.

Чудища, всё это время выжидавшие своего времени в тумане, напали на дружинников одновременно со всех сторон.

Яромир ещё никогда раньше не видел, чтобы такое количество самых разнообразных тварей могло действовать так слаженно и скоординировано, будто единое, хорошо обученное войско.

Дружина не дрогнула.

В глазах витязей Яромир не видел ни страха, ни отчаяния, лишь несгибаемую волю и жажду доброй битвы. Каждый из них готов был без малейшего колебания отдать жизнь за князя.

Такая могучая дружина могла быть самой настоящей мечтой и гордостью любого воеводы...

Словно поминальная песня свистели клинки.

Острые когти со скрежетом скребли и стучали по доспехам и щитам.

Чудища выли от боли, обжигаемые прикосновениями серебряных мечей и копий.

Сам Велес в одиночку стоял против десятка тварей, разбивая зачарованным посохом головы, ломая кости, сжигая тела проклятых созданий до тла.

Дружина держалась достойно, ни на шаг не отступая и не подпуская чудищ к карете, изнутри которой доносился едва слышный детский плач.

Яромир крепко сжал Кладенец и уже хотел броситься в толпу, помочь отцу, защитить мать, но ноги его будто приросли к земле.

Он мог лишь только наблюдать...

Ярослав ловко отбивался от пытающихся схватить его корней, подскочил к девочке и уже замахнулся, чтобы лишить её головы, но Кладенец лишь просвистел над её макушкой, а сама она так же лихо скрылась под землей, как и появилась.

— Зараза! — Князь недовольно сплюнул и стремительно помчался на помощь дружине.

Он видел, как его коня, будучи ещё живым, корни утянули под землю, но Ярослав уже ничем не мог помочь бедному животному.

Только добежать до кареты князю не удалось.

Взмах меча и пара упырей замертво упала у ног Ярослава, как, откуда ни возьмись, дорогу ему перегородил Кащей.

Даже Яромир не заметил, каким образом властитель ночи сумел так быстро спуститься с холма.

— Достал, всё-таки, колдун трухлявый!? — даже с холма Яромир чувствовал весь гнев и бесстрашие Ярослава. — Знай, что сына только через мой хладный труп увидишь!

— За язык тебя никто не тянул, княже. — холодно и мрачно прохрипел Кащей, обнажив свой искривленный обсидиановый клинок. — Зуб Забвения уже так давно не вкушал славной крови...

Это оружие, Яромир множество раз видел его в своих видениях.

Ледящий холод смерти пробежал по его спине, необузданный страх перехватил дыхание.

Неужели тот черный воин с холма, что принесёт Яромиру смерть сам Кащей...?

Меч-кладенец и Зуб Забвения столкнулись, выбив сноп разноцветных искр.

Ни один из клинков не уступал другому в силе, ровно, как и воины, что ими владели.

Велес, видя, что Ярослав отрезан от остальных крутанул посох над головой и с силой ударил о землю.

Невиданной силы волна воздуха вырвалась из-под него, на много шагов отбросив заметно превосходящих числом чудищ назад.

У воинов появилось короткое время на передышку и перегруппировку, ведь несколько из них всё же пали под натиском верлиок, сирин, каркарадилов и упырей.

— Помните, — с величественным видом, перед заметно уставшими воинами выехал Велес. — всё в Этом мире смертно! Нет страха! Нет боли! Сегодня вы умрёте, но уже завтра возродитесь вновь, аки солнце, оже рождается с рассветом! Докажите мне, оже вы властны над смертью! Оже вы, аки первые анты — подобны ассам! Пусть отродье чёрное зреет лишь пламя в ваших очах! Пусть они страшатся вас! Устройте воронам пир, невиданный доселе! Гой еси, братия! Вернём же поганых тварей обратно в Забвение!

Мужики, успевшие перевести дух, одобрительно застучали рукоятями по умбарам.

Траян резко дернулся в сторону и рядом с ухом Велеса просвистела стрела, насквозь пробившая доспех ратника, стоящего за ним.

— Девана... — Велес бросил злобный взгляд на уже натягивающую следующую стрелу зеленоволосую охотницу и громко скомандовал. — Сомкнуть щиты! Прикрыть холм!

Дружина перестроилась мгновенно, а сам Велес занял оставшуюся открытой позицией за каретой.

Одну за другой Девана пускала стрелы, глубоко вонзающиеся в толстые дубовые щиты, силой выстрела, едва не выбивая витязей из седла.

Яга, инеголовый и рыжебородый сбросили вотолы и стали медленно спускаться с холма.

Патлатый старец, что остался с лучницей наверху, поворожил над посохом, стукнул им о землю, подобно Велесу, и твари, до этого умерщвлённые мечами дружинников, принялись подыматься на ноги.

Глаза их горели бледно-зеленым, тусклым светом и из пастей шёл такой же зачарованный пар.

Ни живые, ни мертвые, подобия вурдалаков навалились на Велеса с новой силой.

Яромир почувствовал, как от волнения намокли ладони и пот лился по спине ручьём.

Он никогда еще не встречался с такой силой, и она его по-настоящему пугала...

Как Велес думал, он сможет совладать хотя бы с одним из них, если без ворожбы даже простейшего беса одолеть не смог?! А тут целые боги...

Ярослав же все это время пытался пробиться к остальным, то и дело безуспешно оттесняя и продавливая Кащю, который, как успел подметить Яромир, сражался далеко не в полную силу.

Уже несколько раз Ярослав открывался, но Кащей намеренно не наносил смертельного удара. Он лишь изматывал и издевался над князем.

Яромир понял, что у костлявого были на отца совсем другие планы.

Чудовища, плотно наседавшие на дружинников, неожиданно остановились и дали дорогу своим предводителям.

Первым вышел огнебородый.

С играющей ухмылкой он выхватил из-за пояса два клинка-полумесяца, лезвия которых переливались ярким цветом расплавленного золота.

«Былины не лгали...» — с любопытством разглядывал огнебородого Яромир. — «Дый Златолюб и его Когти Жар Птицы.»

Инеголовый Яромир не знал, но его вотола скрывала под собой ледяные доспехи, парящие холодной дымкой, а на месте, где ступала его нога оставался отчетливый след из снега.

Морозный воин протянул руку в сторону. Ветер вокруг его ладони закружился, быстро слепляя влагу тумана, которая превращалась в длинное, крайне острое на вид, ледяное лезвие.

И даже при виде настолько необычных и устрашающих врагов дружина Ярослава не дрогнула и не пустилась наутёк.

Они сомкнули щиты, издали громогласный рёв и пошли в опрометчивую атаку, понимая, что впереди их ждёт только лишь смерть.

В этот миг всё нутро Яромира наполнилось к этим мужам безграничным уважением, ведь на их месте он поступил бы точно так же, как и любой истинный воин...

Один за одним, они, вместе с лошадьми, замертво валились на землю, пораженные колдовским оружием.

Последние силы стремительно покидали их. Кровь безостановочно хлестала из множества ран.

Когти и зубы вновь и вновь восстающих чудовищ глубоко впивались в их тела, отрывали руки и головы, но и тогда никто из дружинников не отступил.

Даже невероятно точные стрелы Деваны, с легкостью пробивающие самые толстые доспехи, не смогли сломить их.

Жили настоящими воинами... и умирали, настоящими воинами...

Велес, видя, что дружины больше нет, спрыгнул с Траяна, лихо отшвыривающему чудищ серебряными копытами в разные стороны, и бросился наперерез Дью и Инеголовому:

— А ну, сопляки, покажите, чему вас обучил этот мешок с костями!

Он дерзко попытался привлечь к себе внимание и ему это удалось.

Ассы переглянулись и вместе набросились на Велеса, принявшегося с неистовой яростью охаживать их посохом.

Яромир почувствовал, как он всё ещё давал Ярославу шанс успеть первым добраться до кареты.

Яга же будто плыла над полем брани.

Она аккуратно переступала через лежащие у её ног тела, бережно поднимая подол платья, чтобы ненароком не испачкать его в лужах крови.

Всё-таки она подошла к карете первой и, только ей стоило открыть дверцу, как изнутри блеснуло лезвие, срезав прядь её распущенных лоснящихся волос и оставив на щеке неглубокий порез.

Княжна Ольга, с выпученными от страха голубыми глазами, яростно размахивала маленьким клинком, старательно пряча плачущего на её руках маленького Яромира.

Но она была всего лишь княжной...

На мгновение взгляд Яги с нескрываемым любопытством задержался на запястье Ольги после чего хлесткий удар тыльной стороной ладони поубавил пыл княжны, отправив её в глубокий сон.

Яромир на её руках закатился слезами пуще прежнего, своим криком привлекая внимание Ярослава.

Сквозь толпу чудищ и всё ещё стоящего на ногах Велеса, князь разглядел черное платье Яги, нырнувшей в карету.

Ярослав пришёл в ярость.

Неожиданный тяжелый удар отбросил Кашея в сторону и, прицелившись, князь метнул Кладенец в Ягу.

И клинок непременно бы угодил прямиком в колдунью, не одерни его руку неожиданно вырвавшийся из земли корень.

Клинок совсем немного отклонился от курса и пробил борт кареты в каких-то паре дюймов от головы Яги, которая от неожиданности вывалилась на улицу, прямиком в лужу из крови и кишок кикиморы.

Все надежды на спасение Ярослава рухнули, как и надежды Яромира...

Корни мгновенно оплели тело князя и крепко прижали его к земле, лишив всякой возможности двигаться.

— Не мытьем, так катаньем... Да, колдун? — полным усталости и безысходности голосом прокряхтел Ярослав, злобно сверкая глазами на приближающегося Кащея.

— Я давал тебе возможность выбрать правильную сторону, — хриплым, мертвым голосом ответил Кащей. — Видишь-ли, вся кровь, что пролилась сегодня — на твоих руках. Угомони ты свою больную гордость и сомнительные потуги старого глупца насовать мне палок в колёса...

Тем временем Яга вновь заглянула в карету.

На её удивление, младенец Яромир перестал кричать и расплылся в широкой, беззаботной улыбке.

Его большие голубые глаза, доставшиеся от матери, буквально сковали её, очаровали, околдовали, не давая возможности отвести взгляд и пошевелиться.

Велес же воспользовался единственным оставшимся моментом...

Два точных, коротких удара повалили Дыя и Инеголового на землю.

В один прыжок он подскочил к карете и распахнул противоположную дверцу.

Околдованная Яромиром Яга пришла в себя, но тут же получила тычок концом посоха в грудь, от чего вылетела из кареты на добрых двадцать шагов.

Велес крепко прижал ребенка к груди и, разбрасывая в стороны то и дело пытавшихся добраться до него тварей, стал быстро отступать к Траяну.

Битва проиграна. Князь захвачен. Княгиню не спасти.

Он обещал Ярославу позаботиться о Яромире, это он и сделает...

Запыхавшийся Траян громко заржал, разможил копытом голову очередного вурдалака и подставил спину для приближающегося к нему Велеса.

Твари чуть-ли не хватили его за пятки.

Яромиру казалось, что само время замедлило свой ход.

Велес на бегу трижды ударил посохом о землю.

С третьим ударом земля за его спиной задрожала и стала превращаться в непроходимую трясику, затягивая в себя каждого, кто пытался через неё пройти.

Появилась надежда на спасение.

Велес, несмотря на уже считавшийся почтенным, возраст с легкостью юноши запрыгнул на Траяна и тот тут же бросился наутёк, в чащу, пробиваясь через тщетно пытающихся его остановить тварей.

Топь мчалась следом за Траяном, то и дело размягчая почву под ногами, но он не мог позволить себе споткнуться и сбавить ход. Сейчас жизни всех их зависели только от него одного...

Раздосадованная ушедшей из-под носа добычей Девана туго натянула тетиву и пустила стрелу им вдогонку и Яромир, стоя на холме, почувствовал, что она-таки достигла своей цели.

Яромир уже приготовился вернуться обратно к костру, но дым ещё не собирался сужаться.

Видимо, Яге ещё было, что показать...

Яромир удивился, что ни Ярослава, ни Ольгу Кащей не убил на месте.

Яга в гневе выволокла княжну из кареты, связала ей руки и затащила на холм, бросив у корней дуба.

Туда же Дый и Инеголовый притащили и князя, чьи руки связала корнями слепая девочка.

— Благодарствую, матушка... — Кащей почтительно кивнул ей, сидевшей на толстом корне, торчавшем из земли и перебирающей маленькими пальчиками золотую цепочку, снятую с шеи одного из дружинников.

Не поворачивая голову в сторону Кащей, она ответила ему коротким кивком.

— Не гневайся, но мы не смогли заполучить дитя..., - Яга виновато склонила голову перед братом, принявшемся нервно цокать ногтями по рукояти Зуба Забвения.

— Почему мне всегда всё нужно делать самому? — тяжело выдохнул он и подошёл к стоящему на коленях князю Ярославу. — Велес, Велес... Скажите, разве так сложно выпустить старому медведю кишки?! Ну в самом-то дела, как мы покажем отцу, что достойны той силы, которую у него потребуем? Когда он прознает, что старая кочерга уже столько раз смогла от нас сбежать, вряд ли он шибко обрадуется!

Стоявшие вокруг Кащей потупили взгляд.

— От вашей беспомощности у меня начинает болеть голова... — Кащей с показательным страданием потёр пальцами виски. — Значит так, хорошо — не велика потеря... Этого мальчишку мы ещё получим, а пока — испробуем, что смогли заполучить, — он поднял голову Ярослава, всматриваясь в его небесно-голубые глаза. — Славичи, они и в водах Переплута — славичи! Тешу себя надеждой, что один из этих двоих сгодится... А с тобой, сестра, я потом отдельно потолкую!

Яга виновато надула губы и поспешила отойти в сторону.

— Быть тебе и роду твоему трижды проклятому через пятое колено! Пожелтеть тебе, хуже золота! Захлебнуться собственными нечистотами! — вне себя от злости принялась осыпать проклятиями Кащей пришедшая в себя Ольга. — Помяни моё слово, утроба костлявая, что станет Яромир богатырём могучим, снимет с тебя шкуру и сошьёт из неё себе сапоги! Из всех вас сошьёт, погань дряхлая!

— Всё сказала? — устало скривился Кащей и обратился к Ярославу. — Что за бабу ты себе выбрал? Строптивая, невоспитанная, заносчивая... Пороть такую надо, как Сидорову козу, пока не дойдёт, когда можно открывать рот, а когда нет! Как с ней вообще можно было под одной крышей ужиться? Ну и глупый же ты, конечно, княже...

Ярослав ничего не ответил, но по его мрачному взгляду было понятно, на сколько далеко он посылал Кащей.

— Гнилой вымесок, лудь пустоголовый! — всё не унималась Ольга. — развяжи меня, козлиная вонючая, и я сама выпущу тебе кишки!

«Так вот откуда у меня в голове эти слова...» — расплылся в ироничной улыбке Яромир.

— Негоже таким прекрасным устам, — едва сдерживающий себя Кащей приложил кривой, костлявый палец на пухлые губы Ольги, заставив её замолчать. — так грязно браниться... Раз муж не смог тебя приструнить, придётся это сделать нам. Дорогая сестрица,

помоги княжне научиться держать язык за зубами.

Яга, с самым непричастным и хладнокровным видом, встала над Ольгой и небрежно взяла её за подбородок.

Та брыкалась, хотела вырваться, но она была всего лишь княжной...

Яга без особых усилий разжала челюсти Ольги и запустила длинные ногти в рот.

Глаза княжны готовы были выскочить из орбит от боли, когда Яга резко дернула руку обратно, сжимая в окровавленном кулаке её язык.

Яромир, видя, что сделала некогда любимая им женщина, невольно отвернулся и так сильно стиснул от злости кулаки, что костяшки пальцев побелели, а по ладоням потекли тонкие струйки крови.

Ярослав пришел в ярость.

Сковывающие его руки толстые корни с треском лопнули.

Молниеносным движением он выхватил один из клинков Дыя и уже готов был вонзить его в шею Яги, как ледяной клинок Инеголового по самое плечо отсек его левую руку, а тяжелый кулак, ранее зазевавшегося Дыя, повалил Ярослава на землю.

— Вы можете хоть раз в своей никчемной жизни сделать что-то по нормальному?! — разразился криком трясущийся от злости Кащей. — Полудурки, он нужен нам живым! Живым! Я разве похож на помойного скомороха, повторять вам, как петух, по сотне раз?! Карачун, чего встал, как вкопанный?! Видишь, бестолочь, из человека кровь хлещет, как из свиньи?! Изволь исправить это досадное недоразумение!

Обиженный Карачун сел рядом с окончательно поникшим Ярославом, положил ладонь на его кровоточащее плечо, и толстая ледяная корка в считанные мгновения заволокла рану.

— Ну, наконец-то, тишина. — облегченно выдохнул Кащей и повернулся к патлатому старцу. — Вий, только на тебя здесь можно положиться... Проследи, чтобы наши гости не покинули Этот мир раньше положенного им времени.

Одноглазый старик понятливо кивнул, щелкнул пальцами и кровь, струящаяся изо рта Ольги, перестала бежать.

— Дый, — теперь Кащей подошёл к огнебородому — неси уже нас домой, пока вы ещё чего не наворотили! Впереди дел невпроворот!

Карачун взял Ярослава под руку, а Девана перебросила вновь потерявшую сознание Ольгу через плечо.

Дый вынул Когти Жар Птицы, очертил ими в воздухе круг и вновь вокруг заплясали огненные искры.

Чёрный круг скрылся в образовавшемся проходе, а следом за ними клубящийся дым поглотил и Яромира.

Глава 18: «Да гори же ты синем пламенем!»

Когда дым рассеялся Яромир не мог сдержать слёз.

Старик Велес понимающим, глубоким взглядом, полным сожаления и скорби смотрел на него, в то время как побелевшая Яга опасно отошла в сторону, видя налившиеся кровью глаза Яромира.

В порыве беспомощности он бросился на неё, желая во что бы то ни стало поквитаться с той, кто причинил ему столько боли.

Яромир уже готов был снести ей голову, как краем глаза он заметил вылетевшего из тени беса.

Тварь влетела между Яромиром и Ягой, заставив первого отскочить в сторону.

Шкура беса игриво переливалась зелёными бликами костра, из широко оскалившейся пасти на до самой земли свисали толстые нити слюней.

Его бешеные огромные глаза бегали между Яромиром и Велесом. Он выжидал, кто же из них нападёт первый.

— Чернобог был бы тобой очень доволен, Ягиня! — опираясь на посох тяжело поднялся на ноги Велес. — Кот Баюн, Индрик-зверь, Горын, Хала, Лобаста, Игон, Кит-рыба Страфиль-птица, теперь и твой бес полностью обратился в Морока... Всё вам, черным, мало докучать Этому миру своими извращёнными играми с Бездной! Ну, ничего, покуда ещё силушка позволит, то всех их повыведу со света белого!

Велес сделал шаг вперёд и бес тут же бросился на него, но Яга остановила его, поймав за лапу:

— Черныш, не смей!

— Черныш?! — пораженно воскликнул Яромир, от удивления опустив кладенец. — Тот самый котяра?! Ты издеваешься? Как такое возможно?

— Слегка перестаралась с ворожкой, с кем не бывает...! — с опаской выкрикнула Яга из закрывающей её спины Морока, тут же получив в ответ грозный рык, приказывающей ей замолчать.

Терпение Морока закончилось, и он бросился в атаку.

Яромир поднырнул под лапу и полоснул беса по брюху, заставив тварь отскочить обратно.

Только сейчас Яромир подметил, что облик Морока вновь претерпел преобразование.

Тварь стала ещё больше и ещё свирепее...

Велес, продолжал сохранять полнейшую невозмутимость, будто встреча с такими чудовищами была для него самым обыденным делом.

Пока Яромир отбивался от нападок Морока, он прислонил посох к камню, осторожно сложил рубаху и распустил волосы.

— А ну, сынок, отойди в сторонку! — Велес одёрнул Яромира за рубаху, в самый раз, когда когти морока в очередной раз сошлись с лезвием кладенца. — Позволь старому медведю поразмять косточки!

Он запустил руку в сумку, вытащил оттуда медвежью шкуру, некогда служившей ему одеялом и набросил её на плечи.

Мгновение и Велес обратился в огромных размерах медведя, заставив и Яромира, и Морока попятиться назад с открытыми от удивления ртами.

— Это ты спас меня от волколаков! — с детским задором воскликнул Яромир. — Говорил же, что былины правдивы!

— Аз всегда за тобой присматривал. — по-звериному прорычал Велес. — Но теперь не вмешивайся, покуда не велю!

Велес оглушительно взревел и, будто огромная волосатая гора, грозно двинулся на кажущегося совсем мелким, оскалившегося Морока.

Неожиданно кто-то схватил Яромира за руку и потянул в сторону.

— Лучше отойти... — заботливо посоветовала Яга Яромиру. — В таком виде он мало кого замечает. Раздавит, как насекомое.

Измученный Яромир, запутываясь в собственных ногах не стал с ней спорить.

Морок кинулся первым.

Тварь ловко скакала вокруг Велеса, но, как бы она не старалась, но её острые, как бритва, когти не оставляли на толстой медвежьей шкуре никаких следов.

Сам же Велес полностью дал волю своей звериной натуре.

Он бил Морока о землю, рвал когтями и зубами. В разные стороны летели куски склизкой плоти и смолянистой крови, как по колдовству из раза в раз возвращавшиеся на место.

— Как ты смогла породить... «это»?! — едва сдерживаясь, чтобы не проткнуть Ягу, поинтересовался Яромир. — И как «это» убить?

— Не думаю, что ты хочешь знать...

Яга не успела закончить, как острое лезвие Кладенца уткнулось в её шею.

— Выкладывай! — сквозь зубы прошипел Яромир.

— Черныш привел меня к тебе, и я не могла его не отблагодарить... — Яга с отвращением отодвинула клинок в сторону. — Скажем, у нас с ним был выгодный обмен. Он питал меня, а я его.

— Как это «питал»?

Яга замялась, как Велес в очередной раз ударил Морока о землю, вышвырнул в темноту и ринулся за ним, оставив их наедине.

— Я... — её глаза судорожно высматривались в темноту, а голос заметно задрожал. — кормила его своим молоком, а он приводил ко мне заблудившихся путников...

— Жрала людей?! — невольно отстранился от неё ошарашенный Яромир.

— Нет, не подумай лишнего. — поспешила успокоить его Яга. — Пойми, я лишь выживала, как могла. Ну взяла немного крови у одного, у другого... Подумаешь!? Некоторые и того страшнее вещи вытворяют.

— Мерзость!

— Поверь мне, любимый, — Яга умоляюще припала к ногам Яромира. — По началу я не ведала, кто ты! Твоя кровь отличалась от остальных. Она наполняла моё дряхлое тело силой, молодостью, возвращала красоту. Когда я всё же разгадала твою тайну, то уже не могла причинить тебе вреда... Совсем простое, обычно безобидное колдовство должно было превратить Черныша в неиссякаемый источник моей силы и молодости, лишь бы он только оставался в живых. Но, дряхлый облезший божок в очередной раз все испортил! Переруг должен был отвернуть тебя от старика, но Велес изгнал его дух, и он вселился в моего милого Черныша!

— Ты сама себя слышишь?! — Яромир оттолкнул Ягу и в отчаянии схватился за голову. — По-твоему это нормально?!

Яга хотела было ему возразить, как на свет костра выкатились Велес и Морок.

Морок, изрядно измотавший могучего, но весьма неповоротливого медведя, проскочил промеж лап, запрыгнул на спину и глубоко вонзил зубы в его шею.

Велес взревел от боли, а по шерсти заструилась серебристая кровь.

Яромир было дернулся на помощь старику, но Яга крепко вцепилась в его ногу:

— Молю тебя, хороший мой, любимый, не убивай его! — она закатилась слезами. — Я смогу с ним договориться! Я смогу его увести! Пожалуйста, без него я снова потеряю все свои силы...!

— Стерва! — Яромир, совсем переставший что-то понимать, с силой отпихнул Ягу ногой и прижал коленом к земле. — Живо мне ответила, как его убить?!

Яга судорожно пыталась сбросить колено Яромира, давящее на её горло:

— Я... — хрипя и задыхаясь, пыталась выдать она. — Не знаю...

Злость затуманила разум Яромира, но очередной рёв медведя вернул его обратно.

Мороку уже удалось повалить Велеса на землю, как блеснуло лезвие Кладенца, на треть прорубив тело твари, заставив её отпустить поверженного медведя.

Велес воспользовался моментом.

Морок уже оттолкнулся от земли, чтобы отскочить в сторону, как медвежьи когти впились в его заднюю лапу, болезненно ударив о землю.

Грозный, разъярённый медведь поднялся на задние лапы и принялся, что было сил, колошматить Морока о камни.

Яромир не понимал, что гудело громче: ломающиеся кости Морока или трясущаяся от ударов Велеса земля.

Чудовище беспомощно скулило, пока не перестало подавать признаков жизни.

Только тогда, обессиливший медведь отпустил свою жертву, а Яромир, одним ударом снял изуродованную голову Морока с плеч, которая, шипя и рыча, покатила по земле.

Где-то сзади Яга испустила полный отчаяния и горя, душераздирающий крик...

Велес обратился в человеческий вид, тут же сбросил испачканную шкуру с плеч и схватился за посох.

— Ну-ка, сынок, подсоби старику... — пропыхтел он сквозь одышку и подозвал Яромира. — Хватай скотину за лапу...

Даже обезглавленное тело Морока продолжало опасно брыкаться и махать когтями.

Велес с размаху вонзил посох в грудь чудища, пригвоздив его к земле, и они схватились за лапы.

— На «раз» — тяни! — с железной жестокостью в голосе скомандовал Велес. — Раз!

Дёрнули резко, в разные стороны.

Потребовалось приложить немалые усилия, но им всё же удалось разорвать тело Морока на две части.

Голову Яромира пронзил истошный вопль, заставивший упасть на колени от боли, и не понятно кто кричал громче: отрубленная башка беса или рвущая на себе волосы Яга.

Велес далеко отбросил половину Морока, тут же принявшуюся грести когтями землю, ползя в направлении другой своей части.

Даже разорванный на куски, он всё ещё не мог умереть...

Старик выдернул посох и трижды ударил им о землю:

— Волею моею заклинаю тебя, — его голос отзывался громогласным эхом тысячи голосов. — Не пройдёт дух твой через Калинов мост, не понесут его воды реки Смородины! Не вернёшься ты к отцу своему черному! Аз есмь явь! Аз есмь навь! И вот моё слово: «Да не встретит тебе Забвение! Да гори же ты синем пламенем!»

Половины тела вспыхнули сине-голубыми языками огня, такими яркими, что Яромиру пришлось прикрыть глаза рукой.

Голова Морока зашипела и заверещала пуще прежнего.

И Яромир чувствовал всю его боль вместе с ним.

Морок не хотел умирать...

— Нужно с этим кончать. — едва слышно проговорил Яромир и подошёл к катающейся по земле голове.

Кладенец вошёл промеж глаз Морока, как нож в масло, и из раны повалил густой, ядовито-красный дым, за следом за которым вырвался огонь, в мгновение охвативший всё

остальное.

Яромир последний раз взглянул в глаза беса, но они смотрели не на него.

Взгляд Морока, полный обиды, любви и мольбы, был прикован к Яге, всё ещё продолжавшей заливаться горькими слезами.

Даже в свои последние мгновения он не переставал оставаться верным ей...

В конце концов от некогда могущественного существа остались лишь обугленные кости.

Яромир вытащил Кладенец из почерневшего черепа морока и тут же вспомнил о Велесе.

Совершенно измотанный старик, с трудом опираясь на посох, опёрся спиной на камень возле костра.

— Староват аз стал для таких дел... — мрачно улыбнулся Велес подбежавшему к нему Яромиру и закашлялся, оставив на ладони капли серебряной крови.

Яромир осторожно убрал руку Велеса, зажимающую место укуса Морока.

Глубокая рваная рана выглядела ужасающе.

Её уголки почернели и пурпурно-зелёные нити стремительно расползались по телу.

Необычная серебряная кровь старика приобретала гнойно-зелёный оттенок, что явно было совсем недобрым знаком.

— Как же... Вода! Где взять воду? Провались оно...! Или прижечь? — Яромир пытался подобрать слова, но ничего членораздельного не приходило в голову. — Скажи, что мне сделать, отец, как помочь? Что с твоей кровью?

Яромир отчаянно метался из стороны в сторону, осознавая, что он совсем не знает, как можно помочь богу...

— Успокойся. — Велес бережно остановил Яромира, взяв за руку. — Ну-ка, вдохнул, выдохнул! Никогда не забывай мою мастроту! Она ещё не раз выручит тебя в трудную пору. Держи голову холодной, что бы не приключилось. Со мной уже всё предрешено, это только вопрос времени, потому тебе придётся закончить мной начатое...

Яромир сделал глубокий вдох и выдох. Сердце перестало бешено колотиться, паника стала понемногу отступать.

— Но как же, отец? — он сел на колени рядом со стариком. — Ты же бог! Разве ты не можешь излечить себя?

— Посмотри на неё, сын. — Велес кивком указал на растрёпанную Ягу, сидевшую в стороне с потерянными, отрешенными от мира видом. — По своей глупости и невежеству она сотворила нечто противоестественное, аже по меркам Чернобога. Мы, ассы, не бессмертны... Простое человеческое оружие большинству из нас не страшно. Зачарованным же можно убить, лишив головы. Или любым другим способом, на твоё усмотрение, но с головой — самый верный. Намотай на ус, пригодится! Ха, подумать только, великий Велес умер от слюны помойной собаки...

— Меня уже кусал бес, она спасла меня! Яга, пожалуйста, умоляю тебя, помоги ему!

Яга лишь подняла на него покрасневший от слёз взгляд, полный ненависти и скорчив гримасу отвращения покачала головой.

— Было б всё так просто... Кхе-кхе! — вновь закашлялся Велес. — Она не сможет. Морок — не простое чудовище. Он — бог среди них! Прими поздравления, дорогая женушка, тебе удалось сделать то, чего не смог добиться аже твой брат!

— Признаюсь, — она встала, поправила платье и сделала самый величественный из возможных вид. — я мечтала о твоей смерти, но причинить её хотела своими руками! Черныш должен был служить лишь инструментом, не более.

— Ха-х! — печально усмехнулся Велес. — Цена неугасаемой красоты... Женщины, готовы ради неё пойти на самые низменные поступки. Сын, аки аз уже молвил, мы, ассы, увядаем и каждому из нас приходилось искать собственный источник силы, дабы окончательно не погрузиться в небытие. Порой, аже настолько гнусные. Да, Ягиня?

Яга лишь недовольно фыркнула в ответ.

— Вечно ты вредничаешь... Аз не виню тебя за желание жить, осуждаю лишь поступки и способы коими ты этого добивалась... За твои злодеяния тебе тоже нет места в Этом мире!

— Отец, — Яромир обеспокоенно провел рукой по заплывшему ядовитым пурпуром плечу Велеса. — Оно продолжает спускаться, время на исходе, нужно что-то делать! Как ты сам до этого себе помогал?

— Ничего уже не поделаешь. — с непонятым Яромиру спокойствием ответил тот. — Несчитанное количество кругов Траян поддерживал во мне первородный огонь, но аже он здесь был бы бессилён... Хотя, Лада бы ещё могла помочь, да где её сейчас сыщешь. Сын, аз должен дать тебе наставление, но перед этим ты должен закончить дело.

— Что мне нужно сделать?

— Убей её. — сурово проговорил Велес. — Оже аз тебе поведаю предназначено лишь для твоих ушей.

— Не слушай его бредни! — Яга хотела подскочить ближе к Яромиру, но тот угрожающе выставил острие кладенца в её сторону, заставив остановиться. — Хоть в этот раз прояви ты, наконец, самостоятельность и благоразумие! Яромир, посмотри на него, ему уже ничем не поможешь!

— Замолчи. — грозно оборвал её Яромир. — Продолжай, отец...

— Видел знак на её руке? — Велес одобрительно кивнул. — Черное солнце, отметина Чернородных.

— Такой же знак у княжны Марины на пояснице. — неожиданно для себя вспомнил Яромир.

— Морены, сын, Морены. — поправил Велес. — Её мать, властительница смерти, силами Круга возвращенная в Этот мир. Та девочка, оже встретилась тебе в видении.

— Посмотри на него, — вновь попыталась отвлечь Яромира Яга. — Яд уже повредил его ум! Он бредит!

Яромир недоверчиво покосился на неё и тут же вернул всё внимание обратно к старику.

— Аз уже говорил, оже Круг глубоко пустил корни и ты, сын, должен будешь их остановить. Долгие зимы, проведённые среди людей, окончательно убедили меня, оже ассам, равно как и нечисти, нет боле места в мироздании. Мы исчерпали себя, вегда Род-творец отвернулся от нас...

— Ты сошёл с ума! — воспротивилась Яга, от возмущенно махнув на Велеса рукой. — Сумасшедший! Что ты вообще мелишь?

— То, оже нужно было сделать уже давно! — в порыве злости дёрнулся тот и тут же скорчился от боли. — Сын, посмотри на нас... Мы — хаос, разрушители порядка. Наше предназначение погибло вместе со Сварогом и мир в Этом мире сможет воцариться лишь только когда сгинет последний из ассов, включая Чернобога...

— Безумец! Истинный безумец...! — запричитала Яга, принявшись с истеричным видом ходить из стороны в сторону. — Славомира уже пять веков как нет! Сила Сварога угасла вместе с ним! Ничего уже не сможет противостоять отцу, когда он вернётся!

— Как же многого ты, всё-таки, не знаешь! — загадочно улыбнулся Велес. — Сын, аз

открою тебе правду, но — сперва она. Забуди ту, кем она притворялась. Это лишь личина, скрывающая за собой старую, бездушную, хитрую стерву, преследующую только ей ведомую выгоду! Дабы сохранить силу она убивала младенцев и девственниц, число коих, аки звёзд на небе... Кровавую ворожбу уже ничем не отмыть с её рук, равно как и кровь твоих родителей!

— Это правда? — Яромир угрожающе повернулся к Яге. — Все твои слова, от начала до конца были ложью?!

— Пойдём со мной, — Яга попыталась уйти от ответа. — Что тебе сдался этот старый ополоумевший дурак?! Он думает, что всё знает, ну уж нет! Есть тайна, что ведома лишь мне одной! Твоя тайна и твоей матери!

— Ты хладнокровно вырвала её язык! — перешёл на крик Яромир. — Как ты смеешь говорить о ней?! Лишь по твоей вине мои родители мертвы!

— Могу и буду говорить! — дерзко подбоченилась Яга. — Потому что Ольга — тоже была чернородной!

Яромир остановился и недоумевающе посмотрел на Велеса, глаза которого настороженно округлились.

По изменившемуся выражению лица старика Яромир понял, что он и сам действительно слышал об этом впервые...

— Это всё ставит на свои места, но... — едва слышно пробормотал Велес. — Мне нужны доказательства!

— Что, — Яга почувствовал, как ситуация стала быстро меняться в её сторону, от чего голос наполнился уверенностью. — всезнайка, тебе наконец-то кто-то утёр нос?! Оказалось, что кто-то знает больше, чем ты? Раз сегодня у нас ночь откровений, и ты уже одной ногой, как снизойдёшь в бездну, то я, в отличии от вас, пустоголовых, проявлю великодушие и милость. Яромир достоин знать всю правду!

— Не тяни kota за хвост! — сквозь зубы перебил её Яромир. — Что не так с моей матерью?

— Пойми же уже, я люблю тебя и последнее, что желаю, так это причинить тебе зло! Перед тем, как я всё расскажу, тебе нужно кое-что увидеть. — Яга бросила клочок волос в костёр, от которого вновь за клубился дым. — То, что непогрешимый и благородный Велес всё же решил от тебя скрыть...

Глава 19: «Увоз в отай яругу!»

В этот раз ворожба Яги перенесла Яромира в слабоосвещенное помещение с каменными стенами, тяжело давящими на голову и гнетущими своим мрачным видом.

Яромир огляделся.

Посреди круглого зала, на каменном полу, было вырезано Черное солнце, прожилки которого заполняло что-то похожее на кровь.

Он присмотрелся по лучше и убедился, что это действительно оказалась кровь...

По краям Черного солнца, не шевелясь, стояли шесть фигур, со скрытыми под вотолами лицами.

— Бесплезное отродье! — взерошенный от злости Кащей влетел в зал и остановился посреди круга. — Сколько еще этих славичей нам нужно перерезать, пока мы не наткнёмся на нужного?!

Ответа, как он и ожидал, не последовало.

— Может мало пустили? — игриво спросил Дый, скинув с головы балахон, за что

стоящий рядом Вий больно стукнул его посохом по плечу.

— Девку можешь хоть до суха выдавить! Может от неё проку больше будет... — махнул рукой Кащей, развернувшись к выходу. — Что хотите делайте, лишь бы сработало! Отец уже слишком долго находится в заточении... Ах, да, князя можешь забирать, он нам больше ни на что не сгодится.

Кашей скрылся в темноте коридора так же быстро и пришёл.

Следом за ним последовали и остальные.

Яга хоть и старалась сохранять спокойствие, но заметно нервничала.

Там, на холме, Морена и так заподозрила неладное. Тогда Яге с великим трудом удалось заболтать мать, но больше позволить попасть себе впросак она не могла!

Она даже специально сама вызвалась пустить кровь Ярославу, чтобы Кащей ненароком не сделал надрез чуть глубже и не нарушил её планы.

Брат ведь никогда не церемонился с жертвами...

Теперь же, когда этот молодой выскочка Дый, всё-таки, сумел всё испоганить, она была готова бежать сломя голову, чтобы успеть в темницы раньше него.

Но сейчас, как никогда, следовало соблюдать осторожность!

Кощей всё видит и всё знает, и если он учует её измену, то заживо сдерёт кожу и по частям будет скармливать Аспиду.

Даже не посмотрит, что она его сестра...

Яга покинула ритуальный зал последней и, дождавшись пока все разойдутся, быстрым шагом стала спускаться по широким ступеням.

Яромир, к своему удивлению слышавший её мысли, последовал за ней.

Несколько пролетов ниже гулким эхом доносились звуки шагов Дыя, спускающегося в темницу.

Вечно юный, рыжебородый бог богатства широко известен своей большой страстью к всяческого рода пыткам...

Яга остановилась и, убедившись, что они были здесь одни, проследовала за Дыем.

Она хотела подкрасться незаметно, но чуткий слух Дыя всё же уловил её приближение:

— О, ты тоже пришла за кровью славича? — заигрывающе подмигнул Дый. — Можем набрать омолаживающую кровавую ванну и придаться любострастию, как ты любишь! Даже поделюсь с тобой его сердцем... А из хозяйства можем сделать занятную игрушку. Ходят слухи, что у князя в штанах о-го-го какой, сродни Святогору!

Дый разразился громким, раздражающим смехом.

Яга не медлила.

Она незаметно вынула из внутреннего кармана вотолы горсть измельченных трав и дунула ими в открытый рот Дыя, от чего тот тут же в беспомощности рухнул на пол.

Назад пути больше не было...

Яга отворила дверь камеры.

В узкой, тесной комнате, на холодном, каменном полу, лежал одорукий князь, плечо которого Яга залечила, под предлогом сохранности его жизни для ритуала.

При виде ведьмы, Ярослав, не без помощи Ольги, сел и принялся сверлить ее полным злости взглядом.

— Прежде чем я сниму с вас оковы — выслушайте! — она опустилась перед ними на колени. — Я знаю, что вы мне не доверяете и не прошу вашего прощения... Со временем вы поймёте, что другого выхода у меня не было, иначе Кащей сразу бы меня придушил. Ольга,

протяни мне руку. Ну же, не бойся!

Ольга переглянулась с Ярославом и тот одобрительно кивнул.

Княжна выставила руку вперёд, и Яга провела ладонью по её запястью.

— Вот, видите?

На предплечье Ольги, откуда не возьмись, проявилась отметина Черного солнца, заставив княжну в ужасе отпрянуть к стене и стыдливо спрятать от Ярослава руку.

— Не пугайся этого! — попыталась успокоить её Яга. — Ты — чернородная! И, как бы дико это не прозвучало, — мой потомок...

Ноги Яромира подкосились, голова закружилась и замутило желудок.

Вновь ли Яга дурманит его обманом или это действительно правда...?

— Ты знала? — ошарашенный Ярослав бросил на Ольгу недоверчивый взгляд.

Она лишь стыдливо наклонила голову.

— Я полагаю, — торопливо вмешалась Яга. — что её отец, славный богатырь Илья, тоже не догадывался, что его жена Алёна моей породы..., но, сейчас не об этом. Как только я тебя увидела, тут же поняла, что ты ключ, то самое дитя света и тени, о котором предрекла Мокош. Ты и твои дети.

Ольга опасливо замаялась.

— Князь, нельзя допустить, чтобы её кровь попала на алтарь! Не верите? Правильно делаете! Но, я тоже не желаю возвращения отца! Сейчас нам нужно как можно скорее выбраться отсюда и найти вашего сына.

Ярослав и Ольга снова недоверчиво переглянулись.

— Кащей уже в одном шаге от цели, только ему всё ещё не ведомо кто ты такая. И теперь единственная надежда только на вашего сына!

— Почему именно Яромир? — силы быстро покидали Ярослава и каждое слово отзывалось в его теле резкой болью. — Почему не другие?

Яга посмотрела на Ольгу, во взгляде которой читался неподдельный испуг и мольба, и немного замаялась:

— Скажем..., он не совсем обычный ребенок, даже по вашим меркам. — Яромир подметил, как совершенно нескромно слукавила Яга. — Не зря Велес выбрал его среди остальных.

Ольга, незаметно для Ярослава, благодарственно поклонилась Яге.

— Послушайте, вместе мы сможем выиграть время, подготовить мальчика, помочь ему сразить Кашея... Доверьтесь мне, я не могу желать зла своему ребёнку, так же, как и вы не желаете своему! Мальчика ждут великие дела и без моих знаний он не сможет исполнить предначертанное! А без вас старый медведь меня к нему и за версту не подпустит... Ну же, идёмте!

Князь и княгиня никак не решались последовать за ней.

— Значит так: либо вы сейчас идёте за мной и ещё можете самостоятельно вырастить сына, либо с первой же капли её крови Этот мир охватит агония смерти и тогда больше уже никто ничего не увидит!

Князь продолжительно выдохнул и согласно кивнул.

Другого выбора у них не было.

Ядвига с легкостью разрешила путы острыми ногтями, и они осторожно стали подниматься по ступеням вверх.

Всю дорогу Ольга не сводила презрительного, любопытствующего и недоверчивого

взгляда с Яги.

Яромир, продолжавший наблюдать со стороны, тоже чувствовал, что богиня ночи много чего не договаривала. Слишком много...

Яга остановила их перед входом в ритуальный зал, осторожно высунула голову из-за угла.

Убедившись, что опасности нет, она щелкнула пальцами и комната залилась тусклым зелёным светом факелов, после чего дала знак Ярославу двигаться дальше.

Посреди зала Яга внезапно остановилась.

Холодный озноб пробежал по её коже, пот проступил на лбу.

— Кащей... — в ужасе прошептала она, оглядываясь по сторонам в поисках выхода.

Она потянула Ярослава к лестнице, ведущей к выходу, но проход, прямо перед её носом, заволочла толстая стена льда.

Сзади, эхом разлетелась по комнате неторопливая, тяжелая поступь.

Ольга умоляющим взглядом взывала к Яге, но всё, что та могла — лишь судорожно глотать воздух.

Он уже был здесь...

— А ведь знаешь, я уже было начал тебе доверять, сестрица, — язвительный, леденящий душу голос Кащей гулко отскакивал от каменных стен зала. — И как же удачно сложилось, что именно Морена выразила обеспокоенность и вновь заставила меня обратить на тебя взор.

Полуголый Кащей, опёрся плечом на стену, перекрыв собой единственную оставшуюся лестницу.

Теперь Яромир смог полностью разглядеть и самого Князя Смерти.

Через тонкую, бледно-серую кожу, мерзко обтягивающую остро выступающие кости, просматривались нити черных вен.

Ещё больше Кащей уродовали толстые нити шрамов, слов на древнем наречии, вырезанными на его теле.

Яромир не видел в нём ничего живого. Он больше походил на высушенную, обескровленную жертву упыря, чем на человека.

Его острый нос и такой же острый подбородок вызывали отвращение, а глубоко впавшие глаза источали холодную свирепость.

Если бы Яромира попросили представить себе смерть с человеческим лицом, то он бы вообразил именно такой образ...

— С того самого времени, — Кащей выковырял длинной иглой кусок мяса, застрявший в зубах, и цинично сплюнул его на пол. — как ты спрятала от меня дочь, я не переставал спускать с тебя глаз. И, как видишь — не прогадал... Ты предала меня..., в который раз, только теперь он будет для тебя последним.

Ягу трясло от страха.

Ей хотелось провалиться под землю, бежать без оглядки, но путей для отступления не было. Это конец...

— Князь-калека и его молчаливая язва-жена, — Кащей оскалился в ехидной улыбке. — В чём же твоя выгода? Что они могут тебе дать, чего не мог дать я...? Ты прекрасно знала, что я с тобой сделаю и всё же решилась на это... Значит, они нужны тебе ради чего-то крайне, крайне существенного, настолько, что ты готова расстаться ради этого с головой! В глаза мне смотри!

Яромиру показалось, что взгляд Яги готов был прожечь Кащея насквозь.

— Теперь мне всё ясно! Какие низменные желания... — Кащей закатился язвительным смехом. — Я имел о тебе лучшее мнение, сестра. Жаль, что ты оказалась такой же недалёкой, как и твой волосатый муженёк... Княже, позволь угадаю, что она вам наплела? Мальчишка особенный и только лишь ему хватит сил убить меня?! Не утруждай себя ответом, по глазам вижу, что я прав. Полно, не смешите! Она в жизни не заботилась ни о ком, кроме своей собственной шкуры. Теперь-то я точно заполучу этого ребёнка! Ты увидела в нём что-то особенное и я обязан выяснить, что именно...

— На твой прах будут мочиться до конца времён! — не выдержал болтовни Кащей Ярослав и сделал шаг вперёд. — Ты сгинешь в Забвении, подлое, мерзкое отродье!

— Позволь открою тебе тайну, княже, — глаза Кащея злобно сверкнули и уголки губ сложились в злорадную ухмылку. — Я в ней родился!

«Морена... Спасись... Яромир...» — Яга суматошно перебирала мысли, как вдруг её будто ударили камнем по голове. — «Забвение!»

Незаметно для Кащея, она глубоко вонзила ногти в ладонь, и черная кровь длинной струёй потекла на пол.

Она поклялась себе больше не прибегать к кровавому чародейству, но другого выхода у них не было.

— Неужто решила сбежать, сестра? — Кащей взволновано отпрянул от стены и стал быстро приближаться к ним. — Думаешь, что так просто сможешь от меня скрыться?!

Ей кровь в одно мгновение обратилась в чёрную лужу, куда свободно мог поместиться человек.

— Увоз в отай яругу! (Спуск в скрытую долину!) — дерзко бросила она в лицо Кащею, схватила за шкварник Ярослава и Ольгу и, не оборачиваясь провалилась в темноту, утянув их следом за собой.

Кащей не успел последовать за ними.

Только макушка Ярослава, последним скрывшимся в открытом Ягой лазе, исчезла, как проход мгновенно захлопнулся, оставив на полу лишь маленькую лужицу крови.

Дым вновь стал стремительно заполнять комнату и последнее, что увидел Яромир, как Кащей вне себя от гнева швырнул иглу в кровавую каплю и она скрылась в ней без следа...

Всё вокруг завертелось и Яромир опять оказался на вершине злосчастливого холма:

— Да сколько можно?! Что-же за проклятое место?! Будь оно не ладно... — выругался он, едва сдерживая рвотные порывы.

В нос ударил отвратительный смрад разлагающейся плоти.

Теперь туманные топи стали такими, какими они ему и запомнились — безжизненным болотом, усеянном трупами...

Под ногами что-то захлюпало, и он поспешил отскочить в сторону.

Из ниоткуда растеклось черное пятно, из которого, по уши заляпанные в крови, вывалились Яга, Ярослав и Ольга.

Яга победоносно рассмеялась, радостно задрывав ногами, как маленький ребёнок, только что получивший леденец-петушок.

Она смогла, вырвалась из его лап!

Теперь уж точно всё изменится и она, наконец-то, получит то, что принадлежит ей по праву!

Только радость её оказалась недолгой...

Ольга одернула её за подол платья, и душа Яги обвалилась в пятки.

Из шеи посиневшего Ярослава торчала игла Кащея.

Князь с мольбой посмотрел на Ягу, кровь фонтаном брызнула из его рта, забрызгав и Ольгу, и Ягу.

Он повалился на колени и стал жадно хватать ртом воздух. Жизнь стремительно покидала его...

Нет, нет, нет, нет! — Яга истерично вцепилась в волосы и в приступе отчаяния незаметно, для себя, вырвала целый клочок. — Подлый костлявый ублюдок! Всё, всё насмарку... Так, Яга, держи себя в руках... Ольга, доченька, здесь всё, нужно уходить! Ты всё ещё можешь помочь сыну, но ему мы уже не поможем...

Яга схватила Ольгу и поволокла за собой, но та лишь одернулась и крепко припала к груди задыхающегося князя.

Яромир, видевший отчаяние матери и страдания отца, не смог сдержать слёз...

— Послушай, — трясущаяся от страха Яга села возле Ольги и стала гладить её по запачканным кровью белокурым волосам. — Кащей проклял его! Он уже не жилец! И если мы сейчас не уйдём, то будем тоже!

Слезы рекой текли по щекам Ольги, но ещё сильнее прижалась к Ярославу, тело забилося в конвульсиях.

— Подумай о сыне! — от волнения Яга едва выдавливала слова. — Теперь можно не скрываться, я знаю, знаю про него!

Ольга в ужасе перевела взгляд на Ягу и руки её беспомощно разжались.

— Больше не нужно скрываться! — у Яги получилась ухватить её за живое. — Я знаю, чей он... У мальчика его глаза и их не спутать ни с чьими другими... Без Ярослава ему будет спокойнее, всем будет спокойнее! Ты всё ещё можешь сама вырастить его, не боясь гонений и порицаний, только доверься мне!

Яга протянула Ольге руку.

Ольга суматошно вертела головой между ней и князем.

Охладевшее тело Ярослава уже окончательно перестало подавать признаки жизни.

Он умер.

Ольга залилась слезами. Без криков и стенаний, но Яромир всем телом чувствовал её боль и отчаяние.

Всё, что было так дорого Ольге оказалось потеряно и в конце концов она нехотя приняла предложение Яги.

Но Ольга не смогла уйти, не простившись...

Княжна склонилась над бездыханным телом мужа, как неожиданно он схватил её за шею.

Ярослав открыл глаза, которых уже не было в глазницах.

«Не может быть...» — у Яромира перехватило дыхание, и он в ужасе попятился назад, уткнувшись спиной в ствол дуба. — «Не может быть...!»

Столько лет прошло, а он до сих пор продолжал видеть в кошмарах этот холодный, пропитанный гневом и отчаянием взгляд, пристально всматривающийся в посиневшее от удушья лицо Ольги.

Яростное рычание вырвалось изо рта Ярослава.

Он поднялся на ноги и стремительно увеличивался в размерах.

Кожа на его руках и голове с мерзким шипением рвалась на части, оголяя кости и череп,

а единственная костлявая лапа всё сильнее и сильнее сдавливала горло Ольги.

Яга, окончательно потерявшая всякую надежду, поспешила скрыться за дымной пеленой.

Ольга колотила Ярослава по хлюпающей от крови руке, била ногами, но всё безрезультатно.

Чудовище, в которое превратился князь, оторвало её от земли и крепко сжало когтистую лапу.

Шея Ольги громко щёлкнула и тело безжизненно обмякло.

Она жила в любви, и умерла от любви...

Водяной издал оглушительный, до боли знакомый рёв, заставивший нутро Яромира затрястись от страха.

Яромир беспомощно обхватил колени и горькие слёзы сами собой потекли по его щекам.

Дым за клубился, но он так и не нашёл в себе силы посмотреть на обратившегося ужасным чудовищем отца, убившим его мать...

Недолгое время пробирающую до дрожи тишину нарушал лишь слабый треск хвороста в костре.

Казалось, будто сама природа страшилась закипающей в груди Яромира ярости...

За этот вечер на него так много всего свалилось, что голова неистово гудела, не давая возможности остановиться и обдумать хотя бы одну мысль из всех, что копошились внутри него шипящим змеиным клубком.

— Ты всё время это знал? — словно в пустоту мрачно спросил Яромир.

— Смотри о чём ты спрашиваешь. — Велес, пурпурное пятно которого уже полностью залило руку и бок, закашлялся кровью. — Оже Ярослав обратился водяным, убил твою мать и схоронился на Туманных топях? Да. Оже Ольга рода чёрного? Да, но и помыслить не мог, оже от её породы...

Яга со всей возможной надменностью поклонилась.

— Почему ты сказала матери, что Ярослав мне не отец?! — Яромир раздраженно сверкнул на неё глазами. — Или ты опять играешь со мной? Учти, сейчас я больше всего на свете не настроен шутить.

— О каких забавах речь? — Яга невинно развела руками. — Так сложилось, что твой настоящий отец — Перун.

Яромир неожиданно подскочил и попытался схватить Ягу за горло.

Браслет, всё ещё находившийся на её руке, загорелся и его рука, будто со всего маху, ударила о каменную стену.

Дикая боль поднялась до самого плеча, заставив Яромира отступить.

— Но-но! — Яга важно потрясла золотым браслетом перед его лицом. — Теперь ты не сможешь причинить мне вреда!

— Оковы Радагаста. — прохрипел Велес. — Хитрая выдра нацепила их, пока ты витал

во сне... Их не сломить против её воли.

Яромир осторожно провёл остриём Кладенца по незримой стене, выбивая из воздуха огненные искры и длинные нити молний.

— Хочешь злись, буянь, круши всё вокруг, — самодовольно выпалила Яга. — только правды это не изменит. Не веришь? У него спроси!

Она указала пальцем в заметно нервничавшего Велеса.

— И это ты знал?

Велес занервничал ещё больше:

— Не так давно... — только начал он и вновь закашлялся кровью.

— Позволь, я продолжу? — игриво постукивая ногтями, влезла между ними Яга. — В ночь, когда я подобрала тебя на болотах, Перун сам пришёл к Велесу и предъявил ему права на тебя, но старый лживый змей сумел-таки перехитрить его и пустить по ложному следу.

— И вновь одна сплошная ложь...

Он умоляюще посмотрел на Велеса, в поисках поддержки, но его суровый взгляд сказал всё за себя:

— В этом она не солгала.

— Только Велес не знал, — настойчиво продолжила Яга. — что из-за плешивой пёсьей морды, именно в это время, тебе доведётся сойтись в битве с Ярославом. Ты, наверное, слышал из былин, что Перун никогда не пропустит доброй сечи, вот и мимо этой битвы он пройти не сумел. Повелитель бури так восхитился тобой, что решил помочь одолеть невиданную тварюгу, так и не признав в тебе родной крови.

«Значит, мне не показалось, и тот старец с вороном на плече был реален...» — удивлённо, почти незаметно усмехнулся Яромир.

Глава 20: «Прислушайся, что говорит тебе сердце?»

— Я это знаю, потому что позже он явился и ко мне. Гневался, кричал, требовал, угрожал..., но, разве могла ли я отдать ему свою кровинушку? По итогу, ужасно раздосадованный Перун остался с носом и скрылся восвояси, а я решила навестить визит нашему далеко не доброму другу.

— Значит, Громовержец? — истерично усмехнулся Яромир. — Мало мне того, что я своими руками убил собственного отца, что мой другой отец — бог Велес, что я влюбился в женщину, оказавшуюся мне бабкой, оказавшейся Ягой, а настоящий мой отец — Перун... Ничего не забыл?

— Пожалуй, что Велес — лживая скотина, всю твою жизнь управляющая тобой, как марионеткой.

— Коварная потаскуха! — возмутился Велес. — Всё ещё надеешься настроить сына против меня?!

— Я уж думал, что меня сегодня уже ничем не удивить... — Яромир удрученно помотал головой. — Действительно собачитесь, как муж и жена... Нет веры не единому вашему слову. Ни твоему, ни твоему! Но уж больно любопытно послушать всё до конца, чем ещё вы решите меня добить? Может и мать моя мне вовсе не мать?! Почему тогда Ярослав допустил такое?

— Видишь ли, мой милый, — Яга, будто в танце, прокружилась мимо Яромира. — Князь неба всегда был больно охоч до славных красавиц с сильным лоном, храбрым сердцем и буйным нравом. Ну никак не может он сдержать колосок в штанах, да и не заделать

какого-нибудь очередного богатыря.

— Каждого из коих потом сам же и убивал... — угрюмо подметил Велес.

— Дети-то при чём?! — недоверчиво усмехнулся Яромир.

— Перун грезит мыслью, оже токмо плоть и кровь его, способная выстоять супротив гнева его секиры, достойна величать себя Сварожичем, кхе-кхе, — истинным ассом, способным встать подле него и повести их в последнюю битву. Покамест удалось это лишь Сварогу, Яровиту и Радагасту.

— Как ты понял, — подхватила Яга. — ещё никому из антов этого не удавалось... Но не бойся, пока я с тобой, Перун никогда тебя не найдёт.

Яромир с опаской покосился на неё:

— Почему же Ольга не рассказала всё князю?

— Какой же ты, всё-таки, ещё наивный... — закатила глаза Яга. — Хоть Ярослав и был добрым человеком и любил Ольгу, но даже он бы не простил измены. Кто в здравом уме поверит, что сам Перун придёт и возьмёт силой какую-то там девку?! Тем более, что князь простит ей это?! Нет, княжна — далеко не глупая баба, поэтому тихо себе помалкивала, давая Ярославу считать себя самым счастливым отцом. Она знала, что прознай хоть кто-то, то вас тут же ждала бы тихая, незаметная и быстрая смерть. Такой позор на весь княжеский род!

— Получается, что в тот день, когда ты прогнал меня, то уже знал, что я тебе не нужен? — Яромир с презрением посмотрел на Велеса, пятно которого уже перешло на лицо. — Отвечай честно, хватит темнить.

— Аз уже молвил, оже ошибся с ребёнком... — несмотря на крайне плохой вид, голос Велеса оставался твёрдым. — Аз должен был исправить всё, покуда не стало слишком поздно! Ты бы меня не понял... На то время ты не был готов!

— Видишь, видишь, мой милый? — сладко заворковала Яга над Яромиром, невольно заставляя его сердце биться чаще. — Даже на смертном одре он темнит и не договаривает! И не смей отворачиваться от меня, ведь ты и сам всё это чувствуешь! Признайся себе, наконец, ты ему не нужен. Инструмент, игрушка, болванчик, живущий в неведении, птенчик, запертый в клетке!

— Не слушай её, сын! — Велес попытался подняться, но без сил рухнул обратно на землю. — Гони её прочь! Она вновь пробралась в твою голову!

— Видишь, видишь, как запел?! — Яга снова заговорила голосом Ядвиги, от чего перехватило дыхание. — Открою тебе тайну: он страшится тебя! Страшится той силы, что сокрыта в тебе... Ведь ты не славич. Нет-нет-нет, ты — Сварожич! Бог в человеческом облики...

— Борись с ней, сын! Борись или погибнешь!

— Он — ничто пред твоими ногами, пыль! Но больше ты не будешь следовать его указаниям. Это твоя жизнь и живи её так, как хочешь ты! Ничего не бойся, ведь я с тобой! Ты сам видел, ты чувствуешь, что каждое моё слово правдиво! Всё, что я делала, было только ради тебя и для тебя, мой хороший!

Сознание Яромира замутило, в нос ударил дурманящий аромат малины и шиповника.

Он оглянулся и перед ним уже стояла вновь ожившая Ядвига.

Без единой царапины, в чистом платье и развевающимися на ветру прекрасными волосами.

— Забудь старика, — нежно шептала она на ухо Яромира, рукой поднимая его руку, всё

ещё крепко сжимавшую Кладенец. — Сделай всего лишь один маленький тычок своей железякой, и мы вновь будем только вдвоём. Больше никакой лжи, никакого обмана... Я открою тебе все тайны мироздания, наделю бессмертием! Ты — даруешь мне силу и вместе мы остановим круг, вместе победим Перуна...

— Сын! — из оставшихся сил вскричал Велес. — Вспомни, оже аз твердил тебе! Вдох, выдох и — вперёд! Лишь только ты волен делать выбор! Лишь только твой свет способен развеять тьму!

Голос Велеса эхом отозвался глубоко в сознании Яромира, вырвав его из дурмана Яги.

Он с силой оттолкнул её и отскочил к старику:

— Проклятая ворожба... — пробурчал Яромир, старательно отряхивая голову и разминая лицо.

Яга и вправду изменилась.

Четкие, резные черты лица округлились, кожа потемнела.

Перед ними вновь стояла Ядвига, ровно такая, какой ещё утром она провожала Яромира на Могильный курган...

— Посмотри на неё, — тихо начал Велес. — Притворяется бескорыстной, честной душой. Сама доброта... В жизнь не поверю, оже ты способна что-то сделать для кого-то, кроме себя! Только не лги, оже твоя черная душа способна на любовь!

Настороженный Яромир подметил, как на глазах Ядвиги заблестели слезы.

— Послушай меня, сын. — Велес тяжело хрипел, с заметным трудом выдавливая из себя слова. — Аз выложу всё без остатка, но, сперва, тебя ждёт самый трудный выбор из всех возможных. В этот миг ты волен сам выбирать свою судьбу. Теперь ты готов... Вглядишься в её черную душу: кем бы она ни обращалась, какими добрыми намерениями не прикрывалась, какие сладкие речи не произносила — она всегда преследует лишь ей одной ведомые цели. Такова её натура и такова натура каждого из ассов... Сегодня мы клянёмся тебе в вечной любви и безграничной преданности, а уже завтра твоя славная головушка красуется на пике в Чёрном доле.

Велес с огромным усилием дотянулся до руки Яромира и крепко прижал рукоять Кладенца к его груди:

— Мы — дети коварства и порока, зависти и похоти, лжи и самолюбия... Всё, оже произошло с тобой — вина моей беспечности и слепости. Аз стал стар и узколюб, но оже ведаю: она — причина всех твоих злоключений. Ты — Сварожич и сам волен решать... Теперь же ступай, а я тебя здесь обожду...

Яромир нахмурился и крепче сжал рукоять Кладенца.

Он встал и медленно пошёл на Ядвигу:

— И снова ложь!

Оковы Радагаста вновь защитили её, но сила удара Яромира все же заставила попятиться назад.

На мгновение он замер.

Она оставалась всё такой же красивой, как при их первой встрече...

Сердце Яромира готово было разорваться на куски. Оно бешено билось и руки опускались сами собой опускались.

С одной стороны его невыносимо тянуло к ней, с другой — он готов был разрубить её пополам...

— Глупый! — Ядвига по-детски мило улыбнулась. — Я ведь всё та же... Вспомни,

сколько всего мы с тобой пережили! Как хорошо нам было вдвоем! Сколько добра я сделала для тебя, сколько твоих бесчисленных ран излечила! И после это ты ещё смеешь думать, что я способна желать тебе зла? Неблагодарный! Я пожертвовала всем ради тебя!

— Ложь, ложь, ложь! От начала до конца! — в ярости вскричал Яромир, вновь выбив сноп искр из щита. — Ядвиги никогда не существовало! Ты её выдумала, чтобы заполучить меня!

— Ошибаешься, дорогой! Всё, что ты знаешь про Ядвигу — правда, от начала до конца! — она попыталась перегородить Яромиру дорогу, но новый удар заставил её отступить дальше. — Будь по-твоему... Кашей, как и отец, просто помешан на чистоте крови. Поначалу он лишь делал недвусмысленные намёки, но, когда Велес сделал меня своей женой, брат окончательно ополоумел от ревности! Он считал, что я должна принадлежать только ему... И он подло воспользовался моей слабостью! Ровно тогда, когда вскрылось, что этот бородатый плут изменял мне с Дивой Додолой! Кашей получил своё и я родила Мару — первую чистую чернородную, появившуюся за множество кругов.

Яромира колотило от злости, но внутри скреблось отвратительное чувство, что сейчас она не лгала ему.

— От разочарования и обиды я рвала на себе волосы, в надежде, что страдания тела смогут заглушить боль внутри! — Ядвига залилась слезами. — Я возненавидела мужчин, возненавидела ассов и поклялась, что Мара никогда не достанется Кашею! Всем известно: если хочешь что-то скрыть, то лучшего для этого места, чем Белгород, не сыскать во всей Сварге... И там меня ждало лишь одно разочарование! Мара — упрямая и заносчивая, она взяла лишь худшее от нас обоих, но её дочка... Славная, добрая Ядвига заставила меня иначе посмотреть на Этот мир. Она научила меня любить, научила ценить и радоваться жизни.

— И ты не придумала ничего лучше, — позлорадствовал Яромир. — чем нацепить её личину?! Ближе к делу! — он вновь полоснул клинком по щиту. — Зачем тебе нужен был я?!

— Да, признаю, возможно, я не достойна твоего прощения. Слишком много зла было сделано мной, но, молю тебя, выслушай мою историю до конца. Возможно, тогда ты будешь обо мне другого мнения...

Яромир не ответил.

Ядвига же медленно продолжала отступать в сторону избы.

— Я не могла найти себе место, когда Мара обманула меня и спрятала дочку в Солнечногорске. Оттуда твой дед Илья и привёз Алёну — твою бабушку по матери, внучку Ядвиги через третье колено.

В груди Яромира что-то больно кольнуло.

— Теперь ещё и по роду Кашеевич... — он невольно опустил меч. — Я уж подумал, что хуже уже быть не может...

— Поверь, я тоже не в восторге. — Ядвига согласно кивнула — Он рыскал по Сварге в поисках Мары, безумно жаждал переманить её на свою сторону. Она же не желала знаясь ни с ним, ни со мной...

— Ты лжёшь. — приступ гнева вновь охватил Яромира. — Я уже не верю ни единому вашему слову! Твердишь, о том, какой он мерзкий, а сама бегала у него на побегушках!

— А что мне ещё оставалось делать?! — в свою очередь взбесилась Ядвига. — На меня объявили охоту! Думаешь, эти выродки из Совета Белгорода смогли бы мне простить то, что я с ними сделала?! Как бы не так...!

— Они действительно тебя унизили? — чувство жалости сдавило грудь Яромира, и он

снова опустил меч. — Взаправду?

Губы Ядвиги затряслись и слёзы ещё сильнее побежали по щекам:

— На что я надеюсь?! Тебе не понять, какого это — из той, кому поклоняются, в один миг обратиться простой, слабой бабой, когда любой мужлан... — она резко оборвалась, отёрла лицо рукавом и гордо выгнула грудь. — Я стала изгоем, как среди ассов, так и среди антов! И то, если бы мать не вправила Кащею извилины, то так всё и оставалось бы дальше! Она же и убедила меня вновь присоединиться к Кругу...

— Мечешься от одного хозяина к другому, как побитая собака... — презрительно сплюнул Яромир.

— Каждый из нас готов пойти на всё, лишь бы сохранить жизнь. И анты, и ассы — все, как один: хитры, коварны и бессердечны в погоне за молодостью, славой и властью. Ты заплутал, я вижу... — она умоляюще протянула руки к Яромиру. — Я чувствую, как ты устал, как тебе больно, мой родной... Мой хороший, остановись. Позволь помочь тебе, как всегда. Этот мир не достоин твоей доброты, отваги, твоей честности и справедливости... Давай уйдем? Забудем о предсказаниях, о Кащее и о Велесе. Я сделаю тебя счастливым! Доверься мне, и ты забудешь всё это, как страшный сон. Прости меня, за всё...

Яромира трясло.

Одна его часть хотела поверить ей, махнуть рукой и последовать за ней, другая же — будто крохотным кинжалом ковыряла в боку, не давая ему с головой провалиться в её дурман.

Чем ближе к избе приближалась Ядвига, тем красивее она становилась. Каждое слово ласкало душу слаще предыдущего, маня Яромира за собой.

Он чувствовал, как ему всё сложнее и сложнее становилось ей сопротивляться.

Но и повернуть назад, не получив ответа на все свои вопросы, он не мог...

— Ты столько раз могла вернуть благосклонность Круга, передав меня Кащею. — Яромир устало посмотрел в светящиеся нежностью глаза Ядвиги. — Почему...?

— Глупенький. — она было сделала к нему шаг, но Яромир не позволил ей приблизиться дальше, выставив вперед остриё Кладенца. — Прислушайся, что говорит тебе сердце? Все мои поступки были исключительно из любви к тебе. Признаюсь, я уже и не верила, что смогу вновь испытывать такие чувства, но, взглядевшись в твои глаза, там, на топах, поняла, что ты — моя судьба! Лишь ради тебя одного я передала Круг и попыталась спасти Ярослава! Ты бы только знал, как тяжело мне далось заставить себя пойти против своей природы..., и я изменилась, полюбила людей, творила лишь добрые поступки, спасала тех, кого раньше готова была раздавить, как мелкую, назойливую сикарашку! Всё это только ради твоей любви...!

— Чудовище ты породила тоже из любви ко мне? — голос Яромира неожиданно стал резким и грубым, груди зажгло, и он сделал угрожающий шаг на встречу Ядвиге. — Велес сказал, что ты донесла Кащею о побеге Ярослава. Всецело твоя вина, что водяной упокоил мать, а помимо неё ещё столько народу, что уму непостижимо...!

— Какой же ты твердолобый! — обижено воскликнула Ядвига. — Как ты не можешь понять: раньше я тебя не знала и не ведала, во что всё это выльется. Но я ведь пыталась...!

— А зверь?! — Яромир вновь нанес неожиданный удар по щиту, от которого испугавшаяся Ядвига повалилась на землю. — Для чего ты потчевала его моей кровью?! Зачем сделала так похожим на меня?!

— Ненормальный! — уязвлено выругалась она, поднимаясь на ноги. — В который раз

повторяю: я не знала! Одинокая женщина, живущая на проклятых болотах... Мне просто необходим был хоть какой-то защитник! Ты сам видел Черныша: мелкий, оголодавший, облезлый, немощный бесёнок. Ему только мышей гонять, да всякую погань от избы отваживать. Я же не ведала, что твоя кровь с ним такое сотворит. Нет, поначалу-то я была довольна: зверёк крепчал на глазах, стал покладист и любознателен. Ни на шаг от меня не отходил. Тогда я и решила попробовать кое-что новое...

— Ты безумна. — осуждающе покачал головой Яромир.

— Безумна, не безумна, но это сработало! Чем сильнее становился Черныш, тем быстрее возвращалась моя сила. Представь, столько зим мне приходилось ухищряться, дабы всеми правдами и неправдами отнимать чужие жизни, чтобы хоть чуточку продлить свою. Теперь же этого больше не требовалось! Пока Черныш оставался жив, я наконец-то могла стать самой собой! С ним я могла отомстить ненавистному Велесу и без особого труда сделала это! Но ты, мой хороший, никак не выходил у меня из головы. Я не знала, куда ты ушёл, но сердцем чуяла, что рано или поздно должен был вернуться..., стала знахаркой, а Черныш захотел остаться стражем. Он понимал, что деревенские сожгут его, только завидев, поэтому всегда скрывался в тени. Не поверишь, но с каждым днём он всё больше походил на человека. Ты себе даже представить не можешь, сколько он всякой приبلуды погнал из Темнолесья и, заметь, не одного лободырого мужика не тронул!

— Зато тронул одну ни в чём не повинную девочку...

Образ Вереи болезненно всплыл в памяти сам собой, нагнав на Яромира печальные воспоминания.

— Ты всё ещё продолжаешь скорбеть по ней? — насмешливо усмехнулась Ядвига, подметив его печальный взгляд. — Брось, её жизнь совершенно ничего не значила!

— Зато сейчас от неё зависит твоя... — презрительно огрызнулся Яромир в ответ.

— Честно, я хотела от неё избавиться, признаю! — Ядвига, по своему обыкновению, невинно пожала плечами. — Каждый раз, в бреду, ты шептал её имя. Я просто не могла позволить какой-то рыжей потаскухе помешать нашему счастью! Только в её кончине нет моей вины...

— Твой зверь разорвал бедную Верею на части!

Сверкнула сталь Кладенца, молнии вылетели из Оков Радагаста, и Ядвига гулко ударила спиной о стену избы.

Глава 21: «Звезда Сварога.»

— И снова ты не прав! — с обидой выпалила она. — Черныш пошел на это сам! Не забывай, что он мыслил, как ты, чувствовал, что чувствуешь ты! Он видел, мою тоску по тебе и что она для тебя была дорога. Потому и решил загнать сразу двух зайцев: и насолить тебе, и доставить удовольствие мне. По крайней мере он так думал... Ревность — отвратнейший из пороков...

— Столько смертей... — с ужасом прошептал Яромир. — Теперь я всё понимаю... Вина за всех, кто сегодня умер, тоже всецело лежит на тебе! Патша — он возненавидел себя, искренне веря, что убил ту, которую так сильно любил. Я — блуждал во тьме, хватаясь за каждую зацепку, в надежде хоть как-то оправдаться перед самим собой, что моя жестокость была справедлива... Его молящий о прощении взгляд до сих пор снится мне ночами. Лишь спустя время я осознал, что он просил прощения у самого себя, так и не узнав, действительно ли он убил Верею. И Кривжа... Сколько крови было пролито, потому что ты

возжелала избавиться от какой-то безобидной девочки... Старшина, Ермола, Алеся, их дети, мои братья — их ты сможешь вылечить, сможешь вернуть из Иного мира?!

Ядвига не ответила, лишь осторожно скрылась в темноте дверного проёма.

Яромир вошёл следом.

— Что же за бардак? — она недовольно покачала головой и щёлкнула пальцами, после чего все разбросанные по избе вещи стали сами собой занимать положенные им места.

Ещё один щелчок и в печи загорелись поленья, слабо освещая комнату, а голова Яромира вновь закружилась от аромата малины и шиповника.

Он, замученный и измотанный, сел на край кровати, краем глаза следя за дверью:

— Ничего не хочешь мне сказать?

— А что ещё ты хочешь услышать? — безнадёжно вздохнула Ядвига. — Как полоумная талдычу тебе о своих чувствах, а кажется, будто бьюсь головой о стену... Давай ещё раз: всё из-за любви к тебе и всё ради тебя! Пойми, мы предначертаны друг другу судьбой. Плевать на всё и на всех! Правила условны, а границы размыты. Как ни крути, но ты — не простой ант, а среди ассов всё гораздо, гораздо сложнее, но и по-своему доступнее... Ответь, разве ты не был со мной счастлив?

Яромир отвёл взгляд в сторону и промолчал.

— Каждый раз смотрю на него, — Ядвига глазами указала на массивный дубовый стол посреди комнаты. — и вспоминаю, как приволокла тебя с болот. Такой красивый, пускай и немного потрёпанный! С самого первого дня, я решила, что ты можешь принадлежать только лишь мне одной... Скажешь — "эгоистично"? Да, так оно и есть. Я знала, покуда старый медведь носится с тобой — не видать нам счастья. Так же я знала, что ты, дурья бабка, не послушаешься и попрёшься к нему, потому и заколдовала рубаху. И все бы было замечательно, не слети Черныш с катушек.

Яромир вопросительно покосился на неё.

— Почему-то я притягиваю к себе всяких ненормальных...? — печально выдохнула Ядвига и завалилась спиной на кровать. — Он не был плохим и так сильно возжелал, чтобы я стала его, что начал переходить границы дозволенного. И когда я увидела на дворе окровавленного Траяна — сердце тут же ушло в пятки. Конь меня не признал, иначе моргнуть бы не успела, как Велес уже оказался на пороге. Тогда и встал вопрос касательно его судьбы. Ведь узнай он про тебя, то убил бы на месте. Ради тебя мне пришлось предать и его. Заманить его в пещеру не составило особого труда, а с Лихо мы были на короткой ноге. А старик рассказывал тебе, что его свист прекрасно усыпляет бесов? Да и противостоять Лиху Черныш бы не смог. И вот тогда я расслабилась и посвятила всю себя тебе. Хочешь верь, хочешь нет, но я была с тобой счастлива... Нужно тебе было полезть именно в ту пещеру?! Я ведь даже метель специально нагнала, чтобы ты домой вернулся, но нет же, попёрся! Так ещё и обезглавил нашу единственную надежду на спасение. Тоже мне, геройничек... Ну, чего молчишь?!

— Что лишнего болтать, когда все оказались хороши... — угрюмо отмахнулся от неё Яромир.

Сомнения раздирали его на части и всё происходящее вокруг казалось лишь очередным его кошмаром...

— Дорогой мой, родной, — снова принялась умолять его Ядвига. — Давай про всё забудем!? Давай уедем за Черные воды, за Песочные земли? Давай убежим?! Черныша нет, волкулаков тоже, Велес и тот уже вот-вот копыта отбросит! Мы будем принадлежать только

друг другу! Я правда могу помочь тебе стать самым великим из всех ассов! Перун, Кашей? Они станут сродни пыли, под твоими ногами!

— А что же твоя вечная молодость? Морока-то больше нет.

— Он мне больше не нужен, когда рядом есть ты, мой богатырь! Представь, какими будут наши дети, раз лишь только нашей крови оказалось достаточно, чтобы из какого-то там беса получилось нечто настолько могущественное! Новые ассы! Они смогут подчинить своей воле не только Этот, но и все миры! И ты поведёшь их за собой! Ты станешь новым отцом-Родом! Яромир Великий! Яромир Неукротимый! Ну же, мой хороший, молю тебя, не молчи...

Голова Яромира закружилась.

Гнев, любовь, тоска, сожаление — всё это вертелось внутри него огромным клубком.

Он окончательно запутался...

— Забудь про всех! Будь со мной! Ты — мой бог! Ты — мой свет! Я люблю тебя...!

— Вся моя жизнь — одна бездонная яма, до краев заполненная ложью..., и ты просишь меня довериться тебе?

— Клянусь, больше никакого обмана! Видишь, я открылась тебе без остатка! Теперь ты знаешь обо мне всё! Ты знаешь о себе всё! Начнём всё с чистого листа...

Ядвига медленно поднялась с кровати и томно провела руками по плечам, сбросив платье на пол.

Оно медленно струилось по бёдрам, оголяя некогда так желанные Яромиром формы.

Он уже давно убедился: когда она хотела, перед ней невозможно было устоять...

Тени очага игриво прыгали по её обнажённому телу, соблазнительно подчёркивая каждую его деталь, сводя Яромира с ума.

Он едва мог держать себя в руках.

— Ну же, — её томный полусшепот эротично манил, заставляя прикусившего от изнеможения губу Яромира напрячься. — иди ко мне, мой богатырь. Я вся твоя... Давай растворимся в любви...!

Ядвига медленно провела ногтями по обнаженной груди и игриво поманила Яромира пальцем:

— Иди же уже ко мне, мой великий асс.

И Яромир поплыл...

Страсть и нежность с головой охватили его.

Он больше не мог сопротивляться своим желаниям.

Её глаза — черные, как Великое море, уносили его всё дальше и дальше во тьму.

Яромир невольно растворялся в ней. Тревога отступила, сердце неистово стремилось вырваться наружу, а руки дрожали от желания.

Сейчас, для него в мире, кроме неё, больше ничего не существовало...

Руки Ядвиги осторожно обхватили его шею.

Она буквально горела от желания, а резкий аромат малины и шиповника окончательно сломил его волю.

— Я люблю тебя, мой богатырь. — напела она сладким голоском на ухо Яромиру и прильнула к его губам в страстном поцелуе.

По щеке Яромира побежала серебристая слеза, а взгляд Ядвиги застыл в ледящим душу непонимании.

— И я люблю... — обреченно прошептал он в ответ и медленно вытащил Кладенец из

её живота.

Сверкающее серебро заколдованного клинка окропилось черной кровью, гулко капающей с него на деревянный пол избы.

Следом за ними звонко ударились о пол и оказавшимися не удел Оковы Радагаста.

Яромиру удалось их перехитрить.

Она не проронила ни слова, лишь в ужасе попятились назад, оперевшись спиной на стену.

Черная, как смоль, кровь хлестала из сквозной раны, но Ядвига не стонала от боли, не осыпала Яромира проклятиями. Лишь горькие слезы омрачали её, всё ещё остающееся таким же прекрасным, лицо.

Яромир, мрачный, как сама смерть, едва стоял на ногах, не в силах ни вдохнуть, ни шелохнуться...

Наконец, он действительно смог увидеть её настоящую: без гнетущей тени колдовства, без масок и прикрас, отчего на его душе сделалось только лишь хуже...

Она молчала, но глаза её кричали о безграничной любви, невыносимой боли обиды и глубочайшем сожалении.

И он сам испытывал то же, но поступить иначе не мог...

Ядвига коротко, понимающе кивнула и закрыла глаза, давая понять, что всецело приняла решение Яромира...

Её лицо вновь приняло острые черты. Побелела кожа, появились старческие морщины. Некогда вызывавшие восхищение волосы Ядвиги поседели, часть из них осыпалась на пол.

Ту, кого Яромир так искренне любил, больше не было, а в углу, напротив него, сидела маленькая, сморщенная старушка с седыми растрепанными волосами, та, что некогда спасла его на болотах.

Бабушка Яга медленно открыла глаза и спину Яромира обдало холодным потом.

Черная кровь залила белки её глаз. Из-под кожи повалил едкий дым, сама она ссохлась и осыпалась на пол, оголив белоснежные череп и кости.

Огонь в печи, всё это время яростно пытавшийся вырваться из-за заслонки, добился своего и залил комнату невероятно обжигающим зелёным пламенем, в мгновение охватившее и всю избу.

Яромир тяжело вздохнул, выдохнул, отёр лезвие Кладенца платьем Ядвиги, подобрал с пола Оковы Радагаста, нацепил их на запястье и, не оборачиваясь, поспешил покинуть злосчастную избу.

Велес оставался на своём месте.

Яд Морока уже проглотил его правый бок и добрую половину лица, продолжая медленно ползти по ещё целому плечу.

По взгляду старика Яромир понял, что время его на исходе.

Яромир незаметно смахнул слезу и сел рядом с ним.

— Теперь ты готов. — прохрипел Велес, сплюнув в сторону сгусток пурпурно-серебристой крови. — Не вини себя и не сокрушайся. Вероятно, впервые за свои три тысячи лет, она говорила правду. Тяжело в такое поверить, но Ягиня действительно полюбила тебя..., и ты сделал должное. Пусть это станет для тебя моим последним уроком. Цель — превыше всего. Ни жалость, ни сожаление, ни любовь — ничего не может заставить тебя сбиться с пути.

Велес начал говорить тихо, отчего Яромиру пришлось подвинуться поближе.

— Она заслужила такую кончину... Слишком долго Яга безнаказанно отнимала чужие жизни в угоду своей. Слишком много крови осталось на её руках. Да и аз далеко не добродетелен, чего уж таить...

Яромир заметно напрягся.

— Она не солгала и на мой счёт... Со смерти Ярило аз не мог найти покоя. Открою тайну: именно Славомир убедил меня закончить век ассов. Аки ты сегодня сам убедился, мы — бич Сварги, прогнивший пережиток Старграда. Некогда великие творцы, ставшие распоследними подлецами...

Велес по-отцовски положил руку на колено Яромира.

— Сын, с самого первого дня аз видел в тебе лишь орудие, рождённое послужить великой цели, но, с приходом Перуна, всё изменилось... Действительно, открывшаяся правда испугала меня. Аз ошибся с ребенком и мир оказался настолько близок к концу, аки ещё никогда доселе. Тогда же и ты подвернулся под горячую руку. В порыве ярости аз не придумал ничего лучше, чем отстранить тебя подальше. Ягиня права, аз испугался силы, что кроется в тебе. Ведь Асс из меня уже не тот, оже на заре времён... Погляди, какая-то погань смогла меня упокоить! Жалкое зрелище...

— Не говори так, отец. Ты великий...!

— Был, некогда... — мрачно улыбнулся Велес одной стороной лица. — Но аз не печалюсь. Всё же, мне удалось вылепить из тебя славного богатыря... Жаль, конечно, оже не ты оказался ключом. Ты тот, кто поможет этому ключу выбрать правильный из замков.

— Так кто же это, отец?

— Варвара...

— Сестра?!

— Да, да..., маленькая, невзрачная девочка, выросшая великим воином. Из-за тебя, аз не смог разглядеть её силу. Никто не смог...

Велес запустил руку в бороду и вытащил из неё что-то настолько яркое, что Яромир невольно отвернулся.

Когда его глаза привыкли к свету, он увидел, как старик протягивает ему этот странный, вызывающий неподдельное восхищение оберег.

Янтарная Звезда Сварога переливалась солнечным огнем и едва помещалась в ладони, обжигая её, будто раскалённая головёшка.

В самом звезды центре ослепляющим светом, поблёскивал небесно-голубой кристалл.

— Это..., - Яромир изумлённо крутил в руках секрет Велеса — настоящая Звезда Сварога?!

— Звезда Сварога, Сердце Славомира, Ярило-камень. У него много имён и ты первый кто видит его в живую.

— А этот камень? — он указал на необычный кристалл.

— Душа Бога... — Велес протяжно, утрашающе захрипел. — Сын, у нас малое времени... Это не твоё бремя! Ты должен передать Варваре Звезду Сварога. От этого зависит судьба всего мироздания...! Она поймёт, оже с ней делать. Отыщи Траяна, он приведёт тебя к сестре, но поторопись — Кашей уже протянул к ней свои костлявые пальцы. Кхе-кхе! Подойди ближе...

Яромиру пришлось подставить ухо ко рту старика.

— Запомни мои слова, — Велес обнял Яромира за шею. — Найди Китавраса, Семаргла и Святогора — они помогут тебе совладать с Перуном и Кругом. Верни Ховале глаза — он

поможет тебе восстановить порядок среди антов. И ещё..., бойся Триглава, а коли встретишь — тут же убей! Цмок расскажет как... Поганый змей не должен заполучить Душу Бога! Кхе-кхе! А, когда Варвара низвергнет Чернобога, позволь ей покончить со всеми остальными и сам склони свою голову...

Яромир было захотел в ужасе отпрянуть от старика, но тот лишь сильнее прижал его к себе:

— Сын, ты — асс и тебе, как и всем из нас, нет места в этом мире! Придёт время, и ты сам в этом убедишься... Впереди тебя ждут сложные, страшные испытания и сегодня ты доказал, оже готов к ним. Встреть же их сильным духом и крепкой рукой!

Холодные губы Велеса прижались ко лбу Яромира, и он почувствовал на щеке влагу от одинокой скатившейся слезы старого бога.

— Аз не буду просить прощения, сын. Однажды ты сам всё поймёшь. Не лей по мне слезы. Лишь Ярило — единственный из ассов, кто был достоин этого. Поминай его, аки тс делал и аз. Несмотря на всё, аз любил тебя не меньше, чем его... Аз уйду, с великой гордостью, называя тебя своим сыном!

Теперь уже и Яромир не смог сдержать слез...

— Помни меня, сын, не страшись ничего и иди до конца! Аз уйду, а здесь за тобой присмотрят... Пусть сбудутся деяния твои, во славу богов и предков. Ныне и присно. И от круга до круга.

Велес ещё раз поцеловал Яромира и отпустил:

— Теперь, аз попрошу тебя выполнить последнюю мою просьбу...

Яромир отпрянул назад, всем нутром чувствую, о чём хочет попросить его Велес...

— Помоги мне уйти достойно, сын. — твёрдо и убедительно начал он. — Яд мучает меня. Окажи мне великую честь, сделай это быстро. Хоть буду знать, оже помер не от помойной скотины...

Пурпур окончательно залил лицо Велеса и уже подходил к кончикам пальцев. Сил старика хватило лишь только взглядом указать на лежавший возле ног Яромира Кладенец.

Яромир глубоко вдохнул и выдохнул...

Он наклонился и неуверенно поднял меч с земли.

— Гой еси, сын. — прошептал Велес и умиротворённо закрыл глаза.

Он уже не видел, как горькие слезы Яромира заблестели в зелёных языках полыхающей в стороне избы.

— Прощай, отец... — уважительно ответил Яромир и сделал короткий, молниеносный рывок вперёд.

Короткий свист Кладенца рассек воздух, Яромир в отчаянии упал на колени, а за спиной, по влажной от росы траве, покатила голова Велеса.

Это оказалось последней каплей...

Полный боли, отчаяния и ярости крик вырвался из груди Яромира.

Сегодня он потерял абсолютно всё, что было ему дорого!

В гневе он отшвырнул Кладенец в сторону и уже был готов выбросить Звезду Сварога, как его взгляд вновь приковал к себе небесно-голубой камень.

"Паршивая безделушка...!" — из оставшихся сил он сжал оберег в кулаке. — "Разве всё это того стоило...?!"

Неожиданно, янтарь с треском лопнул, и нестерпимая боль пронзила руку Яромира.

Он ещё долго стоял на коленях и в ужасе смотрел на стекающую промеж пальцев кровь.

Яромир прекрасно осознавал, что натворил то, чего никак делать было нельзя...

Ведь Велес дал чёткие указания относительно Звёзды Сварога.

Теперь же Яромир понимал, что, скорее всего, лишил мир единственной возможности на спасение...

Он осторожно раскрыл ладонь и окровавленные осколки янтаря посыпались на землю.

Его сердце заколотилось ещё сильнее, когда он увидел, что небесно-голубая Душа Бога залилась кроваво-красным оттенком.

Руки Яромира затряслись.

Со страху он выронил принявшийся вибрировать и гудеть кристалл и отошёл на несколько шагов назад.

Внезапно, Душа Сварога стала медленно подниматься в воздух, а гул становился всё сильнее и сильнее.

Яромир даже не успел понять, как кристалл, будто стрела, со свистом вонзился в его грудь.

Острая, невыносимо жгучая боль пронзила сердце, и он завалился на бок.

Казалось, будто оно целиком превратилось в один большой факел...

Он выли и катался по земле, как всё резко прекратилось.

Яромир, весь трясущийся и мокрый от пота, поднялся на ноги.

Страшно хотелось пить. В глазах помутнело. Сдавило лёгкие.

От жары он сбросил с себя разодранную рубаху.

Боль вернулась так же неожиданно, заставив его снова упасть на колени.

Он стиснул зубы и крепко сжал кулаки.

Что-то неистово рвалось из груди наружу.

И, всё-таки, вырвалось...

Столб первородного огня взмыл в небо.

Оглушительный гром трижды сотряс землю, и по ночному небу во все стороны поползли огненные молнии.

Боль вновь отступила.

Ошарашенный Яромир тяжело дышал.

Кровь барабанным гулом стучала в висках, не давая возможности подумать.

Внезапно, небо озарилось огненным заревом, стремительно приближавшимся к месту, где находился Яромир.

От изумления он открыл рот.

Огненный, значительно превосходивший в размерах человека, сокол вспорхнул над его головой и вихрем опустился на землю.

Языки пламени от его перьев развивались на ветру, а за хвостом, по земле, волочился огненный шлейф.

— Пред тобой — Ророг, — по-человечески заговорила птица. — Аз явился на зов Сварожича!

Яромир, от удивления потерявший дар речи, не видел перед собой ничего, кроме огромного оранжевого пятна.

Он закатил глаза к небу, где огненная молния вновь собралась воедино и с нестерпимой болью вернулась в его грудь, оставив над сердцем выжженную в коже Звезду Сварога.

Ему неожиданно стало легче.

Жжение пропало, боль отступила.

Яромир чувствовал, как каждая частичка его тела наполнялась теплом и необъятной, необузданной силой, разбегающиеся по венам.

Теперь он смог разглядеть названного гостя, но совсем недолго...

Звезда Сварога на груди залилась огнём, глаза закатились и последнее, что он увидел, был угрожающе приближавшийся к лицу клюв Ророга...

Больше книг на сайте - Knigoed.net